

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

В августе 2009 года молодёжная общественная организация – Херсонский городской Центр молодёжных инициатив «Тотем», – начала проект «Диалог поколений». Его цель – признание и передача молодым людям жизненного опыта людей старшего поколения – тех, кто пережил войну, кто помнит самые трагические события 20-го века. В нашей организации мы создали мастерскую, которую назвали «Живая история». Мастерская – это своеобразная площадка для встреч и общения молодых и пожилых людей, во время которых мы хотим услышать настоящие, живые воспоминания. Во время этих встреч мы собираем аудиоматериал, на основе которого издаём альманах «Живая история» и создаём театральные спектакли по воспоминаниям жителей Херсона. Но главное – мы учимся не только слушать, но и слышать друг друга.

ПРОЕКТ РЕАЛИЗУЕТСЯ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «МЕСТО ВСТРЕЧИ – ДИАЛОГ» ПРИ ПОДДЕРЖКЕ НЕМЕЦКОГО ФОНДА «ПАМЯТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, БУДУЩЕЕ»
WWW.STIFTUNG-EVZ.DE

Целью этой программы является поддержка негосударственных организаций, которые способствуют улучшению социального и психологического состояния людей, пострадавших от тоталитарных режимов, в частности от нацизма, развитию диалога и взаимопонимания между этой категорией людей и молодежью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книжка для
№2 в 2-х частях
в 8-ю серию
записей о в. Немецкая
Офиц. Записки
и др. документы

ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ.....	10
НАЧАЛО ВОЙНЫ.....	18
ЭВАКУАЦИЯ.....	22
ОККУПАЦИЯ.....	26
ПАРТИЗАНЫ.....	36
ДОРОГА В ГЕРМАНИЮ.....	44
РАБОТА В ГЕРМАНИИ.....	48
ЛАГЕРЯ.....	58
ФРОНТ.....	64
ТЫЛ.....	72
ГОСПИТАЛЬ.....	78
ЛЮБОВЬ.....	84
МИНУТЫ ОТДЫХА.....	90
КОНЕЦ ВОЙНЫ.....	96
ДОМОЙ!	100

STIFTUNG **evz**
ERINNERUNG • VERANTWORTUNG • ZUKUNFT

TREFFPUNKT МІСЦЕ ЗУСТРІЧІ
DIALOG: ДІАЛОГ

Handwritten text in Cyrillic script, likely a diary entry or letter, visible in the background of the lower right section.

АЛЬМАНАХ ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

В РАМКАХ ПРОЕКТА
«ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ»

1

часть
ПЕРВАЯ

Handwritten text in blue ink on a piece of aged paper:
Нордвик

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

«Живая история» – это не история, изложенная в учебниках и в статьях энциклопедий.

«Живая история» – это не архивная анкета и не профкомовская характеристика. Это история «первоисточников», которые сами могут уточнить детали и прокомментировать события. А этого не сделаешь ни в архиве, ни в библиотеке. Это история с живыми эмоциями, это история, способная вызвать катарсис. Это история, позволяющая молодому человеку посмотреть на противоречивые и зачастую трагические события глазами свидетеля, почувствовать (насколько это вообще возможно) себя в «их шкуре». Это история людей, которые обладают тем качеством, которого так не хватает сегодня – быть настоящими.

Почти год мы собирали воспоминания свидетелей прошлого столетия – людей, на чьих глазах происходили самые важные события XX века. Это и ветераны войны, и бывшие «остарбайтеры», и узники концлагерей, и «дети войны». Каждой услышанной нами истории жизни могло хватить на десятерых, а ведь это не истории министров, военачальников или народных артистов. Это истории обычных людей, на чьи плечи легла основная тяжесть века минувшего. Конечно, после этого понимаешь, что слово «обычный» здесь не совсем уместно. Но и слово «особенный» сюда тоже не совсем подходит. Эти люди живут рядом с нами – так же, как и мы, ходят в магазин, смотрят телевизор, пьют чай с печеньем. Заговорите с вашими пожилыми близкими, соседями, коллегами – и вы откроете для себя не только человека, но и эпоху. Нам всем следует помнить, что история никогда не кончается. Она подпирает современность и постоянно захватывает её. Поэтому верхней временной границы быть не может, и вчерашние фотографии и воспоминания – сегодня уже тоже история, ценность которой со временем будет только возрастать.

Николай Гоманюк,
кандидат социологических наук

Губарева Любовь
Аврамовна
1927 г.р., Херсон

Шевченко
Александра
Марковна

1922 г.р., родилась в
с.Гоголево
Полтавской обл.
В Херсоне с 1971 г.

стр. 55

Утром нас выводили на военный завод. У ребят такие ящики, и если кто падает, то его в этот ящик подбирают, а мужчины его несут. Как только мы заходим на завод, там уже висит мужчина или женщина. Нам говорят – вот, плохо будете делать, будете висеть так, как эти... Там мы поработали, наверное, неделю. Потом завод разбомбили. Утром опять нас из барака погнали на вокзал, опять загнали в вагоны, и мы так долго ехали, голодные. Немцы нас во двор выпускали. Выпустят, а там такие канавки были, и в них зелень росла, и мы эту зелень кушали, потому что ничего не давали...

стр. 38

...В одном месте, где мы бой держали, наши ребята сделали все столбы телефонные, несколько километров. Мы в селении были, и погибло шесть человек, мы их там оставили, а когда на следующий день был приказ вернуться, посмотреть, что там – наши ребята лежали раздетые наголо, всё снято было. Мы их подобрали и в лесу схоронили...

В текстах альманаха максимально сохранена манера речи при их минимальной литературной обработке. Для нас ценным является не только то, что говорит человек, но и то, как он это говорит. Так, во многих историях может показаться, что рассказчик путает прошедшее и настоящее время – но мы не стали вносить исправления, так как именно эта особенность повествования показывает, что прошлое имеет для этих людей такую же силу, как и настоящее. Рассказывая, они переживают события 60-70-ти летней давности так, как будто они происходят здесь и сейчас, и вместе с ними мы видим ожившие картины их прошлого. Именно это ощущение живой истории мы и хотели передать и сохранить.

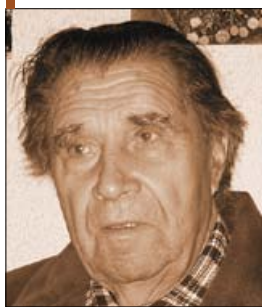
Елена Афанасьева, директор ЦМИ «Тотем»

стр. 11

...Под весну 1933 года потеплело на дворе, я начал выходить и потерял сознание. Сколько я лежал – не знаю, но в мозгу появился какой-то звук. Я услышал, открыл глаза – никого около меня нет. Это был клич Господа Бога, голос мне сказал: «Вставай!». Я пришёл в сознание, вылез в огород, начал искать что-то съестное. Оттаял снег – лебеда осталась, и я эту лебеду начал кушать, на деревьях сгрызал абрикосовую смолу. Потом на поле вытаскивал длинные корни. А в мае месяце акация начала цвести, и мы собирали цвет акации. Соседка его переминала и делала лепёшки. Этим мы и питались...

**Перетяпко
Дмитрий
Кириллович**

1924 г.р., родился в селе Казачьи Лагера Цюрупинского района Херсонской обл. В Херсоне с 1934 г.

**Афанасьев
Игорь Петрович**

1918 г.р., родился в Петрограде (Санкт-Петербург), Россия. В Херсоне с 1957 г.

стр. 71

...Мы шли с грузом авиационного бензина из Батуми в Туапсе. Подлодок Гитлер в Чёрное море набросал огромное количество. И немецкая лодка нас торпедировала, но мы сначала не поняли – просто был удар о корпус. Из танкера идёт бензин и по палубе разливается вместе с водой, запах сильнейший. Сказали, что где-то пробоина. И вот приходим мы в Туапсе, водолазы обошли корпус, нашли пробоину, завели пластырь и откачали всё содержимое танкера. И наш командир туда полез. Проходит время, его поднимают, он снимает маску – а у него лицо белое-белое, как чистой простынь. И он говорит: «Там торпеда!» Все сразу дышать перестали... Это была единственная торпеда на Чёрном море, которая торпедировала судно и не взорвалась!

**Чуйченко Иван
Степанович**

1928 г.р., родился на Кубани, в Ростовской области

стр. 34

...У нас поросёночек уже был такой подходящий, месяца четыре. Немцы ходят, «яйки, млеко» ищут, грабят всё. А два немца ходили в наш свиношник, сарайчик такой для поросёнка, они всё ходят, ходят, болтают между собой, заглядывают. И тут отец сообразил, как их обмануть. Взял синьку и давай мазать поросёнку за ушами. Они пришли уже забирать его, смотрят: «Болен?» – «Да, болен, больной!» Ушли, и больше никто не подошёл, отец поросёнка спас...

**Афанасьева
Маргарита
Алексеевна**

1924 г.р., родилась в Горьковской области, Россия. В Херсоне с 1957 г.

стр. 83

Задача госпиталей была как можно больше и быстрее отправить обратно на фронт. Бывало, мне и костылём от раненых попадало, говорили: «Ты тут в тылу сидишь, а я такой ад прошёл, и ты хочешь, чтобы я туда опять попал!» А как иначе?..

стр. 32

Страхів ми бачили багато. Вечіром вийдеш, подивися кругом – все в огні, кругом усе горіло.. Багато нас дітей, мені шістнадцять років, а я ростіком малесенька, ми лягли на підлогу, повкривалися, прийшов німець, ми дрожали всі, зігнулися й ще менші стали. Німець взяв, присвітив, подивився, і, спасибі йому, нас не тронув...

**Свиридко
Надежда
Андреевна**

1925 г.р., г.Цюрупинск Херсонской области

стр. 80

...**Вот подойдешь** к человеку... Помню, пополнение к нам поступило, лейтенант молодой-молодой, ему только в кино сниматься. Лежит, я подошла, он мне пистолет сунул свой: «На, убей меня, добей меня!» Как я тебя добью, я же не для того, чтоб добивать, я тебе помощь окажу. «Я жить не хочу, убей меня, убей...» Я подошла к нему, как поглядела – боже мой ... Меня ужас охватил, я сама молодая, но я медик, я понимаю, что к чему. Он мне говорит: «Кому я нужен? Зачем я буду жить? Я ещё девочек не видел и не увижу никогда». Всё мужское снято, вот так попало ему, бедному. Вы знаете, вот сколько я живу, он всё у меня в глазах. ...

Шевченко
Анна Степановна

1937 г.р.,
родилась в Польше.
В Херсоне с 1961 г.

стр. 27

...**Я хорошо это помню**, убили немца... Там же партизаны, лес кишел. Убили немца, так они всё село согнали. У нашего дядьки двор был большой, и вот всех туда согнали. И сарай такой длинный помню. И нас там под этим сараем построили всех... Бабы плачут, кричат. Мы, дети, конечно, не сообщали. Мы не плакали, ну, конечно, боялись тоже, но бабы очень плакали – плакали и просились. Из хаты дядькиной жены начали выносить сметану, молоко и давать этим немцам, чтобы нас не стреляли, и они ж так – «яйка, млеко», – вот это хотели всё. Они начали пить это молоко, и подержали нас так и распустили.

Гринштейн
Зоя Ивановна

1924 г.р.
Родилась
в г. Серпухов, Россия
В Херсоне с 1952 г.

Фурсенко
Ольга Захаровна

1930 г.р., родилась в селе
Григорьевка Хрущевского
района Кировоградской обл.
(сейчас Светловодский р-н).
В Херсоне с 1959 г.

стр. 28

...**А корова какая была у нас умная!** Вы себе не представляете, какие животные были умные: чтоб не зарезали немцы, мы её закрыли снопами. И когда приходили солдаты, говорили «яйка, яйка», хотя вроде и не голодные были, но всё забирали у людей, а нам надо было пробраться, подоить корову, но она никогда не мэкнула! Немцы ж приходят и уходят, они не сидят только у нас. А когда корову подоили, и ей требуется вода, то она чувствует, когда никого во дворе нет, и она тихонько «мэээ» – водичку просит, а если есть кто-то из немцев – она ни звука не подает...

Бундуки
Вера Михайловна

1939 г.р. родилась и
живёт в селе Киндийка
Херсонской обл.

стр. 29

...**Я пам'ятаю** во время війни, як сиділа на руках у мами і німцю дулю дала під ніс. Це я добре запомнила, тому що мама довго кричала і мене так обняла, тому що боялась, що мене може затрелить. А він не застрелив, він мені теж так дулю показав...

Врадий Юрий
Афанасьевич

1929 г.р., родился в
г. Голая Пристань
Херсонской обл.
В Херсоне с 1965 г.

стр. 24

Направляли нас в Батуми – конечный пункт. Пришли мы в Сухуми, пошли просто так по городу походить. Возвращаемся, а нас собирают и с парохода сгружают, говорят, что в море появились немецкие подводные лодки, и мы поедем поездом. На вокзал мы шли пешком. И в это самое время, только мы туда собрались, началась первая бомбежка Сухуми. Бомбили в основном портовый участок. Мы смотрели, как бомбы летят...

стр. 49

Помню, що якісь воєнні ходили і все щось спрашували у мамі: «Совети не приходілі?» або по-другому: «Бандерівці не приходили?». Помню як вивозили людей на Сибір. Бачила як тьотю Настю вивозили. Холодно вже було – або пізно осінню, або зимою. На підводі... В неї було скільки? – шестеро дітей і вона. Оце їдуть на підводі, ну які там можна пожитки взяти – без нічого, без чемоданов, без хліба. А по боках підзірателі шли... І нічого ніхто не говорив.

**Гоманюк
Екатерина
Николаевна,**

1941 г.р.,
Родилась в селе
Верба Ровенской обл.
В Херсоне с 1965 г.

**Лицоева Надежда
Павловна**

1931 г.р.,
родилась в
г.Новозыбков Брянской
области, Россия
В Херсоне с 1991 г.

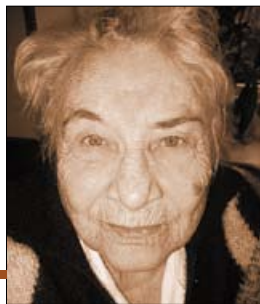

стр. 41

...Немцы нас вывели, сестре наручники одели, а мне руки платком носовым связали – а я с гордостью иду, руки держу, чтобы было видно – мечтала о подвигах, никто ж не верил, что ребёнок может быть из подполья. Нас ведут, а фрицы нас фотографировали, специально для агитации, видимо. В гестапо привели, меня посадили возле патруля, а сестру повели сразу на допрос. Я сижу и чувствую себя каким-то героем... И тут слышу крик сестры. Боже мой, как они её били... Как она кричала... Кровью там залито было всё, и красная кофточка на ней от кожи совсем не отличалась...

**Кузнецова
Раиса Яковлевна**

1926 г.р., родилась
в Липецкой области,
детство прошло в Москве.
В Херсоне с 1961 г.

**Гаврилова
Людмила
Аврамовна**

1931 г.р., Херсон

стр. 79

...Когда делали перевязку, ни обезболивающего, ничего не было. На живую рану наложили бинт, она присохла, а на завтра ему надо снова делать перевязку. Вот подходишь, разбинтовываешь, вот так рвёшь... Вы знаете, там доставалась всяко – и ругали, и кричали, и зубами скрипели солдаты... Я плакала, потому что так мне было их жалко! А они мне: «Ничего, дочка, рви, рви сильнее». А сама вижу, что у него все лицо побелело от боли...

**Лонский
Сергей Иосифович**

1925 г.р., родился в
г.Кировограде.
В Херсоне с 1930 г.

стр. 62

...Помещение в этом лагере было – ко- ровник или конюшня, цементный пол и труха на полу, со вшами, вши по пол сантиметра, это страшно. Я там был весь в чесотке, начинается между пальцами, и температура высокая – до сорока. Я лежу и не ем, не принесут же. Утром приходят: «Апштейн, Апштейн! На работу!» И говорит мне один, как цивилизованный западный человек: «Морген ихт капут...» Это значит, что меня завтра бросят в яму. Там не сжигали нас. И, знаете, мне легче стало, думаю – отмучился...

стр. 30

...Ходили люди, собирали щепки для того, чтобы отопить квартиру, готовить кушать. И вот моя мама, как и все, пошла собирать эти щепки, и в том районе, где сейчас Вечный огонь, – там ров был, где расстреливали людей. И она услышала как бы котёнок запищал. Оглянулась и увидела свёрток, подошла – это была я, и она забрала меня. Она принесла меня к себе домой, в то время у неё был сын, она ещё кормила его грудью. Зная, что такую маленькую есть чем выкормить, она меня оставила в своей семье. Приходили соседи, и, когда видели меня, возмущались – мол, зачем ты себе взяла обузу такую, ведь она не выживет...

стр. 27

...Мы гуляли на улице, нас трое гуляло, я самая старшая была, мне было уже 7 лет. Копаемся себе в песочке, смотрим – ведут коз не коз, собак не собак, ничего не можем понять. А когда они уже до соседского двора дошли, мы увидели, что это немцы голых мужиков гнали, человек двадцать, вот как стадо... Мужики шли руками и ногами, их гнали на четвереньках, как овец, гнали с пистолетами и с батогами. Они зашли к нам во двор, мама кинула капусту, а они ртом рвали эту капусту. Мама начала плакать, что где-то брат мой родной в плену. Страшная эта картина. Я запомнила, что немцев было шесть, бо я уже считать могла до шести...

Шаварина
Ольга Лазаревна

1938 г.р.,
родилась в г.Киев.
В Херсоне с 1968 г.

стр. 59

...В каком городе, не знаю – везли нас долго, – но помню, что нам уже одеяла давали укрываться, и был там один полицейский. Он был то ли русский, то ли украинец – я не знаю, но он к папе моему приходил домой вечером, и папа часы ему делал. И этот полицейский сказал: «Вас будут увозить. Скажу честно – в топку посылают сразу всех больных, так что даже если ты еле-еле заболел, иди ровно и не показывай вида, потому что таких всех сожгут». И он то хлеба приносил кусочек, то мне кусочек печенья. Он сказал, что утром придёт, как только сдаст смену. Но он почему-то не подошёл, нас погрузили на машину и перевезли в другой концлагерь, а потом в следующий...

Смеян
Тамара Павловна

1937 г.р., родилась в г.Каховка.
В Херсоне с 1960 г.

Дроботенко
Борис Никитович

1926 г.р., родился в Красноярском крае.
С 1991 г. в Скадовске Херсонской обл.

Норченко
Вера
Лукьяновна

1926-2010, Херсон

стр. 51

...Я так этой немке понравилась, что прошло месяца два, и она меня повела к своим родственникам, и всё им рассказывает: «Я себе такую девочку взяла, такую девочку! Такая труженица, такая... Всё время и моет, и убирает, и на поле работает, большая труженица. Я такая довольная! Вы посмотрите, какие у неё зубы, какие у неё хорошие волосы!» Ещё она померила мою руку и свою руку и говорит: «Посмотрите, какая у неё рука уже, она поправилась». А потом, как я у неё пожила, она мне пошила платье с карманчиком, а в карманчике белый платочек, я этого не ожидала...

Гробовенко
Тамара Ефимовна

1934 г.р., Киндийка

стр. 31

...Один немец у нас жив в хаті, якись чин високий, в нього така кокарда була, офіцер, і денщик у нього був. Він сидить завтракає, ето я хорошо помню, а ми ж повставали, рты порозявляли, нам хочеться, ми ж голодні... Був у нього такой сыр голандський – як зубна паста, видавлюється. Він отрізав хлеб, намазав масла, потом сиру выдавил, несколько кусків помазав, а ми стоїмо й облизуємся в коридорі. Смотрім – он чай попил, а остальное пішов і викинув на вулицю і ногой растоптав, щоб ми не подняли, і ще сміється. Вот это до сих пор я помню – прямо в глазах все. Отак растоптав все – і сир цей в тубику. Він пішов, ми взяли той тубик, разодрали і облизували...

стр. 67

...В Румынию приехали, выгрузились под Ясами. Нас назначили в четвёртый казачий Кубанский кавалерийский корпус, он движется вперёд, нам надо догонять. А продукты не дают, мы на самообеспечении. А мы молодежь – дураки, откуда мы знаем, что такое самообеспечение? Нам на взвод дали два автомата, 35 человек было во взводе. Старые фронтовики заходят к гражданским румынам, видят – кабан, и из автомата кабана. Распотрошили, сварили, а нам идти надо, догонять корпус. Грязь, мясо в ведрах, хлеб тоже у хозяев брали – ну нахальные, а что делать?..

стр. 52

...Работа была очень тяжёлая, физически тяжёлая, хотя мы все были маленькие. Очень плохо нас кормили: хлеба почти не было, одна брюква, капуста, никаких жиров, это скотское питание было... И я попала в больницу. Но это был уникальный случай, больше никого никуда не помещали. Жена шефа нашего завода то ли какое-то сочувствие выразила, то ли она надеялась, что, когда наши войска придут, это ей зачтут – не знаю, на что она надеялась, но она настояла на том, чтобы меня забрали в больницу, потому что видела, что я в буквальном смысле слова умираю....

Матвиенко
Белона Акимовна

1927 г.р., Херсон

Олейникова
Анна Даниловна

1923 г.р., родилась
в г.Миргород,
Полтавская обл.
В Херсоне с 1941 г.

стр. 39

Я пошла в военкомат, говорю – так и так, вернуться я не могу, сестра не пускает домой в Миргород, говорит, что кто-нибудь тебя обидит в дороге. В военкомате сказали: «Нет, будешь жить тут, пока война кончится». А война идёт и идёт. Я снова пошла в военкомат, у меня же нет ни обуви, ни одеться, а я боевая такая... Военкомат мне отвечает: «Деточка, отступаем, слишком сильно немцы гонят нас, отступаем! Ты тут пригодишься!» А я думаю – как пригодиться? Послали нас на окопы рыть сначала, там уже с людьми познакомилась, партизанский отряд организовался...

Кулик Ольга
Николаевна

1923 г.р., Херсон

стр. 55

Весь лагерь был огорожен сеткой-рабицей, за лагерем было поле, и там росла морковь, мы видели по росткам. Когда была бомбежка, ребята подрыли сетку, нырнули туда и начали раскапывать морковь. Хорошая морковь! Накопили морковки и поделили. Мы сидим в бомбоубежище и раздаём. Поэтому мы радовались, когда бомбежка – мы можем вылезти, нарвать и хоть морковки покушать.

Савельева
Маргарита
Федосеевна

1925 г.р., родилась в
г.Новочеркасск,
Ростов-на-Дону.
В Херсоне с 1956 г.

стр. 93

...Один раз мы очень хотели выглядеть красиво, решили подкраситься на танцы. А у нас же ничего не было, да мы и вообще не знали, как это делать. Ну, губы-то мы нашли чем покрасить – пошли в столовую, попросили кусочек свеклы. Ну, брови накрашивать – это проще всего, потому что у нас отопление было только печное, и были чёрные угли. А чем же попудриться? Вспомнили, что у нас зубной порошок был – зубы чистили зубным порошком. Командир роты как увидел нас – бегом к нам навстречу и говорит: «Марш домой умываться!!!» А нам же так было обидно, мы ж так старались быть красивыми...

стр. 54

...Кормили нас так, что-бы мы не подошли. Траву давали какую-то зелёную, 50 граммов хлеба в день, режут по крошечке. А траву эту варили, и так насыпают... Шпинат это был, а я даже не знала, что такое шпинат. Оказывается, немцы нас поддерживали этим, это трава полезная была. Наливали – хоть ешь хоть пей, как угодно, но шпинат – другого ничегошеньки...

Скиба Валентина
Васильевна

1925 г.р., родилась
в Синельниково,
Днепропетровская обл.
В Херсоне с 1971 г.

ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Чай и сахар – в 20-е годы эти товары вместе с табаком, алкогольными напитками и спичками были подакцизными. Страсть народа к чаепитию использовалась властями для пополнения казны. А покупать на рынке у частника чай было опасно: можно было нарваться на спитой чай – тот, который заваривали (и не раз), пили, а потом высушивали. Хочешь чаю – иди лучше в магазин. Или в чайную. Это сейчас половина общепита – кафе, а раньше нет – чайная...

фото из архива Афанасьевых. 1936г.

фото из архива Кулик

▶ ДЕТСТВО У НАС БЫЛО УЖАСНОЕ. ВСЁ ДЕТСТВО МЫ ГОЛОДАЛИ, ТАК ГОЛОДАЛИ!.. ЖИЗНЬ БЫЛА ТАКАЯ ПЛОХАЯ, СВОЕГО ДОМА НЕ БЫЛО, РОДИТЕЛИ ЖИЛИ ГДЕ-ТО НАХУТОРАХ, И ТАМ ИХ РАСКУЛАЧИЛИ – ВСЁ ЗАБРАЛИ. Родители уехали ночью на какой-то подводе, жили где-то по квартирам, а детей куда было девать? Я дома даже не жила, я нянчила детей. В Херсоне тот дом, где я нянчила детей, я его и сейчас узнаю – возле улицы Советской и базара. Там был комиссионный магазин, а напротив – дом, там я и нянчила детей, а мне самой было лет десять или одиннадцать, или даже восемь... Не помню, сколько я там нянчила у них, а потом я у одной женщины жила, я её звала тётя Шура, очень хорошая женщина была, и я их корову пасла. Боже, какая я маленькая и с палкой большой за этими коровами... Ещё я припоминаю, что жила у одной женщины где-то под Херсоном, там я тоже нянчила детей, но она меня била, та женщина, вот это я запомнила... Ещё помню, как я лазала по деревьям, особенно акацию помню. Сейчас, когда нога болит, я думаю, как я тогда лазала по акации так быстро? Всё время лазала. Залезу, сяду там, сижу и плачу, скучаю за мамой...

А потом я уже стала взрослая, ходила в школу в Цюрупинске, пока не началась война.

Норченко В.Л.

▶ Я РОДИЛСЯ 10 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА В СЕЛЕ КАЗАЧЬИ ЛАГЕРЯ ЦЮРУПИНСКОГО РАЙОНА ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТИ. ДЕТСТВО У МЕНЯ БЫЛО ОЧЕНЬ ТЯЖЁЛОЕ. СЕМЬЯ НАША В ЦЕЛОМ НОРМАЛЬНАЯ БЫЛА, А КОГДА ПОДОШЁЛ 1932, 1933 ГОДЫ – ЭТО УЖЕ БЫЛИ ГОЛОДНЫЕ ВРЕМЕНА. Мы жили в селе всей семьей. По области действовал «Красный крест», и всех женщин, которые имели в чреве ребёнка, собирали туда на это время, взяли мою маму и моего брата маленького, ему 4 года было. Отец ушёл на поиски пищи, и так я один остался. Никаких продуктов не было. Чем я питался – это даже страшно сказать. У нас был запас перца горького, килограмма три или четыре, стручки сухие такие, и дошло до того, что я начал этот перец варить с юшкой и кушать, язык весь покрылся волдырями. А потом, когда мне уже 8 лет было, скорлупу с перца начал кушать – я уже поштучно начал делить на каждый день. Жил один, родственников нету, а люди живут каждый сам по себе. Если у кого коровка была, то эта коровка спала вместе с семьей, и закрывали всё, и чтобы никого из посторонних. Голодное было время...

Под весну 1933 года потеплело на дворе, я начал выходить и потерял сознание. Сколько я лежал – не знаю, но в мозгу появился какой-то звук. Я услышал, открыл глаза – никого около меня нет. Это был клич Господа Бога, так я понял этот звук. Голос мне сказал: «Вставай!». Я пришёл в созна-

ние, вылез в огород, начал искать что-то съестное – то, что скот ел, лебеду. Оттаял снег – и она осталась, и я эту лебеду начал кушать, на деревьях сгрызал абрикосовую смолу. Потом пошёл на поле, начал вытаскивать длинные корни. Собственно, так и начал жить. Никого около меня не было, сам по себе, как животное. Потом в мае месяце акация начала цвести, и я таких же нашёл, как я, только дальше, через две-три улицы – брат и сестра. Брат такой, как я, а сестра на год старше, и она нас посылала собирать эту «кашку» – цвет акации, она его переминала и делала лепёшки, этим мы и питались. А в июне вернулась мама, уже с новорожденной сестричкой. Мама говорила: «Боже, Митя, я не думала, что тебя застану живого...» Она знала, какое положение... Вот так детство прошло.

В 1934 году с мамой нас трое переехали жить в Херсон. Я поступил в школу № 10, в первый класс, успеваемость у меня была хорошая, а возраст, конечно, выше был, чем положено. И по моей успеваемости директор рекомендовал учительскому совету перевести меня через 6 месяцев во второй класс. Так я в течении 2 лет попал в 4 класс. Тогда уже начал появляться в магазинах хлеб. Уже в 1936-37 годах в магазинах было продуктов полно, начиная от хлеба и кончая мясом, а до этого были самые тяжёлые года...

Перетяпко Д.К.

► Я БЫЛА С ШЕСТИ ЛЕТ БЕЗ МАМЫ, ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК, ЖИЛИ МЫ ПОД МОСКВОЙ. ТОГДА У НАС НАЗЫВАЛИСЬ ДОМА-СПАЛЬНИ, РЯДОМ С ЗАВОДОМ ДОМА ЗАВОДСКИЕ. Только одни типа общежития, общий вход, одна кухня на все этажи. И пять человек. Я пятая, пять детей нас было. Мне шесть лет было, и мальчишки. Отец уходит на завод, говорил: «Зойку глядите!» Я в шесть лет школу пошла, когда братья пошли. Отец говорит: «И её возьмите с собой». Меня в школе сначала посадили просто так, а потом увидели, что знания есть, и зачислили. Тогда ходили в школу с восьми лет, а я одна была такая маленькая. Потому что не с кем было оставлять. И в техникуме учились девушки по 18-20 лет, а мне было 17. И всё детство все – и мальчишки, и девчонки были вместе. Они в футбол – и я в футбол, они в воду – и я в воду, они на лыжах – я за ними. В общем, я ни огня, ни дыма не боялась, я на улице выросла. Сейчас вот в окно поглядишь: девчонки с хлопцами сидят на скамейке, пьют – ну что это такое? Мы так не жили, если квас у нас есть – это всё, мы богатые.

Гринштейн З.И.

► ДО ВОЙНЫ МЫ ИГРАЛИ В ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ. ТОГДА Ж ФИЛЬМ БЫЛ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ». У нас рядом было училище морских лётчиков, и у них кино каждый день. Для них привозили, потому что они не долго учились, где-то месяца два. Мы делали шиты, потом шашки или что-нибудь, и играли в это. А потом там в училище разные были: радисты, стрелки, штурманы и пилоты. Но штурманы и пилоты больше учились, а стрелков учили 2 месяца – и всё. И мы к ним туда приспособились ходить. Тогда на питание мы не обращали внимания, мы никогда не голодали. Ели всё, что приготовили: вот картошку собираем – взяли, спекли, сварили ... И уже всё, достаточно.

Врадий Ю.А.

► РОДИЛАСЬ Я В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ, НО ДЕТСТВО МОЁ ПРОШЛО В МОСКВЕ. КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА, МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 15 ЛЕТ. НАС В СЕМЬЕ БЫЛО ТРОЕ. У

меня были очень хорошие родители, они старались сделать всё, чтоб мы учились. Когда я закончила начальную школу, моя бабушка взяла меня в Москву, и дальше я воспитывалась в семье бабушки. Я тоже ни в чем не нуждалась, собственно говоря, жили не то что богато, но, во всяком случае, жили довольно-таки прилично, и обували, и одевали меня. Вы знаете, тогда не было таких бальных платьев, обыкновенные ситцевые платья, новенькое конечно, особо тогда не выделялись – не было как сейчас, когда платья шьют бальные. Была у нас школьная форма такая: поверх платья одевали голубенький сатиновый хала-

фото из архива Афанасьевых. 1936г.

тик, вот это и была школьная форма. Халатик-то можно постирать, а платье всегда чистенькое, так что если какой вечер – мы платье вынимали и шли в чистеньком платье на этот вечер. Запомнилось детство мне ярким, знаете, таким эмоциональным, насыщенным, я участвовала и в пионерской работе, затем в комсомоле. Знаете, я с самого начала была очень активная, и вот эту активность я сохранила и до сих пор.

Кузнецова Р.Я.

► Я В ДЕКАБРЕ 1931 ГОДА РОДИЛАСЬ. ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ БЫЛО МНОГО – ОДИННАДЦАТЬ. Я была седьмым ребенком, одна только старшая сестра у меня была, остальные ребята, конечно, жданная была девочка. Жили мы в Горловке. Если считать самое раннее детство, то я помню, как жили мы

в бараке, в длинном-длинном бараке, кровати от кроватей были завешены брезентом. По ту сторону брезента тоже была девочка, кровати рядом, и нам сделали дырочку такую, чтобы мы общались. У них год, видно, трудный был. Буржуйка печка у них была маленькая, и они ловили мышей, накалывали на проволоку и прямо здесь жарили. Все много говорили, догадывались, что что-то не то, но не знали, что это мыши. А когда узнали, то был большой скандал, и тогда нас расселили.

Отец был шахтёр. Потом в Макеевке у меня в шахту пошел старший 15-летний брат, трудно было отцу. И они вместе работали на шахте. Брат так и остался там работать, а отца перевели в Донецк. Нам дали квартиру большую, помню этажи – я боялась этажей. И когда уже стали там жить, отец попал под трамвай, почти пополам разрезало. Миша, брат прямо перед окнами погиб, а до этого ещё двое умерли. Конечно, мама не могла это перенести, и мы уехали, вернулись назад, но только не туда, где они жили раньше (в сёла), а в город Новозыбков в Брянской области. Я помню, по дороге нас попытались обокрасть, когда мама везла нас поездом: перед станцией Новозыбков была пересадка, и мы сидели на вокзале, и мужчина какой-то с парнем угостили нас повидлом и отравили. Это было сильное такое отравление, нас забрали и лечили.

Когда мы приехали, поляк какой-то пустил нас на квартиру к себе, он жил один, работал машинистом. У нас много поляков было, в этом Новозыбкове, и очень дружные там они были. Потом женщина одинокая нас пустила в половину старого дома, где у них корова стояла когда-то – говорит, переходите и живите. Отец отремонтировал всё, как мог, обогрелись, топили торфом. В квартире было тепло, хоть и старенькое помещение было.

Это был 1937-й год. Мой брат написал, что у него есть девушка, они решили пожениться, и он придет поговорить, как быть – или переезжать, или жить там. Родители обрадовались, он должен приехать утром рано, отец побежал ку-

пить молоко, меня оставляют одну с кошкой. Отец принёс и поставил бидончик, а мне хотелось похозяйничать, я уже с детства проявляла себя так вот, не по-детски развивалась, как они говорили, и мне хотелось кошку покормить. Я беру этот бидончик налить молока – и упустила его, разлила. И, конечно, сижу и реву, кошка лакает молоко, я жменьками убирала его сколько смогла в мисочку, знала, что попадёт мне, отшлёпает мама. А родители пошли голосовать, был день выборов. Вдруг открывается дверь, заходит брат и видит такое дело, хватает меня на руки, сумку бросил: «Что такое, сестричка?» Меня любили, желанная была девочка... Он меня поднимает на руки, целует, а я плачу, что мне попадет, он: «Сестричка, миленькая, не плачь, я это молочко куплю, и гостинчик тебе куплю!» Спросил у хозяйки, где все, она: «Они пошли голосовать, сейчас будут». Он этот бачок взял, ушёл... И до сих пор нет... Это была трагедия. Я всё этот грех на себе ношу... Я вспоминаю, что из-за меня он купил молоко. Когда он пошел на базар, ему налили молоко, а он чувствует руку в кармане. Это провокация была – он повернулся, а там здоровый парень, а за ним ещё один. Брат сам здоровый парень был, такой накачанный, у нас ребята все взрослые такие были, поворачивается – и как дал тому! А эти два уже готовы были, надели наручники и повели. А тогда были судьи на улицах и в кварталах: сидит три человека, «тройки» назывались, и они уже статью подбирают, пишут что надо. И брата забрали. Приходят родители – а его нету, пошёл же молочка купить, и всё нету и нету. А город-то не большой, всего 110 тысяч. Сказали родителям на третий день, когда уже увезли его. Судили его как подрывщика советской власти, статья такая была. Дали ему 5 лет. Увезли неизвестно куда, не говорили куда. Родители, конечно, в шоке. А мама по старым связям знала хорошо Надежду Константиновну Крупскую и Калинина. Она обратилась к ним сначала письмами, а потом сама поехала, но уже было поздно. Брата судили, отправили в город Ивдель Свердловской об-

ласти. Только через Крупскую мы узнали, что осужден он по такой-то статье. Так он там и просидел, а в начале 1941-го года приехала милиция, выбросили наши вещи, отца задержали. Он буянил и доказывал, что это не так, а мама уже ничего не смогла сделать. Они повыбрасывали одежду, мебели ж никакой не было, всё побросали в яму, сделали обыск, искали оправдание, причину – не нашли. Отца отпустили. Пришёл отец, жить нам негде, хозяйке сказали: «Если хочешь жить спокойно – убирай их». Она была против – женщина горбатенькая такая, маленькая, пожилая женщина, она всё видела. Соседи видели всё.

фото из архива Афанасьевых. 1932 г.

Она нас пустила к себе, но сказала, что в квартиру не пустит, пустила в сарай, сказала, чтобы оборудовали немного. Сарай был утепленный, но воды там было по колено, мы вычерпали, земли насыпали. В общем, отец пристроился у неё в сарае, нары такие поделал, чтобы не в грязи. Вот мы какое-то время здесь и жили, а мама ещё давала уроки. Вот все ругают советское время за то, что народ безграмотный был, а я знаю, что маме сделали доску из фанеры, покрасили чёрной краской, и она женщин обучала безграмотных. А потом узнала про это Надежда Константиновна Крупская, и дали отцу работу лесника. Она нам помогала ещё в таком плане, что нас могли сослать, народ был такой озлобленный, думали, что мы богачи. Но отцу дали работу лесника в городском лесу,

там домик нам освободили, и мы вселились. Отец так обрадовался! Большая поляна, огород можно посадить, картошку, и просо посеял потом. А через дорогу была воинская часть, там 110-й пехотный полк базировался в то время. Были там и столовая, и магазины, и клуб, и жены офицеров и командиров приезжали в летние домики – в общем, это был как санаторий. Мы так были рады! Летом было там хорошо, мама родила ещё девочку, дали ей на ребенка 2000 денег, мы купили корову молодую хорошую, купили сарай хороший. Всё, начинали мы жить! Это был 1938-1939 года. Ещё потом трое девочек после меня было, меньшей Танечке был годик, но она уже родилась в 41 году.

Лицоева Н.П.

► **ВЫ ЗНАЕТЕ, В НАЧАЛЕ ДЕТСТВА, ДО 3-4 ЛЕТ, КОГДА БЫЛ БОЛЬШОЙ ГОЛОД В 1933-34 ГОДАХ – ЭТОГО Я НЕ ПОМНЮ, ЭТО МАМА ТОЛЬКО РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЛЮДИ ПУХЛИ, ПОМИРАЛИ МАССОВО.** А вот уже когда мне было шесть лет, помню, садик в Новогеоргиевске был очень хороший, ну просто «квитучий рай». В Новогеоргиевск родители переехали, отец работал бухгалтером, по назначению его туда направили. В садике и воспитатели были, игрушки были, картинки были, чему-то нас уже учили, я там два года пробыла. А с восьми лет пошла в школу, три класса закончила. Ну, школа как школа, учительницу любила, запомнила – Инна Павловна, так вот её, знаете, через всю жизнь пронесла, хорошая была учительница, не у каждого ученика такая бывает учительница. Нормальный был класс, это был районный центр, хорошая школа в центре города, учеников было много, учительница жаловалась. что учеников было много, но всё равно она справлялась. И тогда почему-то продлёнки не было, я приходила домой рано, стала самостоятельной, потому что мама работала, папа работал. Я после школы приходила домой и уже, как говорится, сама дома распоряжалась, уроки делала и всё по дому.

Фурсенко О.З.

► **ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА И ЮНОСТИ РАНЬШЕ НАЗЫВАЛСЯ ГОРОД ОРНИЕНБАУМ, СЕЙЧАС ОН НАЗЫВАЕТСЯ ГОРОД ЛОМОНОСОВ. ЭТО НЕДАЛЕКО ОТ ЛЕНИНГРАДА.** В нашем городе был красивейший музей Екатерины II и поместье Меньшикова. У меня был брат. Отец наш работал в горкоме партии и ездил по районам. Тогда и коллективизация, и раскулачивание было, а он был сугубо городской житель, и у него были тогда ботинки (мужчины носили с галошами). Ну он и поехал, а там же морозы 35 °С, а потом весна, снега много. И он простудился, двухстороннее воспаление лёгких, и он очень быстро умер. 5 мая 1932 года мы его похоронили. И мы остались втроём. Мама не работала в то время, а вообще она преподавала русский язык и литературу. Пошла она в гороно, ей сказали: «Да, такие нам нужны, только приходите в августе месяце». А это май месяц был, а жить-то как до августа? Тогда же пенсий не давали... И она пошла работать счётоводом, была на курсах бухгалтеров. Нам было очень трудно – на одну зарплату жили втроём, а тогда зарплаты-то мизерные были. Мне было 12 лет. Маму стали приглашать в маленькие магазинчики на переучёт, и она стала туда ходить. Вот она пойдет в субботу вечером и в воскресенье утром придёт, меня из постели поднимет и говорит: «Ты сделай таксировочку, посчитай всё». А это посчитать: количество банок, допустим, килька, по цене такой-то, и общая сумма. Я, конечно, первое время считала, как могла, но потом научилась. И когда мне было уже 13-14 лет, она мне и стала говорить: «Одеваться хочешь?» У меня было две подруги, втроём дружили, и у всех имена начинались на букву «Р» - Римма, Роза – евреечка, очень хорошая девчонка, и я, Рита. Но я из них всех самая бедная была, до смерти папы у нас всё было, даже патефон – это считалась вообще всё... Так что мы считались люди хоть и не зажиточного десятка, но среднего. А потом я одевалась уже скромнее всех, и мама говорит: «Будешь ходить со мной на переучёт.» И я стала с ней ходить. Вот вечером в субботу мы с

ней идём, а я ж была худенькая маленькая, везде залезу, всё просчитаю... И я стала таким образом зарабатывать деньги. В первый раз получила (я не помню уже какую сумму) в Ленинграде. И я поехала на обувную фабрику «Скороход», около этой фабрики был магазинчик для своих рабочих, и я там купила себе туфли и чулки, а брату достались только носки – больше ни на что не хватило. Но это был мой первый заработок. А потом вот так я стала зарабатывать, и стали мы легче жить.

фото из архива Афанасьевых.

Потом там же я училась. У нас была пионерская комната. Вот я расскажу такой случай. На Новый год у нас было принято записочки писать. Ну вот и нам писали, а карманов-то не было, а куда положить? И я положила записку в валенки, да и не только я – все так делали. Кому пожелание дали, тот раз – в валенок. И вот один мальчишка из параллельного класса (он так немножко мной увлекался, хотя у меня симпатии тогда вообще к мальчишкам не было, и к нему тоже) стащил с меня валенок. А у нас преподавателем математики была жена директора. И она почему-то очень любила меня, и вот она объяснила новый предмет, и я должна была повторить то, что она рассказывала, и на доске написать. И вот она вызывает меня к доске, а я говорю: «Нина Устиновна, а можно я с

парты?» - у меня же валенка нет! А её это так возмутило – мол, да что это такое, ещё такого не было... Тут все ребята захохотали, они же знают, что я без валенка. Ну, к доске всё-таки я пошла, и она спрашивает: «А где валенок?» Ну как себя вести? Я ответила, рассказала всё. Как только закончился урок, она пошла в тот класс, где тот мальчик учился, она там тоже преподавала. Ну и, конечно, она там увидела мой валенок.

Зимой мы очень любили кататься на лыжах, на коньках, но я больше лыжами увлекалась, чем коньками. У нас не было тогда ещё фигурного катания, но мы катались на коньках, потому что у нас Финский залив был. Около дворца Екатерины II был «красный пруд», там лёд был прекрасный. А летом мы там на лодках катались, купались. До войны я ездила в пионерский лагерь в устье – это на Финском заливе. А уже перед самой войной я ездила туда пионервожатой, в тот же лагерь.

Ну а потом... Вот мы заканчивали школу, и как раз война началась... До пятых классов мы учились в одной школе, потом перешли в другую школу, потом её разбомбили...

Савельева М.Ф.

► **Я ДУЖЕ ДОБРЕ ПАМ'ЯТАЮ, ЯК Я БУЛА МАЛЕНЬКА, БРАТ МІЙ БУВ МАЛЕНЬКИЙ, МЕНІ РОКІВ ЧОТИРИ ЧИ П'ЯТЬ.** Мама пішла в колгосп працювати, ми з маленьким братиком дома, у нас корова, свиня, кури, і в нас колодязь, зараз таких немає – барабан і дишло, і оце дишло опускаєш, а потім витягуєш. Ну а мені ж років п'ять всього, витягли, а не вдержали дишло, і почало відро опускаться, я хватала і ухватила так, що палець мені перебило – кістку перебило. Приходить мама, залила керосином – зажило. Укусила мене свиня (і досі маю шрам), мама залила керасіном – зажило. Я на городі сапаю, сапкою поранила пальчик, беру земличку, сиплю, сиплю, сиплю, а кров проступає через ту земличку – зажило. Усе заживало. Екологія була багата краща, ото ми були щасливі своєю екологією.

У мене така була тяга до шко-

ли, а тоді брали з восьми рочків. У 1932 році я в сім років пішла в школу. Була дівчинка забита і все своє життя думала, що я дуже не красива, що я дуже нещаслива, що я й нерозумна, і трусилася за тими книжками. І на протязі усього життя ніколи ніхто мене не контролював, ніколи ніхто не допомагав, я сама училася. Сім класів я закінчила відмінно, дали мені гітару. Я була маленька ростком, несла ту гітару, і мені було важко, бо ми за чотири кілометри ходили в семирічку, но нічого страшного, навчалася в технікумі, без екзаменів поступила.

Свиридко Н.А.

► Я РОДИЛСЯ В 1928 ГОДУ, НА КУБАНИ, В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ГРАНИЦЕ С КРАСНОДАРСКИМ КРАЕМ. ЕЩЁ до моего рождения, в 1926 году Чечня вырезала всю Кубань, всех и стариков и детей, просто заходили в населенный пункт – и... Почему они были злые на советскую власть? – они были против этой революции. Там чернозёмные земли плодородные, и начали заселять Кубань в основном украинцы, с Украины, прямо станции там останавливались.

Голодомор был на Кубани в 1932 году, мне тогда пять лет было. Там это «саботаж» называли. Я помню, как один мужчина с голоду умер, а все шли еле-еле. Люди от засухи спасались, с Украины очень много шло, и однажды я видел, как под забором лежал мужчина и умирал с голоду прямо на моих глазах. Он еле шевелился, так и помер, бедняга, под забором.

У нас было трое детей, я самый старший, потом две сестры. В этот голод приезжал нас грабили, у кого что было – всё забирали. У нас было ведра два пшена в мешочке – забрали с криком. Мать кричала-плакала, но забрали всё равно. А отец работал в сельпо лавочником, и тогда стали давать по 400 граммов хлеба служащим. И отец нас спас, мы выжили.

Речушка у нас была, мы там ловили ракушки, разбивали, и там моллюски, мидии. Их собирали кто как мог, их не так-то много было... Недалеко от берега карпы водились, отец ловушку свил на островке в камышах, я стоял на берегу, и

он мне говорит: «Ваня, стой и следи». А сам залез туда в кальсонах и рыбачил тихонько, вот ещё рыбой иногда спасались.

Постепенно колхозы начали подниматься. Была у нас табачная бригада, выращивали табак на одном поле, а на другом пшеницу. Помню, как появился первый комбайн, крику было! Все бежали, вся ребятня – смотреть чудо, оно ж косит и молотит! Подымались, развивались потихоньку.

Чуйченко И.С.

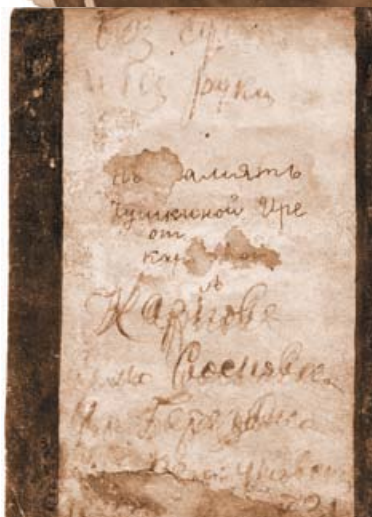

фото из архива Павловых. 1931 г.

► МЫ В МИРГОРОДЕ ЖИЛИ. МНЕ БЫЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОГДА НАЧАЛСЯ ГОЛОДОМОР. МЫ ВЫЖИЛИ ЗА СЧЁТ ТОГО, ЧТО У МАМЫ БЫЛО ЗОЛОТИШКО. Мама не пожалела, был у нас американский «Торгсин», мама сдавала понемножку в «Торгсин», получала самые дешёвые продукты, кусочек мыла, потому

что вши заедали. Я, десятилетний ребенок, видела, как падали люди – как листва с деревьев. Подождет к дереву, прислонился – и уже умер. Покойников собирали на подводу, бросали как... ну как выразиться правильно? – как мусор, отходы. Люди были ослабшие, некому было грузить даже на подводы... Вот так мы выжили, а потом уже, когда началась на полях морковь, мы начали питаться морковкой, бурячками. Был мальчишка цыганский, он очень спасал нас. У них была лошадка, они выезжали на солдатское поле, ребята-солдаты недокапывали там что-то, остатки морковки, а так на подводки грузили и приносили. Мы за счёт этого выжили в 1933-м году. И много-много, конечно, травы ели – сельдерей, петрушку, гичку даже от свеклы... Мне не верят, спрашивают: «Сколько Вам лет?» А я говорю: «86 с половиной». Не верят, а я говорю: «Кушайте траву!»

Олейникова А.Д.

► СЕЙЧАС Я АНАЛИЗИРУЮ СВОЮ ЖИЗНЬ – ЭТО 90 ЛЕТ, ЭТО МНОГО... СРЕДИ МОИХ КОЛЛЕГ, ДРУЗЕЙ Я ПОКА ОДИН ТАКОЙ. Помню, как Ленин умер, 1924 год. В семье разговоры – Ленин, Ленин... Я спрашиваю маму: «Мама, а кто такой Ленин?» Что она объяснит шестилетнему ребёнку? И она сказала: «Ну, это большой человек». Я говорю: «Как наш дом?» А дом у нас был трёхэтажный...

Потом, конечно, все мы были пионерами, я даже стишок помню:
Ленин, Ленин, милый мой,
Ты лежишь в земле сырой,
А когда я подрасту,
В твою партию вступлю.
Буду бороться, как и ты,
За счастье рабочих и бедноты.

Это то, что я знал в 7-8 лет. Наше поколение жило с Лениным, Сталиным, срослось с этим. Конечно, я потом вступил в партию, это было в 1942 году.

Время НЭПа было очень интересное! То, что было 20, 30 и даже 50 лет назад, анализируешь лучше теперь. С 1924 по 1927 год я помню то изобилие, о котором только можно мечтать. Мы жили в Петрограде, это потом он стал Ленинград и Санкт-Петербург. Я заходил

с мамой в кондитерский магазин (он был в нашем доме на первом этаже), и там глаза разбегаются! Я был ещё ребёнком, но это время очень хорошо помню.

Потом наступило другое время. Интересный пример расскажу. У моей матери была знакомая еврейка Голда, у неё семья была шапочных дел мастера, шили всякие шапки, и у них в подъезде был маленький уголок, в котором они шапки продавали. И прибегает Голда к моему отцу и спрашивает: «Пётр Николаевич, что мне делать? Мне опять принесли налог 100 рублей!» А это был 1928 год, и 100 рублей – это были колоссальные деньги. Корова стоила тогда 5 рублей, а лошадь стоила дорого – 20 рублей. И семья уже раньше заплатила 100 рублей за патент, который давал право шапки продавать, а тут опять принесли! И отец говорит: «А вы немедленно заплатите, сдайте патент и закройте торговлю». Я при этом разговоре присутствовал, хоть и не понимал, что такое патент. Но запоминал, а уже потом анализировал. Это уже на НЭП начала наступать новая политика – уже всех давили и душили.

В 1929 году началась коллективизация. Я расскажу, что такое был кулак. У моих родителей были знакомые в селе, Никитины. И летом из Питера приезжали к ним в село. У них был огромный сеновал, и мы, дети, прыгали на этом сене, и ночевали в этом сене... Это было такое раздолье! Этот Никитин, Тимофей его звали, он летом работал, и даже люди у него работали. А зимой он приезжал в Ленинград и работал на Путиловском заводе, он был хороший столяр, на все руки мастер. А почему он уезжал? Он уехал – и хлеб не ест дома, и всю зиму проведёт в Питере, и денег ещё скопит и привезёт домой. И они были относительно богатые – пару лошадей, три-четыре коровы. Но это были кулаки, потому что на лето и на период жатвы они нанимали рабочую силу. А потом их раскулачили. Приехала жена Тимофея Никитина и рассказывала моей маме, как всё забирали, забирали даже это сено, по всей дороге сено валялось – а это же было такое богатство, такой труд

крестьян! Вот так это происходило, я это прекрасно помню, и сегодня вместе с вами анализируем... В 1946 году Сталин собрал совещание, и они обсуждали – почему так много изменников было в России? Да потому, что в те годы – 1929, 1930, 1937 и позже буквально делали кадры вот этих «врагов народа».

В 1936 году мне исполнилось 18 лет. В этом году был первый приём в военные училища. Я к тому времени окончил 9 классов, подал заявление и поехал в Харьков сдавать экзамены – два предмета:

фото из архива Афанасьевых.

русский язык и математика. Я написал диктант на «пятёрку», а ребята-украинцы делали по 20-30 ошибок из-за смеси русского и украинского языка. На первый курс принимали 200 человек, а нас поехало две тысячи! Это было летом, спали мы в каком-то дворе. Вдруг вывесили списки тех, кто не принят. Я подхожу – а моя фамилия первая в списке! А я же уже думал, что я герой, у меня ошибок не было! Я задачу по математике за минуту решил и ещё даже кому-то объяснял. Я подошёл к начальнику училища, и он говорит: «Вы не прошли мандатную комиссию». Я постеснялся спросить, что это такое – я такого слова не знал. Мне потом объяснили, что такое мандатная комиссия. Я когда анкету заполнял – биография, про своих родителей. И там была графа – «происхождение». Я написал: «Из служащих». А в те годы армия

была «рабоче-крестьянская», вот я и не прошёл. Если бы я в 1936-м году поступил, то в 1939-м я бы закончил. Вы этого себе представить не можете – это надо было видеть, сколько людей погибало, особенно лейтенантов... Я считаю, что тогда мне первый раз повезло – когда меня не зачислили в военное училище.

Потом наступил 1940-й год, он был очень сложный. Всех под гребёнку стали призывать в армию. Я попал в военно-морской флот, потому что к этому времени я уже окончил мореходку. Мы все уже чувствовали – постарше, помоложе, - что война на носу. Нам говорили, что есть враг – Германия. В нашей группе были ребята с высшим и средним образованием, и были пока рядовые, которые прошли школу молодого краснофлотца (мы были ещё не матросы, а краснофлотцы). Под Новый год нас списали по кораблям. Я попал в Дунайскую военную флотилию на монитор «Железняков», в Киеве сейчас стоит памятник ему, и там есть моё имя. Это было второе везение, потому что из шести мониторов уцелел только «Железняков». Был вспомогательный флот большой – буксиры, баржи, минные заградители, – и вся эта флотилия в основном погибла на Херсонщине...

Афанасьев И.П.

▶ **ПО ОКОНЧАНИЮ ПЕДУЧИЛИЩА ВЕСНОЙ 1939 ГОДА Я ПОЛУЧИЛ НАПРАВЛЕНИЕ В СКАДОВСКИЙ РАЙОН, В СЕЛО, КОТОРОЕ СЕЙЧАС НАЗЫВАЕТСЯ ЛАЗУРНОЕ.** Тогда оно называлось Лиманы. Взяв деревянный чемодан, положив туда пару кусков хлеба, я отправился на попутных машинах в Скадовск. Сестрички Нюра, Маруся, Фрося и братик Коля – плакали. Утирала слёзы и мама. Но делать было нечего, ехать надо.

Было лето. Каждый день я купался в море. Меня по приказу провели инспектором вечерних школ, и я составлял списки малограмотных, ездили по сёлам. За первую зарплату мне купили костюм, рубашку, туфли, фуражку. Так как я владел узбекским языком, меня назначили преподавателем русского языка в узбекскую семи-

фото из архива Коробовых

летнюю школу № 12 при хлопко-совхозе № 2 Скадовского района. В этой школе было много узбеков и туркмен. Меня познакомили с директором школы, учителями – узбеками и татарами, присланными из Ташкента. Я долго скрывал, что я тоже – спецпереселенец. Но один гость, узбек из Сергеевки, разоблачил меня. Но мне это было на руку.

Дети жили при школе. Я с ними питался. Кормили очень хорошо. Я преподавал русский и немецкий языки, химию в 7 классе и физкультуру. Мои ученики были не намного младше меня, а их судьба (этих Абилла, Хабиби, Кульнар, Караматхан, Хабиба, Ахмет, Ильяс) очень похожа на мою. Их везли из Узбекистана выращивать хлопок на юге Украины в причерномор-

ских степях Скадовского района. Работа в школе и на хлопке забирали всё время. На конспекты и тетради времени не хватало.

3 декабря 1939 года верхом на лошади я должен был явиться в Скадовский райвоенкомат. 2 декабря в школе меня провожали, домой я так и не съездил. Наговорили много патриотических слов. Пели мне на дорогу узбекские и русские песни. Желали скорее возвратиться в школу.

Рано утром я привел лошадь. Взял свой деревянный чемодан, привязал его к седлу. Провожать меня проснулся весь интернат. Мальчики и девочки проснулись в 6 часов и вышли проводить своего учителя в дальний путь на 6 лет.

На Скадовском призывном пункте уже было 60 человек. Я по-

шел в район, чтобы получить зарплату, но мне сказали, что бухгалтер болен, и мне её вышлют. Так до сих пор не прислали.

Нас, скадовчан, привезли в г.Пушкин, в Семеновские казармы. На второй день нас начал принимать командный состав Калининского минометного училища. Я попал в состав 5 отдельного минометного батальона. Нас вывели из казарм и повели получать минометы и винтовки. Командир моего взвода предупредил, что мы должны освоить это оружие за неделю. Мне вручили ствол 82-мм миномета. Он весил 21 кг. Начались учебные занятия.

Через неделю пришёл к нам лейтенант и сообщил, что завтра – в путь...

Коробов К.А.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Самым главным отличием советского паспорта старого образца, военного билета были скобки, скрепляющие страницы в книжечку. Они должны были быть сделаны из чёрного металла и оставлять на бумаге вокруг себя коричневые разводы - следы ржавчины. При изготовлении поддельных документов немцы использовали скобки из нержавеющей стали, на чём порой и попадались немецкие шпионы...

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек — задерживать

1. Фамилия Боринза
2. Имя и отчество Средор Михайлович
3. Звание и должность Ст. сержант командир взвода
4. Наименование части (учреждения) 29509 103801
5. Наименование подразделения (батальон, рота) 205 Владимирота
6. № личного знака _____

Личная подпись владельца книжки
Боринза

Место для фотокарточки владельца книжки 4×3 1/2 см

Командир роты
В. Бонь
13. VIII 1941 г.

(место печати части)

фото из архива Макарова

фото из архива Чуйченко

► ЖИЛА Я В ХЕРСОНЕ НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА 2. У НАС БЫЛ ЕЩЁ НА КВАРТИРЕ ЛЁТЧИК ВАНЯ – СНИМАЛ КОМНАТУ, ИХНЯЯ БАЗА БЫЛА В ЧЕРНОБАЕВКЕ. Как раз был воскресный день... А на выходные он приезжал погулять. И в это время, вот в это ж воскресенье, все люди гуляют, это ж лето было, и вдруг объявляют по радио, мы слышим... И бежит этот наш Ваня, хватается за вещи – и всё, на аэродром. Ушёл, а потом в августе немцы зашли в Херсон.

Знахуренко В.Д.

► Я БЫЛ В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ, В СИБИРИ. МЫ СО ШКОЛОЙ В ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОХОД ПОШЛИ В 41-М ГОДУ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ С НАМИ ПО ЗООЛОГИИ, ЛОШАДЬ С НАМИ, ПРОДУКТЫ. Выделяли нам деньги родители, я помню, по 60 рублей собирали, закупили продукты, и мы выезжали. И целый месяц мы были в походе. Мы останавливались, зверьков ловили, лягушек, делали задания по зоологии, а учитель сдирал шкурки и макеты делал такие – чучела специальные для школы. Жили в палатках, помню, были там пауки – тарантулы, иногда так спишь в палатке, а тарантул заходит. Мы знали, что укус смертельный, но нам, ребяташкам, интересно было. Поход длился целый месяц. И вот мы постепенно возвращаемся, подходим к деревне Таскаево, а там чего-то народ – слёзы, плачь. Подходим, говорят – война началась...

Дроботенко Б.Н.

► ЕЩЁ БЫ НЕ ПОМНИТЬ ДЕНЬ, КОГДА ВОЙНА НАЧАЛАСЬ! К НАМ ЛЕТОМ ОБЫЧНО В МОСКВУ ПРИЕЗЖАЛИ РОДСТВЕННИКИ ИЗ ГОРЬКОГО. Брали билеты в Большой театр, и нас водили. А этот день должна была приехать папина сестра. Мы её встречали, и папа сказал: «Мы сейчас поедом в ЦУМ на Красной площади и кое-что купим, то, что любит сестра». И мы с ним вдвоём поехали а покупками для гостыи. Наверху ЦУМа были промтовары, а внизу был гастроном. Папа стоял в очереди и сказал: «Риташа, ты выйди, я сейчас ещё что-то куплю». Я вышла как раз на угол, возле Кремля, а над домом чёрный рупор. И вдруг голос Левитана: «Граждане и граждане Советского Союза, сегодня в 4 утра вероломно гитлеровская Германия напала на Советский Союз, началась война...» Папа выходит, а я его спрашиваю: «Папа, папуля, это страшно?» А он говорит: «Это не то слово – страшно. Вот теперь, Риташа, ты будешь знать, что батоны растут не на деревьях». Вот это его слова. А когда уже домой ехали троллейбусом, и билеты у кондуктора спрашиваем, а она отмахивается – какие там билеты! И я смотрю – а все люди куда-то бегут, бегут, бегут. Толпы бегут! И я спрашиваю: «Папа, а куда все бегут?» И он говорит: «Люди бегут спасать свои сбережения...» Война – это очень страшно. Я тогда только слово слышала и не знала, что за ним стоит...

Потом начались тревоги,

объявляли «Граждане, воздушная тревога!». Возле нашего дома было бомбоубежище, и мы бежали туда. Такую массу зажигательных бомб бросали на Москву! Потом дирижабли начали появляться – такие страшные... Это были наши дирижабли, чтобы немецкие самолёты не летали.

Но начало войны я встретила на Красной площади – этого я никогда не забуду...

Афанасьева М.А.

► ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ ХОРОШО ПОМНЮ. СЕЙЧАС ГОЛОДОМОР, ГОЛОДОМОР, Я ЕГО ЧТО-ТО НЕ ВИДЕЛ ОСОБЕННО, ЭТО МНЕ УЖЕ БЫЛО ПЯТЬ ЛЕТ, ЛИ ЧЕТЫРЕ ГОДА. Но, правда, слышал от родителей, что кого-то из семьи зарубали, убили, страшные такие дела, но нам родители, может, и не хотели рассказывать.

Мать моя работала в торговле на складе. А отец был подработником. Ну и хозяйства у нас никакого не было. Домик маленький, там мы жили: я, брат мой младший и три сестры – пятеро, семья большая. Девочки быстро ушли учиться, начиная где-то 39 года. А я учился там же в Голый Пристани, в школе. А потом направили на работу в Бессарабию, в Молдавию, и мы туда все переехали, в селение Флорешты. И там год пробыли до начало войны. Дом у нас здесь остался в Голый Пристани, и как раз перед самой войной, в 1941 году отец и мать решили его продать. И я с мамой приехал сюда, в Голую Пристань,

продали всё. И как раз 22 июня, мы собрались уезжать, утром выехали. Мы ещё не знали, что война. Приехали сюда в Херсон пароходом, ещё пароходы ходили, и узнали, что война. Ну что делать? Конечно, мы никуда уже не поехали. Возвратились мы туда же в Голую пристань, к тем, которым продали дом, а они: «Нет, мы уже купили. Вы же согласны были? Всё, будьте здоровы!» Таким образом мы без дома остались, а тут же война и быстрое продвижение войск. Но всё-таки отец с сестрами моими уехал оттуда еле-еле, в июле приехали сюда, в Голую Пристань.

Немец быстро наступал, и уже в июле месяце был под Одессой, потом под Очаковым уже. Очаков обстреливали. Вот так началась война. Мы рассчитывали, что это продлится неделю, месяц – и всё встанет на свои места. Не было, совершенно не было страха. Говорили про шпионов, что десант выбросили, действительно-таки выбрасывали. Но как-то оно рассеивалось...

Врадий Ю.А.

► **ОЧЕНЬ БЫСТРО ВСЁ ПРОИЗОШЛО. В 41-М ГОДУ, КОГДА ОБЪЯВИЛИ ВОЙНУ, ОЧЕНЬ БЫСТРО...** Ещё передают по репродуктору, что немцы в районе Киева, а они уже в Новогеоргиевске. Совершенно не соответствовала вот эта передача по радио и реальная действительность. Они уже были в городе...

... Страшное дело, страшное. Знаете, потом как-то после войны сколько встречала немцев... страшное дело, как звери, но так, наверное, казалось... Очень хорошо помню, как страшно бомбили этот город. Очень много было сразу развалин. Бомбили, налёты, самолёты налетали... Наш дом, квартира хорошая большая у нас была – разбилось квартиру нашу в центре города, как раз и били по центру. Очень страшно было, мы запрягались куда-то, причём надо же было удирать, а мы с мамой... Мама прибежала из сарая с дровами (газа не было, углем топили и дровами), и как всё полетело, и нас этими дровами накрыло, завалило...

Фурсенко О.З.

► **Я БЫЛА В МОСКВЕ, ПОМНЮ, БЫЛО ВОСКРЕСЕНЬЕ, У НАС В СЕМЬЕ БЫЛИ ОЧЕНЬ НАСЫЩЕННЫЕ ПЛАНЫ НА ЭТОТ ДЕНЬ, СОБИРАЛИСЬ ПОЙТИ В ЗООПАРК, ПОТОМУ ЧТО Я КАК РАЗ НАКАНУНЕ ЗАКОНЧИЛА ШКОЛУ.** В субботу у нас был выпускной вечер, веселились, танцевали, пели, радовались, что получили аттестаты с хорошими оценками. Я очень хорошо училась, и моя бабушка была довольна. А потом моя тётя пошла в магазин, приходит и говорит: «Началась война». Дядя сразу собрал свой чемоданчик, пошёл в военкомат. Я помню, толпы людей шли по Москве, не ждали, когда принесут им повестку. Наши соседи по нашему дому, буквально все мужчины собрали необходимое и шли. Как будто шла какая-то демонстрация. Люди шли толпами друг за другом. Я считаю, что это был глубочайший патриотизм, любовь к своей родине. Без этого невозможно объяснить такое.

Кузнецова Р.Я.

► **МЫ В КОЛХОЗЕ РАБОТАЛИ, А КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА – БЫЛИ ПЕРЕПУГАННЫЕ, СТАЛИ ПРОВОЖАТЬ ВСЕХ.** Никто ничего не знал, только собирали людей, горевали и провожали. А мой отец был начальником почты, он нездоровый был, у него одно лёгкое. Я в седьмой класс только пошел, это был конец 1941 года, и он говорит: «Немцы уже бомбят школы, детей, всех подряд уничтожат». И снимают меня со школы, седьмой класс я не окончил. Отцу предлагают повышение, берут как опытного работника в районную станицу за 15 километров начальником почты, а меня ставят временно в почтовое отделение, одно на три колхоза. В 14 лет отец меня поставил временным заведующим сельской почты. Потом отца забрали в военкомат, прощались мы. Три раза его брали, три раза возвращали – то по комиссии, то говорят: «Нам и в тылу нужны работники, почта и связь».

Чуйченко И.С.

► **НАЧАЛО ВОЙНЫ? МЫ БЕГАЛИ ЗА ХЛЕБОМ В МАГАЗИН В ГОРОД.** Город близко был, где-то пол

километра. Рядом у нас была военная часть. Побежали в магазин, отец приходит, маму вызывает и говорит, что началась война. Но в нашем сознании это ещё не понятно – что это такое. Десять лет мне было, но я слишком ранняя была, это все отмечали. И, значит, пришёл и говорит – так и так. А до этого у нас ракеты над воинской частью освещали, и это насто-раживало. За несколько дней до этого военные подошли к отцу, отец был военный тоже, и разговор уже был об этом – мол, несколько дней что-то беспокойно. И тут, когда уже сказали, что война началась, то все побежали в город, как могли. Кругом слёзы, все плачут. Это шок был, это что-то страшное... Шёпот, каждый высказывает своё мнение, каждый кого-то ругает, ну, правительство там... Люди, так всегда, кого-то винили, что у нас предательство. Возле магазинов прекращались эти разговоры, появилась милиция, чтобы паники меньше было. Но хлеб размели моментально. И тут мы слышим... А раньше на улицах на столбах было радио. Толпы людей стоят, и я тоже слышу – со слезами на глазах, дрожащим голосом Молотов передает: «Дорогие товарищи, на нашу страну вероломно напали фашисты, фашистская Германия...» Сам говорит и плачет, видимо, просит, чтобы без паники.

Люди рыли окопы и готовились к защите и самообороне. Каждый приходит и не знает, с чего начать, какие окопы? Потом уже пришли в себя. Но в магазинах разобрали всё, что можно было. Кто-то убегает подальше от города, воинских частей у нас много было – и лётная часть, и училище лётное, ну и каждый считал, что будет всё-таки несладко. Это было в сентябре. В начале сентября появились первые танки...

Лицоева Н.П.

► **ХОРОШО ПОМНЮ: Я ЯК РАЗ СТОЯЛА С ДЕДУШКОЙ, И КОНСЕРВНЫЙ ЗАВОД НАЧАЛИ БОМБИТЬ.** И раньше був разговор, что война. А это днём, часа в три было – помню, что после обеда. Мы с дедушкой рядом с заводом жили и видно было весь завод и

самолеты летают и бомбят. А потом через несколько дней тут бег бомбил, а мы повставали, дедушка стоит на дверях, а я ему под руку залезла и смотрю. В угол церкви било в тот день, и дедушке в колодец попала бомба. Мы стоим, и большущий осколок дедушка витянув з одвирки, коло самого дедушки – якби ще чуть-чуть-чуть... А я под рукой стояла.

Грбовенко Т.Е.

► В 1940 ГОДУ Я ЗАКОНЧИЛ 8-Й КЛАСС И ПОШЁЛ НА ЗАВОД ПЕТРОВСКОГО РАБОТАТЬ. З МЕСЯЦА ПРОУЧИЛСЯ – И МНЕ ПРИСВОИЛИ ВТОРОЙ РАЗРЯД, А МОЙ МАСТЕР В 1940 ГОДУ ПОШЕЛ НА ФИНСКУЮ КАМПАНИЮ. Тогда война с Финляндией была, туда его забрали, а я остался на двух фрезерных станках, был у меня “Машинист” – маленький и “Универсал” – более крупный станок, ну я и работал. Потом началась война, завод поставили на военное положение, там мы и ночевали и дневали, нас за территорию завода не выпускали.

Начало войны объявили по радио, где-то в 2 часа дня. Выступил товарищ Молотов, что в 4 часа утра без объявления войны германские войска напали на Советский союз. Тут только голодовка прошла, мы начали жить нормально, и тут вдруг война... Отношения были тогда с Германией нормальные. Отсюда отгружали хлеб эшелонами и направляли туда в Германию – в 1938-39 года туда эшелонами пёрли хлеб, из Херсонщины и Николаевщины шли вагоны, наполненные хлебом. Они себя обеспечили хлебом – и пошли войной.

Перетяпка Д.К.

► В СТАРШИХ КЛАССАХ, ПЕРЕД САМОЙ ВОЙНОЙ, МЫ ВСЕ ДОГОВОРИЛИСЬ ПОЙТИ НА ПЛЯЖ, ЖИЛИ ВОЗЛЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА. Был июнь, мы пошли на Финский залив, и вдруг репродуктор этот чёрный передаёт объявление. Выступает Молотов, тогда не Сталин выступал, а Молотов – он был министром иностранных дел. Мы все стушевались, все собрались и побежали в школу. Учителя тоже

растерянные были, ну, а мы-то... О нас вообще что говорить... И у всех же планы нарушались, кто в институт собирался, кто работать.

Так война началась. В нашем классе из 35 человек было 17 мальчиков. Девочки многие эвакуировались, кто-то остался, а из мальчиков только трое эвакуировались, а остальные все остались, и почти все пошли в партизаны. Из них двое остались живы, остальные все погибли.

Нам тогда было по семнадцать лет. Нам сказали, что мы можем пойти на лесозаготовки или пойти на курсы санинструкторов. Ещё можно было идти в связь по ремонту: тогда связь была у нас на столбах, проводная. Но там нужны были валенки, фуфайка, ушанка, потому что на «кошках» надо было по столбам лазать, а у меня одежды не было такой. На лесозаготовки было выгоднее всего идти, там кормили горячей пищей два раза в день, но там тоже нужна была обязательно фуфайка или шуба какая-то. А у меня ничего такого не было, я сугубо городской житель: пальтишко, как говорится, на рыбьем меху, а валенки у меня фетровые были, они только так – по городу пройти, от школы до дома добежать, а в лес в них не пойдёшь. И мы с мамой решили, что я пойду на курсы санинструктора.

Савельева М.Ф.

► 21 ИЮНЯ 1941 ГОДА, СУББОТА, МЫ ПОДОШЛИ НА МОНИТОРЕ В ГОРОДОК РЕНИ НА ДУНАЕ, ПРИШВАРТОВАЛИСЬ. Аврал, все развесили простыни, которые на-

стирали, потом у нас кино какое-то показали – суббота есть суббота. И все пошли спать. В 12 часов боевая тревога. В то время у нас были частые учебные тревоги, а тут боевая в полном смысле. Мы побежали по боевым местам. Проходит полчаса, даётся команда: «Всем на боевых постах взять бушлаты!» Потому что кругом железо, прислониться не к чему. И я помню, что я вернулся, взял свой бушлат, и я проходил через кают-компанию и смотрю – на диване полулежит командир корабля, и у него очень хмурый вид... У него накануне, 17 июня 1941 года в Измаиле родилась дочь, это от Рени 80 км. И тут боевая тревога, мы на местах. Ровно в 4 часа я нахожусь на боевом посту, моё хозяйство – это два дизель-генератора. Стрельба уже началась, снаряды уже падают недалеко от нашего места стоянки. Мы быстро снялись и отошли на румынский берег. и вот к нам заходит командир БЧ-5 (главный механик) и говорит: «Пойди в мою каюту, сними часы и положи их на мой диван-кровать». Я вышел из машинного отделения, иду по палубе, и в этот момент вижу – летит снаряд и прямо попадает в железнодорожную станцию Рени на берегу, там стояли четыре пассажирских вагонов. И этот снаряд просвистел и попал прямо в тамбур пассажирского вагона. Внутри никого не было, ни единого человека, ни души – 4 утра. И вот так я увидел первый разорвавшийся снаряд.

Афанасьев И.П.

ЭВАКУАЦИЯ

Чемодан – вещь, без которой не обходится ни одно путешествие. Вещи в нём не мнутся. Когда надо, на нём можно посидеть и отдохнуть, можно положить под голову, можно использовать его и как стол. Тем более, что делали их в те годы из обыкновенной фанеры. Но многие из эвакуированных не имели возможности тщательно собраться в дорогу, вот и оставался разве что один чемодан – оклеенный внутри вырезками из газет, с хлебными крошками, махоркой, завалывшимися железнодорожными билетиками...

▶ **НАЧАЛО ВОЙНЫ МЕНЯ ЗАСТАЛО В ОДЕССЕ.** Я выехала накануне, чтобы поехать со своей родственницей в Новороссийск, но 22 июня началась война, и мне пришлось вернуться домой – с трудом большим, но я вернулась. Мы собирались эвакуироваться, жили в центре Херсона. Семья моя состояла из отца и матери, отец работал много лет на заводе имени Петровского кузнецом, мать занималась воспитанием меня и домашним хозяйством. Мы собирались, уже сидели прямо на мешках, ждали, что нас эвакуируют. Но, к сожалению, завод не имел такой возможности, нас не вывезли. И 19 августа, когда мы сидели во дворе и ждали, что за нами приедут, – в это время уже немцы заняли Херсон. Таким образом мы оказались в оккупации. Это тяжёлые годы были, 1941-42. Мне было в тот период 14 с половиной лет.

Матвиенко Б.А.

▶ **НАРОДИЛАСЬ Я САМА В КИЌДИЌИ, А НИМЦІ ВСІХ ПОВИГАНЯЛИ, МИ В ЕВАКУАЦІЮ ПОПАЛИ.** Запамяталось, як ми йшли, а мама знайшла колесо і несла його – в хозяйстві пригодиться. Знаєте, ранше які були люди? – все, що було – до діла, до порядку. То я пам'ятаю, що не хотіла йти пішком, кричала і ногами совала, а вона несє колесо, і торба за плечами, речі. Отнесе трошки, положе це колесо, повертається

за мною, мене несє, колесо минає, опять вертається, бере те колесо і несє... І так вона і шла, дві дороги проделала...

Бундуки В.М.

▶ **Я РОДИЛАСЬ В КАНУН ВОЙНИ, 30 АПРЕЛЯ 1941 ГОДА. ОТЕЦ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ИНСТИТУТА ПОЛУЧИЛ НАЗНАЧЕНИЕ НА ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ, РАБОТАЛ ИНЖЕНЕРОМ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.** Мама была учительницей. Ковель бомбили в первый же день войны. В этот же день, согласно приказу, женщин и детей погрузили эшелон и отправили на восток, а работники станции демонтировали электрооборудование, чтобы отправить его в тыл. Первый налёт немецких самолётов на эшелон помню по рассказам мамы. Поезд с женщинами и детьми двигался по степи, и, откуда ни возьмись, немецкие бомбардировщики. Взрывы бомб по сторонам железнодорожного полотна. Поезд стал притормаживать. Женщины с детьми выскочили из поезда и побежали в поле. А самолёт развернулся и полетел вдоль бегущих, строча из пулемёта. Мама упала, телом прикрыла меня, шестилетнего брата Колю спрятала под бок и думала: «Пусть лучше меня убьют, а дети останутся жить». Коля прижался к маме, а я – агу! агу! – думала, мама со мной играет, а мама в это время заливается слезами. Когда закончился

налёт, в поле осталось много тел женщин и детей... Так под бомбёжками и обстрелами наш поезд двигался до самого Харькова. Потом совершенно случайно на станции Лозовая встретился папин эшелон с электрооборудованием, этот поезд потом девять месяцев колесил по Уралу и Поволжью, а сами железнодорожники жили прямо в поезде. Настали холода, на стенах товарных вагонов лёд, посередине печка-буржуйка. Её топили круглосуточно. Главное было раздобыть топливо и карточки на питание. Выжили мы невероятными усилиями. Окончательно поезд остановился среди леса в Пензенской области.

Дмитричева Г.Н.

▶ **ОТЕЦ РАБОТАЛ В НАРКОМАТЕ – МИНИСТЕРСТВЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ, И ВСЕ СЕМЬИ СОТРУДНИКОВ ЭВАКУИРОВАЛИСЬ В ЧЕЛЯБИНСК.** Но папа сказал, что в Челябинск не поедет, а пойдёт на фронт, а нас отправит к брату – дяде Паше. Нам надо было доехать до Горького, а потом до Павлово, там жил папин брат. Мама осталась с папой в Москве, нас повезла соседка, её попросили довезти нас хотя бы до Горького. Поезда шли еле-еле, никаких огней, никаких свистков – бомбёжка же! И вот так тихонько-тихонько мы добирались до Горького. Буквально ползком! В самом Горьком нас встретила папина сестра, потом нас забрал дядя.

Прошло месяца два. Слышим как-то – дети бегут и кричат: «Артисты приехали!» Смотрим – обычный открытый грузовик, в кузове рабочие, а среди них наша мама. А мама у нас была моднячая, в чудесном наряде, и её за артистку приняли...

Афанасьева М.А.

▶ **ОТЦА НА РАБОТУ ПОСЛАЛИ В СОВХОЗ ОКОЛО СКАДОВСКА. МЫ ТУДА ПЕРЕБРАЛИСЬ, НЕДЕЛЮ ТАМ ПОЖИЛИ, И ВСЁ – ЭВАКУИРОВАТЬСЯ.** Дают отцу повозку, две лошади. Мы скарб свой поместили в эту повозку, шатёр сделали, точно как у цыган, и выехали оттуда. И поехали этой стороной Днепра к Запорожской области. И мы идём, а немцы – чуть впереди нас. Мы сначала собрались ехать в Крым и доехали этой повозкой уже до Перекопа. А там военные нас не пустили в Крым, сказали: «Нечего вам там делать».

Доехали мы до селения Кирилловка в Запорожской области, на берегу Азовского моря. Это был рыболовецкий совхоз. У них было судёнышко маленькое такое. Отец пошел туда, говорит: «Вы у нас забираете лошадей и повозку, а нас перевезите на ту сторону, на Кубань». Там отцу расписку дали, что он всё сдал, это всё ж не его, а государственная собственность. И нас посадили на это судёнышко, маленькое судёнышко такое, буквально скорлупка какая-то – правда, с мотором. И мы потарахтели на ту сторону. Где-то на середине – самолет немецкий. Я не знаю, то ли Бог нас спас, наверное, то ли что, но как-то пролетел, прострочил, но не попал по судну. И он обратно куда-то улетел. Короче говоря, Бог помог нам. Вот таким образом перебрались мы на ту сторону.

Ну а там нас не особенно принимали, сказали: «Чего вы сюда приехали? Нечего вам здесь делать, езжайте обратно, защищайтесь там». Это ж Кубань, кубанские казаки. Народ там очень хороший, душевный, я уже после этого узнал, но мы были первые. Отец на работу устроился, мать не работала, а мы вместе там жили у каких-то местных. Нас приняли, мы им не за квартиру не платили ничего,

ну очень хорошие люди! Большой дом, тесно не было. Так жили все вместе. Я опять продолжил школу. Вот здесь как раз отца и мобилизовали. Мать осталась одна, но с нами. Мы с Кубани тоже эвакуировались, вернее, нас эвакуировали. Как раз немец уже подходил к Ростову – значит, опять надо уезжать. Мать поступила на работу в детский дом, который эвакуируют, и мы едем с эвакуированным домом. Нас погрузили в вагоны, в теплушки телячьи, и направили на Краснодар. Мы только до половины дороги до Краснодара проехали, а нам сказали, что в Краснодаре уже немцы, туда нечего ехать. Тут же разворачивают и везут в Новороссийск. Нас приняли как детдомовцев. Питание было не важное, сам где-то схватишь что-нибудь, но хлеб был.

Мы только приехали в Новороссийск, а там уже страшная бомбежка. Как раз в этот день в Новороссийске потопили наш линкор «Ташкент» – это был самый вооруженный, самый сильный корабль на Чёрном море. Нас этими вагонами прямо в порт повезли, чтобы из порта на судно, и потом дальше уже отправлять, потому что скоро и в Новороссийске немцы были бы. Погрузили нас на теплоход. Нас-то не много было, где-то около трёхсот ребят. На палубе мы расположились, никаких кают, ничего – это сухогруз. Станки везли, оборудование заводов. Никаких военных не было. Но, правда, нас сопро-

вождали маленькие вооруженные катера. Вышли мы из Новороссийска. А на рассвете налетели самолеты – немецкие бомбардировщики, и за ними истребители наши. Немцы сначала хотели на нас, на эти корабли. Наша охрана тоже открыла огонь, и наши истребители их прогнали. Короче говоря, нам опять повезло.

Направляли нас в Батуми – конечный пункт. Пришли мы в Сухуми, и как только приехали туда, пошли просто так по городу ходить. Возвращаемся, а нас собирают и с парохода сгружают, говорят, что в море появились немецкие подводные лодки, и дальше мы поедем поездом. На вокзал мы шли пешком. И в это самое время началась первая бомбежка Сухуми. Бомбили в основном портовый участок. Мы смотрели, как бомбы летят...

Случай такой был. Абхазцы, грузины – они ходили гоголем, что вот мы такие, мы сякие, а тут как начали бомбить! А около дороги кюветы. Мы-то уже знаем, куда самолет бомбу сбросит, уже видим, что далеко, и что нечего прятаться. А они попадали в кювет. Смеялись потом, когда поднялись.

И опять нас погрузили, и мы поехали. В Тбилиси только приезжаем – бомбёжка. Куда мы только не приезжаем – везде первая бомбежка. Правда, после Тбилиси нас направили (тоже в железных вагонах) в Ереван. В Ереване нас разгрузили, разместили в школе.

Потом там, в Ереване, собралось два или три детдома, один был из Ленинграда. Школа большая была. Но долго мы там не были, нас опять из Еревана вывезли в город Нор-боизыт – небольшой такой городишко, это около озера Севан. И там пришлось мне жить во время войны до самого её конца. В детдоме я был. Нас расположили в школе: на одном этаже мы жили, а на двух этажах учились. Это там, в эвакуации, я окончил семь классов.

Врадий Ю.А.

▶ **ВОЙНА МЕНЯ ЗАСТАЛА В ИНСТИТУТЕ, В ГОРОДЕ КРЕМЕНЦЕ, ЭТО ТЕРНОПОЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ. Я УЧИЛАСЬ НА ФИЗМАТЕ.** Нас эвакуировали под Сталинград. На рассвете подняли тревогу, кругом кричат: «Война!» Подали машины к общежитию, и, кто желал, тот уезжал. Местные оставались, а я поехала, и по дороге начали нас самолёты бомбить. Потом в Шепетовку доехали. Нас отсоединили от одного эшелона и к другому эшелону подсоединили, в нём уже раненные ехали. Вагоны были товарные, очень много людей, сидели на узелках, которые успели схватить. Доезжаем до какой-то станции, что-то подадут люди нам, слёзы кругом. Все были взвинченные, война...

А под Сталинградом нас сформировали по колхозам. И я попала тоже в один колхоз. Так как я была не замужняя, одинокая, без детей, меня хозяйка взяла. Тем, кто был с детьми, было тяжело. У меня хороший хозяин был, заведующий фермой, хозяйка бригадир, и я ни в чём не нуждалась: мне и комнату дали, у них никого не было, одна внучка была, а сын где-то разъезжал. Мне хорошо там было, всё выдавали со склада колхозного – и муку, и барашку (в колхозе было 5 тысяч овец). Меня поставили заведующей ларьком. Ларёк такой в колхозе был небольшой, я то принимала яички, то паковала в ящики, то возила на склады. Давали мне повозку с волами, и на эту повозку ставили ящики. 40 километров надо ехать, чтобы сдать эти ящики. Еду-еду, еду-еду... Приехала, и мне дают на эвакуированных

десять килограммов сахара, мыла немножко, керосина бочку, потому что там света не было.

Шевченко А.М.

▶ **ИЗ ГОСПИТАЛЯ В СЕВАСТОПОЛЕ МЕНЯ ОТПРАВИЛИ В ЭВАКУАЦИЮ – МНЕ В ЖИЗНИ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО...**

Я плохо помню эвакуацию, был почти без сознания. Бросили на железную палубу парохода, правда, я был в шинели. Мы пошли сначала на Турцию, потому что подводные лодки уже ходили, топили корабли. Потом пошли на Батуми. Там помню, что чем-то покормили – и в товарный вагон. Положили меня, а в вагоне тепло, стояла печка-буржуйка. Я лежу и думаю: «Боже мой, какое блаженство...» И тут поезд пошёл так тихонечко – тук-тук, тук-тук. Санитарные поез-

да шли очень медленно, они пропускали все составы, которые шли на фронт с войсками.

Когда уже шло наступление, Кавказ очищали, я был в батальоне выздоравливающих. И наш батальон из Хосты (возле Сочи) оправили в Ставрополь. А, чтобы добраться, нужно ехать через Батуми, Тбилиси (тогда Тифлис), Баку, Махачкалу, и только потом в Ставрополь... А почему туда – потому что документы туда уже оправили. Ехали мы месяц! Нас навалом, как дрова, погрузили в товарные вагоны. В Сочи я заболел малярией, сначала чувствовал просто озноб, а в вагоне стало совсем плохо. И все вокруг доходяги. За этот месяц я не помню, ел я что-нибудь или нет. За месяц только помню, один раз попросил парня: «Принеси мне воды». И он нашёл какой-то котелок в вагоне. Прино-

сит он мне воду и говорит: «Там на станции, где мы остановились, нет воды. Я из паровоза тебе набрал». А в паровоз, когда заливают воду, туда добавляют химию, чтобы накипи не было. И я этой воды напился – и были такие боли! Я столько всего физически перенёс, что сейчас вспоминаю и думаю – как я это пережил? В Ставрополе был уже целый полк, и приезжали так называемые «покупатели» и отбирали бойцов в свою часть. А нас было пять моряков, и вот нас отобрали и тем же маршрутом повезли в Потю, в Грузию, там была военноморская база. Кошмар – это не то слово... И это только из-за того, что в Ставрополь отправили наши документы. Никто никогда не считался с людьми... В Севастополе могли взять и тысячу бросить в атаку, на верную смерть...

Потом, когда я приехал в Потю, мне стало чуть-чуть легче. «Покупателем» у нас был командир танкера «Передовик». Первый раз мне дали миску баланды – это был манная суп, похожий на клей. У старшины я попросил ложку – своей не было. Я этот клей ел и думал: «Какая вкуснота!» Я не мог наесться этой баландой, ел с таким наслаждением, с такой жадностью... Малярия у меня давала о себе знать как по часам: в 2 часа дня меня начинает трусить. Поэтому командир сказал, что пока мы стоим на ремонте, он даст мне отпуск. И за этот месяц я поправился. У меня появились приятели, один говорит: «Игорь, давай я тебя толкну за борт – и у тебя малярия пройдёт! Так малярию лечат». А второй говорит: «Не надо его толкать. Вот мы в море пойдём – и малярия пройдёт». И пока мы стояли в Потю, я каждый день ходил в санчасть, а когда возвращался, то заходил в погреб и выпивал пол-литра сухого вина. Чувствовал, что я пьяный, но это вино, возможно, мне помогло. А потом пошли в море – и малярия прошла. А лечения никакого не было. Я сейчас думаю, насколько я был крепкий, хотя был тощий, длинный и худой...

Но это тысячная часть того, что переживалось...

Афанасьев И.П.

ОККУПАЦИЯ

► **МЫ БЫЛИ ДЕТИ КАК ДЕТИ, ПЯТЕРО ДЕТЕЙ У МАМЫ БЫЛО, И СИРОТУ ВЗЯЛА ШЕСТУЮ, И БРАТ ПРИШЕЛ СЕДЬМОЙ.** Мама одна тянула всё это, бегала везде. Куда она только не моталась, чтобы нас прокормить! А мы то воду носили людям, то колоски на поле собирали, то уток пасли. Я с 9 лет по наймам ходила, меньшие тоже ходили по наймам.

В 1943 году немцы были в Каховке и жили у нас в комнате. Помню, как они спрашивали: «Тамара, где бум-бум?» Это они так конфеты называли – бум-бум, и прятали их шифоньер. Ещё помню братика, ему года три было, немцы за столом сидели и угощали его сигаретой – его, пацана! Он сигареты курил, а я конфеты шукала. Они в зале жили у нас, три человека. Мама чуть с одним не подралась, а он чуть не застрелил её.

Во время войны мы соседям помогали выкопать туннель, в который люди ховались. А мы подвалы делали и ховались – и там все лежали, одеялами накрытые, и отец наш прятался, когда приходил домой. А один раз отцу на голову платок одели, чтоб был похож на женщину. Немец пришёл, потом вышел, и потом опять назад вернулся – догадался, но почему-то не выдал отца. Маме тогда было лет 27-28, а папа был на 12 лет старше её, его на войну не взяли, он звеник, но он воевал по Херсону и по Каховке.

Немцев я видела, но мало по-

нимала. Тот, который у нас жил, просил маму жарить курку, говорил: «Только без лука» – чтобы без лука. А мама сказала, что специально побольше лука накидала, чтобы он отказался, чтоб её детям было. А он говорит: «Я завтра ещё принесу». Мама была поваром. Кто-то варил с луком, и было не вкусно, а мама вкусно готовила. Немцу так понравилось, что он всё время носил, чтоб она готовила. Этот один такой немец был «с фокусами», а так были немцы как немцы, но мама на них не обижалась, говорила – хорошие люди, тоже войны не хотят, но их заставляли воевать. Они угощали конфетами. Помню, как мы переезжали из Каховки в какое-то село, и я увидела длинную коробку с конфетами. Мама с папой тащили тачку с вещами, а я вернулась, но как я не искала эти конфеты – и задом, и передом ходила, – но не нашла. А когда прошла война, я потом разговорилась, рассказала про эти конфеты, а то взрывчатка была, оказывается... И мне говорят: «Тебя Бог сберёг, что ты не нашла эти «конфеты»...»

Особенно запомнился один день. Мы втроём гуляли на улице, я самая старшая была, мне было уже 7 лет. Копаемся себе в песочке, смотрим – кого-то ведут. Козы не козы, собаки не собаки – ничего не можем понять. А когда они уже до соседского двора дошли, мы испугались и забежали во двор. Соседка калитку закрыла, а мама как раз стояла у нас во дворе с капустой.

Мы увидели, что это немцы голых мужиков гнали, человек двадцать или двадцать пять, как стадо... Мужики шли руками и ногами, их гнали на четвереньках, как овец, гнали с пистолетами и с батогами. Они зашли к нам во двор, мама кинула капусту, а они ртом рвали эту капусту. Мама начала плакать, что где-то брат мой родной в плену. Вот это я запомнила в войну – как гнали голых -голисеньких, как они руками-ногами бежали. Страшная эта картина. Немцев сзади двое было, впереди и по бокам, я запомнила, что их было шесть, бо я уже считать могла до шести.

Смеян Т.П.

► **МЫ ЖИЛИ В ПОЛЬШЕ. Я ХОРОШО ПОМНЮ, ЧТО БЫЛО, КОГДА УБИЛИ НЕМЦА...** Лес партизанами кишел. Убили немца, так они всё село согнали. У нашего дядьки двор был большой, и вот всех туда согнали. И сарай такой длинный помню. И нас там под этим сараем построили всех... Бабы плачут, кричат. Мы, дети, конечно, не соображали. Мы не плакали, но, конечно, боялись тоже, а бабы очень плакали – плакали и просились. Из хаты дядькиной жены начали выносить сметану, молоко и давать этим немцам, чтобы нас не стреляли, и они ж так – «яйка, млеко», – вот это хотели всё. Они начали пить это молоко. И подержали нас так и распустили.

Мамина бабушка жила далеко, на краю села, под самым лесом.

Она пришла к нам, там стреляли, и сказала, что будет у нас. Она уже корову к нам пригнала, сказала, что только пойдёт свои подушки заберёт. И только взяла подушки и вышла хату закрывать – а тут облава немецкая. Немцы схватили бабу и забрали, и мы даже не знали, где она, никто не знал. Её забрали в лагерь Освенцим. Мама наша искала её, и тётка искала, но ничего нельзя было добиться. Но как-то потом в сельсовете (там он «гмина» назывался) мама узнала, что бабушка в этом лагере, и поехала за ней. А когда она туда приехала, у них там война уже заканчивалась, они уже были освобожденные, дошли Советы. Но бабушка не могла ни ходить, ни видеть – слепая была. Немцы их там как скот держали, вшей было много, их немцы порошком каким-то посыпали. То, что показывают в фильмах – это цветочки против того, как им там было... Мама бабушку на спине несла, добиралась какой-то попуткой, лошадьми. Мама привезла её, бабушка совсем ничего не видела и всё время просила бабу Катю вывести её на солнышко. Баба Катя выведет её, и она там сидит, греется, а мы с дядей Володей гоняем по селу, гуляем...

Евреев было полно в Польше, их всех убивали там. Поймали еврейку, и спрашивают: «Кто ей помогал?» Ей надо жить как-то, и она показывала на всех, даже не разбирая, виноваты они или нет, с перепугу, наверное. Пока не показала на одного мужика, а он работал с немцами, и всё – её расстреляли, и больше людей не трогали. Немцы там евреев почти всех уничтожили... Кто смог спрятаться – выжил. Помогали им люди всё-таки...

Шевченко А.С.

► **ОЧЕНЬ БЫСТРО НЕМЦЫ ЗАШЛИ, ОЧЕНЬ...** Такое впечатление, что я даже не успела увидеть красноармейцев, вот только немцы уже, немцы, немцы... И они очень грабили, очень! Всё забирали... Я ребенком была и запомнила хорошо. 11 лет – сознание уже хорошее, память прекрасная, и я по-взрослому рассуждала. Помню, как они всё забирают, кабана схватили, закололи и сало к себе

отправляют домой... Армия у них не страдала, у них же не было пехоты, они были все такие модернизированные. Пехота была на мотоциклах, они до зубов были вооружены... И они всё забирали. В селе у моей бабушки забрали холст. У неё верстак был, и она сама скатерти ткала, холст делала, и шили потом платья и кофты. Но всё забирали, даже эту пряжу, и отправляли к себе в Германию.

Село наше, Григорьевка, стояло на трассе, а фронт проходил по речке. Речка такая маленькая, по одну мы, а по другую сторону наша бабушка, и там корова наша. Мама же должна идти корову доить, и дважды по касательной её зацепило пулей. Но она получила только ранение кожи, а вторая пуля только платок прострелила, но мама после того, как увидела кровь, неделю не разговаривала.

А сколько раз туда-сюда селом шли войска... Где прятаться? На печке – страшно, поэтому под полом, под досками, а пули свистят – страшное дело! И не просто шальные: те отступают, те наступают, все стреляют и в дом попадают. Я сидела в подвале, со мной двоюродные сестра и брат, в доме стекла повывлетали от пуль... Конечно, страшно.

А корова какая была у нас умная! Вы себе не представляете, какие животные были умные, всё чувствовали! Чтоб не зарезали немцы, мы её закрыли снопами. И когда приходили солдаты, говорили «яйка, яйка» (хотя вроде и не голодные были, но всё забирали у людей), корова ни разу не мэкнула! Немцы ж приходят и уходят, они не сидят только у нас. А когда корове требуется вода, то она чувствует, когда никого во дворе нет, и она тихонько «меее» – водичку просит. А если есть кто-то из немцев – она ни звука не подает.

Немцы, не буду врать, – они колхозы не тронули. Мы работали как и до войны, только что у людей всё забирали. Зерно особенно немец не берёт, не трогает. А яйца, молоко, сало очень любили, домой отправляли сало, в Германию. Всё это нужно было немцам отдать, а так в поле выходили, работали. Мужчин забрали на фронт, кто же

остался? Остались женщины, такие как моя мама, 1912-го года рождения, она за мужика пошла работать, села на косилку, жатка по-украински называется, косила... Это очень тяжелый труд, самый тяжелый, более тяжелого труда не было! Все собирали урожай. Немцы не жгли урожай. Многие писали, что, мол, они сжигали поля, но у нас такого не было, они давали возможность убрать урожай, но потом, конечно, забирали. В Кировоградской области как раз в конце июня - июле жатва начинается, все поля колосятся, и немцы не тронули, не стали это сжигать, я повторяю это. По крайней мере, когда наши уже в ноябре 43-го года зашли в село, у людей было хоть что-то... Все кормили наших солдат. Боже, какие солдаты наши бедные, на одной ноге ботинок, на другой только портянка... Эти лошади – никакой сбруи, в общем, очень бедные. После немцев, которые были вооружены и обеспечены всем, наши, конечно, вызывали сожаление большое. Но люди насколько поддерживали наших солдат, кормили, поили, но те и не жаловались, каждый говорил нам: «Что вы, мы не голодные, в армии нас кормят». Но так молоко же не выдавали!..

У нас в селе и полицаи были. Я так думаю: раз шли в полицаи, наверное, не имели надежды – думали, что навсегда так останется. В нашем селе никого не повесили, а вот в районе, где мы жили до войны с мамой, там один человек – он был заместитель начальника Правосудько фамилия, – пошёл в полицаи. Он даже присутствовал, когда очень многих на площади казнили. Казнили, только если видели или узнавали, что кто-то связан с нашими с партизанами или с солдатами. И мама его спрашивала: «Как же ты мог, ты работал с Захаром, с папой моим, чего ж ты туда полез в полицаи?» А он говорит: «Давай привыкать к новой жизни...» Дядю Никонора, брата моей мамы, тоже хотели в полицаи, мама сказала: «Я тобі голову відірву! Наши прийдуть!» Мама моя очень верила, и так все наши родственники настроены были – верили, что наши всё равно придут.

У нас була партизанка, которую подстрелили немцы в лесу, и папа ей помогал, и председатель колхоза дядька Фёдор помогал. Потом, после войны, его должны были сослать в Сибирь, но за то, что он был связан с партизанами, его не наказали. А отец мой был бухгалтером в селе даже при немцах, пока не забрали на фронт. Его не успели эвакуировать, и, как только ударила авиация, отца сразу забрали в военкомат. Но где-то через 5 дней отец вернулся в село, потому что в Кременчуге была страшная бойня, там очень много погибло людей, и он на фронт не прорвался. А как только село освободили в 43-м году, он тут же ушёл на фронт и погиб под Киевом.

Когда отступали немцы, они были злые и вредили. Скажем, общий двор им не нужен был – разорили всё. Лошадь не нужна была – лошадь убили. Были такие проявления. Даже когда наши освобождали в 1943-м году, даже в самом конце, когда немцы уже отступали – всё равно они грабили, это очень хорошо помню. Но были и хорошие люди. У моей тётки был расположен немецкий штаб. Так вот начальник штаба принёс и показал фотографию, что у него точно такая же дочка, как я. Он мне всё время шоколадки передавал, очень хороший человек был, очень хорошо относился и к моей тётке, и ко всем, и если видел, что солдаты мародёрствуют – он пресекал. Это честно, абсолютно честно, что были и хорошие люди.

Пока мы были на оккупированной территории, то кто воду носил, кто помидоры сажал и огурц, хозяйством занимались... А когда нас освободили, тогда нам привезли дробилки, чтобы делать махорку. Я отправляла на фронт табак, работала на сушке табака, и ещё мы выращивали табак, у нас в селе плантации табака были. У нас была женщина и у неї две помощницы, лист только начали собирать, и только она была обучена, как надо затопить печку и быстро повялить этот табак. Я потом уже поняла, что такой лист – это для сигар. И мужчина у нас был, экспедитор, он забирал лист, а остальное мы сушили и отправляли на дробилку, делали

махорку, из холста делали мешочки, зашивали – и на фронт. Мне три письма пришло с фронта – так хвалили, что настроение поднималось, самой хотелось курить. Но я не стала курить, мама сказала: «Убью!» Я читаю письмо, а мама: «То він дурний, ты не слухай!» Как же не слушать, если он говорит, что не было сил даже ружье взять в руки, так закурить хотелось, а как закурили все – то и патриотизм появился, и родину пошли защищать. Вот такие случаи... Мне было уже 13-14 лет. Когда война закончилась, мне немножко не хватало до 15 лет. Но тогда я считалась не ребёнком, а считалась как молодёжь. Конечно, тяжело было, я бронхо-

Листовка-пропуск, призывающая переходить на сторону фашистской Германии

спазм заработала, потому что когда сохнет табак, он издає особий запах, и мы закривались мокрим холстом. Из-за этого я в медицинский институт потом пошла.

Фурсенко О.З.

► Я ПАМ'ЯТАЮ, ЯК МИ ПРИЙХАЛИ В СЕЛО В ЕВАКУАЦІЮ, ТО ВІКНА БУЛИ ПОБИТІ ВСІ, БОМБИЛИ, А З ТІЄЇ СТОРОНИ БУЛИ ПАРТИЗАНИ. Пам'ятаю, що пожежа була у нас в кімнаті, тому що льотчики давали нам свою одягу, щоб ми стірали, а коли стірали, то бензін випаровувався, воно й вспихнуло. Я не пам'ятаю, як потушили, а мати мене схватила на руки і винесла, і

цей пожар я пам'ятаю...

Мама моя в 18 років на Україну попала, ще у громадянську війну, тут вона вийшла заміж за українця. Вони були переселенці із Германії, тут прямо колонії були німецькі. Бабушка моя розмовляла по-німецьки, вона не забула цю мову, а такого контакту з німцями в неї не було... В мамі була фамілія Гейцнар, а тут вийшла заміж за Кравця.

Ви знаєте, різні були німці... Вороги були й румини, були й татари... Я пам'ятаю, як була мала ще, мене мама покупала і положила голову під одеяло. Мама молода була, а румини за дівчатами гонялися. То я пам'ятаю, що забігли у кімнату, і кричать: «Марія, ховайся!» І мати вилізла на горище і драбину з собою потягнула туди. То вони прибігли, а я ж з головою вкрита, то вони подивились, хто там спить – не трогали. Маму тоді не піймали...

Я пам'ятаю во время війни, як сиділа на руках у мамі і німцю дулю дала під ніс. Це я добре запам'янала, тому що мама довго кричала і мене так обняла, тому що боялась, що мене може затрелить. А він мені теж так показав... Пам'ятаю це добре.

Пам'ятаю, як оце ми були у Баштанці. І пам'ятаю глибокий такий підвал, цегляний. Аеродром був близько, і як тільки нальоті бомбили, ми у підвал ховалися, багато нас, й сусіди були, чоловік двадцять було. Мені вже було років чотири-п'ять, і пам'ятаю, як партизани заступали вже з бійцями і гукали нас з підвала, щоб ми вийшли, і гукали: «Сестри, це ми!». А багато людей було у підвалі, і плакали, обнімалися...

Бундуки В.М.

► ...ПОМНЮ, БЫЛ МАЛЬЧИШКА – У НЕГО БРАТА ЗАБРАЛИ В ОСВЕНЦИМ, ОН 1925 ГОДА, ЕМУ СЕМНАДЦАТИ ЕЩЁ НЕ БЫЛО. Наша мама ещё жива была, лежала в тяжелом состоянии после побоев в гестапо. Немцы старшего брата угнали, а меньшенький остался. И мальчишки воробьев ловили – у нас немножко было корма для коровы, просо было на веранде, и воробьи собирались. И мальчишки ловили этих воробьев, как могли,

и бросали в огонь. Я плакала всегда, дралась с ними, но вот этим мы выживали, это мы ели. И одеться надо было во что-то, зима была, холодно. Одна женщина нам обувочек нашла из шинелей...

...Когда подходили наши, уже гнали немцев, нас к себе взяла семья старообрядцев, и они немножко нас поддерживали. Фронт уже приближался, и сестру мою Любу уже тоже освободили. И хотя гибли почти в каждой семье, всё-таки мы самые несчастные были – говорят, две семьи в области были такие. Мы жили во флигельке, у нас голодала корова и мычала от голода и холода. Она в сарайчике стояла в сорокаградусный мороз, почти под открытым небом... Вспоминаю, как бесчеловечно это было, как больно! Мычала, бедненькая, а мы ещё её доить пытались. Выведу её, и хочется ж подоить что-нибудь, дети тут стоят с чашечками... Когда-то Горбачев выступал, говорит: «Кто видел, как коровы плачут?» Мне хотелось крикнуть ему: «Я видела!..» Ту корову, которая у нас до войны была, украли цыгане. И когда отец узнал, он отыскал этих цыган и их барона. Барон отлупил их как следует и обещал вернуть корову. И нам вернули другую корову – рекордсменку какую-то, но она уже старая была, цыгане её купили или украли, когда немцы стадо гнали из коров, которых отбирали на мясо. Вот эту корову нам дали. Это умница была, она у нас и выжила, а ту корову съели цыгане, показали голову её. Так вот, я эту корову как подойду доить, – думаю, хоть немножечко наежу молочка, хоть накапает в стакан, дети же стоят на холоде, голодные, дрожат... А она смотрит, повернет голову – и слёзы, слёзы ручьём бегут, как у человека, стоит и так вот: «Мууу...» Ничего нет, мычит, как будто спрашивает: «Что ж ты доишь, я сама голодная и холодная...» Она, бедная, сама еле стоит. Кто-то очистки ей принесёт, ещё что-нибудь, но этого мало было, она мучалась с нами...

Лицоева В.П.

► **РОДИЛАСЬ Я В 1943 ГОДУ, ДАТА НЕТОЧНАЯ – 23 СЕНТЯБРЯ.**
Примерно в это время я появилась

на свет. Моя семья, в которой я воспитывалась, была в оккупации в городе Херсоне. Время было очень трудное. Те, которые здесь жили, рисковали каждую минуту, каждую секунду. Расскажу, как меня нашли, и что я помню.

Чтобы отопить квартиру, готовить кушать люди ходили собирать щепки. И вот моя мама, как и все, пошла собирать, и в том районе, где сейчас Вечный огонь, – там ров был, где расстреливали людей. И она услышала как бы котёнок запищал. Оглянулась и увидела сверток, подошла – это была я, и она забрала меня. Она принесла меня к себе домой, в то время у неё был сын, она ещё кормила его грудью, и, очевидно, сработала эта доброта, порядочность человека. Зная, что такую маленькую есть чем выкормить, она меня оставила

в своей семье. Приходили соседи, и, когда видели меня, возмущались – мол, зачем ты себе взяла обузу такую, ведь она не выживет. А я была простывшая сильно и не видела ничего, глаза были полностью закрытые. Очевидно, я здорово простыла.

В семье были в то время у мамы 4 человека. У старших сестёр и братьев волосы были каштановые, у матери был волос чёрный-чёрный, и у самого младшего, который в 1941 году родился, был чёрный волос и кучеряшки мелкие. Ну а я была белая совершенно как сметана, с голубыми глазами, они у меня и сейчас ещё голубые. Выкормила она меня, вылечила,

я была ещё и ранена в ногу. В соседнем домике на квартире жил немецкий военный врач. Это было по улице Ушакова, рядом с парком Ленина, в районе Суворовской. Там было три дома, жёлтый дом ещё остался. Вот этот врач мне и вытащил осколки из ноги. Я часто об этом задумывалась – оказывается, врачи остаются врачами, кто бы они ни были.

У матери было 17 лет дочке, совсем девчонка, её хотели угнать в Германию. И зашли в дом румыны (в Херсоне были и немцы, и румыны, и другие – все, кто воевал). Смотрят – красивая девушка стоит, начали из хаты выволакивать. Соседка позвала этого военного врача, он зашёл и на их языке выругался и выгнал их. Он помог. Уже наши подступали, и поэтому её так и не успели забрать. И ещё случай был. Там, где старая мореходка, был лазарет, госпиталь немецкий. И вот туда брали девчонок и мальчишек 14-13 лет, чтобы ухаживать за немцами. Но у них уже горело в душе, хочется же отомстить немцам. А как – они не знали. Они кушать немцам подавали, и один мальчик вышел на балкон, а внизу идёт немец, толстый, пузатый и лысый, и он ему взял и кашу из казанка – раз! – и на голову. Чуть не расстреляли всех. Мальчик признался, и опять вступился кто-то из офицеров, которые лежали в госпитале, и не дал расстрелять. Старшие дети в нашей семье тоже работали в лазарете, заставляли их. Они работали за еду, какая там зарплата...

Мать рассказывала, что в наш дом много раз заходили партизаны, когда они на вылазке были в Херсоне, называли её мамашей, хотя она была молодая, сказали, что если будут живы – обязательно придут. Она и им помогала, была очень добрая женщина, переночевать пускала. Мать рассказывала, что немцы держали пленных в подвале по улице Кирова 2, и там тоже были немецкие пленные. Они их совсем не кормили, и мать рассказывала, что когда жители проходили мимо подвала, они просили: «Мадам, дай кусок хлеба, я против войны, я не хотел войны!» И люди давали им кто что мог. Особо не разгонишься, конечно, в то время.

Впереди нашего дома был огромный котлован, полдома у нас отбило. Людей выгоняли из города на пятый участок, в сельскую местность. И вот, даже несмотря на то, что было очень трудно, меня опять-таки нигде не оставили. Там ещё я достала двустороннее воспаление лёгких и опять выжила. Значит, это говорит о том, что судьбой написано всю жизнь бороться, что я и делаю и в данный момент.

Из детства я помню, что игрушек не было, конфетами нас никто не баловал. Ну а ребёнок и есть ребёнок, он ищет себе игрушки. Хлопцы на дереве сделали себе гнездо и таскали туда оружие, и я ж тоже бегала кругом, заглядывала. И я нашла игрушку себе – во дворе лежал кусок рельсы, и я услышала, что там что-то жужжит. Вот это и была игрушка: беру, бью по этой рельсе, прикладываю ухо, а там жужжит... И тут мать выходит. Как глянула, что я делаю – а у меня в руках граната, самая натуральная, и мне нравилось играть с ней. Хорошо, что я не сообразила, что колечко можно выдернуть... Вот как судьба постоянно сохраняла меня.

У нас во дворе был туалет. Тот туалет был напичкан всякими пистолетами, мама туда всё выкидывала, зная, что туда уже дети не достанут. На боеприпасах в нашей семье никто не подрывался, а по рассказам знаю, что было таких случаев много. Мой муж рассказывал, как он остался жив. Он жил в Крыму, в деревне, а в Крыму оружия было столько! И они нашли снаряд, держали его в классе, в печке прятали от классного руководителя. И решили его сами подорвать, и единственный из всего класса остался в живых мой муж. Ему всегда есть хотелось, и он побежал поесть, а пока он кушал, услышал взрыв. Вся деревня бежала туда, погиб целый класс. Вот так дети подрывались во время войны, да и до сих пор сколько находят. И в Херсоне находят целые склады. Война ещё долго будет аукаться на наших потомках.

После войны трудно было, очень трудно... Нигде же не зафиксировано было, кто, что и как. Уже в 1947 году меня со свидетелями зарегистрировали (обязательно

надо было 2 свидетеля) – записали, что я, значит, есть. Удочерения не было, просто мама записала со свидетелями меня на свою фамилию, вот и всё удочерение.

Гаврилова Л.А.

▶ **НАШ ДЕДУШКА БУВ СТАРОСТА, ОН НЕМЕЦ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ, НО ОН ОТСТАИВАЛ ИНТЕРЕСЫ НАШИХ ЖИТЕЛЕЙ У НАС В КИНДИЙКЕ.** Он специально остался, чтобы спасти людей, и очень много поспасал. Например, я помню, когда русские были на той стороне Днепра, а немцы

здесь уже, наши пришли до председателя сельсовета, пришли и говорят: «Узнай, где стоят пушки». Осень уже, он взял резак, мешочок (травы нарвать), а за селом, где кладбище, стояли якісь пушки, на ту сторону стреляли. И его тут раз – забрали и привели до нашего дедушки. И хорошо, шо тот немец-полицай ничего не понимал по-русски. Наш каже: «Всё, Густав Йосифович, я партизан», а він каже: «Як партизан?» А немец: «Партизан, партизан!» А дедушка каже: «Нет, он не партизан, у него дети, он собирает коровкам траву, он не партизан». А уже сделали виселицу коло церкви, хотели вешать, и дед-таки его спас, не повішали его, вже після войны помер.

В школу я не ходила в 7 лет, школы не работали. Тех, кто постарше, заставляли работать, они ходили окопы копать. Приходит дедушка, каже своим дочкам: «Завтра

надо пятнадцать человек в Германию отправить. Значит, ты, Нюра, этих предупреди, а ты туда, Люба, к тем». И они предупреждали, говорили людям уходить с дома, бо завтра заберут. И быстренько всех обошли. Немцы приходят утром забирать, а их нема. Так дед выгнали в Берислав, мол, там немецкий поселок, будете там жить. Деду предлагали быть переводчиком, дед каже: «Не, не, я старый, переводчиком не буду!» Помню как сейчас: погрузили на подводы и поехали, повезли їх.

Один немец у нас жив в хаті, якийсь чин високий, в нього така кокарда була, якийсь офіцер, і денщик у нього був. Він жив у хаті, ми в другій комнаті, і розкажу, як він до нас відносився. Мы не доедали. А він занімав одну комнату, сидить завтракає, это я хорошо помню, а ми ж повставали, рты пораззявляли, нам хочеться... Був у нього такий сыр голандський – як зубна паста, видавлюється. Він отрізав хлеб, намазав масла, потом сиру выдавил, несколько кусків помазав, а ми стоїмо - облизуемся в коридоре. Он чай попил, остальне встав, пішов, викинув на вулицю и ногой растоптав, щоб ми не подняли, і ще сміється. Вот это до сих пор я помню – прямо в глазах всё. Отак растоптав все – і сир цей, він же в тубику. Він пішов, ми взяли той тубик, розодрали и облизували. А бувало, немцы угощали, говорили: «О, киндер, киндер!» и давали то конфету якусь, то печенье.

Нас усіх відвезли в Баштанку, брать нічого не розрішали з дому. Люди побросали хати й пішли. А тьотю Моню в сарай заперли, і вона сутки сиділа, і сидів немец – охорняв. Сидить, на губной гармошці грає, і с пістолетом. А в сарає вікно невеличке. І мені сказали: «Сходи, віднеси тьоті Моні поїсти, вона вже сутки сидить». Я прийшла і вспіла їй кинуть туда, у вікно. А він сидить і того не бачить, а потім: «Гей, вб'ю!» – покричав на мене, і я пішла... Если б взнали, що ми робили, то розстріляли б сразу. У Баштанкі рядом був аеродром, і стояли снаряди в ящиках, у них ручки з капрону, і ті ручки розпускалися. І ми залазили і обрізали капрон, приносили до дому. Мама каже: «Боже, ви ніколи

туда не ходіть, вас, якби побачили, на місті б розстріляли!» Ми тоді не знали, що таке капрон, думали, що то шовкові нитки. Ми розпускали, і мама в'язала кружеву з них і продавала за молоко, за буханку хліба чи за якусь крупу.

Люди дуже один одному помагали. Як їхали в Баштанку, всіх грузили, а хто старий чи з дітьми (в мами троє дітей було, мені було сім-восьмім лет) – тих у подводах везли. Хто міг йти – той йшов. І ми доїхали до Баштанки, один німець їхав верхи на коню, а то пішком ішли з автоматами біля нашого обоза. Коли прийшли до Баштанки, моєї мами сестра пішла под міст з дітьми, в туалет, а там вже німці не дивилися, і вони там осталися. А нас пригнали в сарай, через усе село, село довге таке було. В тому сараї, видно, тільки скот був, бо свіжий навоз, хоч в навоз сідай. І німці десь пішли два, остався один, сів, спиною оперся об одвірки, поставив своє ружжя і спить. І мама каже: «Всі втікли, що ж ми будем делать? Давайте, може і ми...» І мама допомогла мені, я перелізла через ноги йому, він спав, і дала мені дітей. Головне діло – діти ні одна не писнуло, нічого! Понімали, не плакали, не стонали. Недалеко пройшли, може, квартал чи скільки, просимся до жінчини: «Если можно, пустіть, бо вже темно...» Вона каже: «Ладно, це ви що, з етапа?» Кажем: «Да». Вона: «Я вас пуцу, тільки щоб затемно ви ушли, бо і вас постріляють, і мене, і мою сім'ю». Іще темно було, вона нас розбудила, накормила, і ми рано-рано утром стали і пішли. І прийшли на перву улицу, і нас пустили дед с бабкой – у них нікого не було, ні дітей, нікого. Корова була. Дід пустив на квартиру, залу оддав. Мама їм по всьом помогла, корову поубірає, і ми жили там до самої весни. Там русскіє і застали нас. Поставили «Катюшу», як бахнули – то всі вікна повилітали ззаду дома. А німці тікали, грязь, машини не їдуть! У кальсонах німці бігли, тікали, нежданное было нападеніє. Наши даже не в солдатському були вдіти, а так – на конях, винтовки в руках. Один підїхав до нас: «Дайте топор!» Мама ви-несла топор, він – бах! – провода якийсь перерубив, і каже: «Женщины,

приготовте щось, бо ми всі голодні. Така грязь, не можем нічого подвезти, нічого не маєм». А там, за селом, оказується, було їх 28 чоловік, вот етіх наших солдат, і вони цілу армію заставили сложить оружие і почті всіх перебили коло аеродрома.

Ми в Баштанке ще десь місяць побули, а в марті Херсон освободили, і ми пошагали додому. Ідеш – і там окопи, і там, і люди в них ле-

жать голі – відно, познімали з них одежку, а чи то німці, чи то русскі – я не знаю. Потом, може, неделька пройшла, ми з тьотей Ніной пішли по воду, уже русскі зайняли село, бачим – іде солдат наш, і німець впереді йде. А там кукурудза була. Солдат напився води у нас, пішов в кукурудзу, там бахнув, приходить до нас і каже: «Я там німца вбив. Я акуратно вбив, ідїть разденьте!» Ми за відра – і тікать...

Грובовенко Т.Е.

► **ПОЧАЛАСЯ ВІЙНА, І НАС ПОСЛАЛИ З ТЕХНІКУМ НА ПОЛЕ, І МИ НА ПОЛІ ПРАЦЮВАЛИ.** Приїхала я додому, сестра була учителька, і в неї було двоє діточок. Я вже підросточок, а брат мій младший в армії, аж в Середню Азію попав, не був в окупації. Я була в окупації, і я дуже добре пам'ятаю голод. У нас була друга хатка з краю, корова, поросся було, і город великий. Мама безграмотна була кацапочка, но хазяйка була золота. У нас була діжка гороху. А брат мій був в армії, а коли хто був в армії, давали один пуд муки. І от мати покійна зваре

гороху, мукою замішає, на смальці нажаре, ми їли і молоком запивали. То я скажу, що не голодувала і не пухла. Мати ходила за десятки кілометрів зимою, собирала качани кукурузи, приходила – в неї всі ноги були облєдінєвшіє. Вона взуття знімала, водички, горчички туди – і парила ноги. Пробивалися хто як міг. Страхіття, може, й Були. У мене таких страхіть не було, а преувєлічівать – це зовсім невєрно.

Німцїв бачила, не тільки німцїв бачила. Іде бомбьожка, ми, діти, заховались – під кровать залїзли, одеяло пустили на підлогу, і в цьо время ми почули такий штурхїт, що здригнулись – снаряд у сусїдньому дворї зїрвався. Коли ми з одного села до іншого йшли, летїли над нами снаряди. Страхїв ми бачили багато. Вечїром вийдеш, подивишься кругом: все в огні, кругом усе горїло.

Ми, діти (мені 16 років було, а я ростїком малєсенька) лягали на підлогу, повкривались. Пришов німець, ми дрожали всі, зігнулись й ще меншї стали. Німець присвітїв, подивився, і, спасїбі йому, нас не тронув, так що у нас їздевательств великих я не бачила. То коли вони відступали, вони не через наше село йшли, а коли наши йшли... Ой-ой-ой, це не можна розказати, не можна описати...

Свирїдко Н.А.

► **КОГДА В ХЕРСОНЕ НАЧАЛАСЬ ЭВАКУАЦИЯ, Я РАБОТАЛ ЗА ЗАВОДЕ ПЕТРОВСКОГО.** Мои фрезерные станки в последнюю очередь снимали с фундамента, грузили на эшелон и отправляли в глубь страны. Мне ещё 18 лет не было, однако представитель военкомата сказал, чтобы 16 августа 1941 года я был в военкомате. Я пришел в военкомат в назначенное время, а там дежурный в комнате, портреты вождей – Ленина, Сталина, Карла Маркса и Энгельса, стол стоит, так чисто так убрано всё. Я к дежурному, а говорит, что военкомат эвакуировался вместе с документацией 12 августа. Я развернулся и ушел, и 19 августа 1941 года я попал в оккупацию.

В оккупацию я жил по Спартакoвскому переулку, дом 10. Сейчас там этого домика нет, а был там был деревянный такой небольшой до-

мик. Мама тогда была в Казачьих Лагерях, уехала на лето. Я из дома не выходил, наверное, дня три, а туалет был в общем дворе и в самом конце. Сколько можно терпеть? Я вышел и пошёл туда, и тут из соседнего двора мне кричит немец с автоматом: «Ком!» Куда бежать? И я пошёл, куда он показывал. В этот же день мама вернулась из села. А немец меня прихватил и повёл во двор школы № 14 по улице Ленина. Там во дворе автоматчики собирали нас всех. Собрали душ триста и колонной повели за окраину города, туда, где сейчас городской автобусный парк, а раньше там были амбары с зерном, фураж для скота. Когда нас завели туда, там было три амбара. Нас туда набили битком. Пять дней ни воды, ни кушать, ничего не давали. А потом мама принесла – родители узнали, где находимся, и начали приносить то кушать, то одежду. Принесли мне паспорт. Сейчас паспорта иные, а тогда бумажка – да и всё. Принесла гимнастерку (у нас были два краснофлотца: когда наши моряки уже отступали через Херсон, двое ночевали у нас и оставили мне гимнастерку, фланельку морскую). Мама принесла, я глянул – там звёздочки. Я её надел и сверху плащ – испугался, ведь если немцы увидят, то сразу скажут: «Русиш моряк». Они не разбирались, стреляли – и будь здоров. Ну я как-то перетерпел это, пережил. А на седьмые сутки (это ж мы не пили и не ели, а кому приносили что-то, тот делился, но всё хорошее немцы забирали и сами пожирали, а нам отдавали то, что оставалось), так вот на седьмые сутки нас вывели, в шеренги построили. Два стола стояло, чтобы быстрее рассортировать. А у меня документ был, что я украинец, а там сортировали так: евреев, цыган и другие национальности – в одну колонну, а русских и украинцев – в другую колонну. Нашу колонну русских и украинцев повели в центр города, а тех (цыган и евреев) повели в сторону Чернобаевки. Там был противотанковый ров, и там 8 тысяч человек было расстреляно. Потом, кто видал, говорил, что земля шевелилась, пытались вылезти оттуда, потому что сверху были закиданы землей. Страшное дело было...

Вот это такая оккупация была.

Нас привели в город. Там, где сейчас музей Шовкуненко, была немецкая управа. Нам выдали пропуска, что мы прошли проверку геббельсовскую, и заставляли нас работать. Мы баржи с углём разгружали. Нас не делили – дети или взрослые. Мы корзины нагужали и вытаскивали из баржи. В обеденный перерыв давали то похлебку какую-то, баланду, то крупы, то горох. Работали по девять часов. Там уже были не немцы, а подхалимы немецкие, у нас же предателей было сколько хочешь, спасали свою шкуру и шли в полицейские, в старосты. Там, где мы работали, немцев около нас не было, только подхалимы немецкие.

Были разные люди... На заводе Коминтерна я работал, перевели меня в цех, приходит бригадир и говорит: «Тебя вызывает главный инженер». И я думаю – всё, отправят в Германию, потому что прошёл приказ в городе, всю молодежь отправить в Германию. Это был июль 1942 года. Пришёл я к инженеру, он хороший мужчина был, в советское время работал с людьми. Он меня спрашивает, как маму зовут. А мама подрабатывала у них на кухне, была очень честная, хорошо зарекомендовала себя, и просила у жены инженера за меня. Он спрашивает: «У тебя братик есть меньший?» Я говорю: «Есть». И мне инженер выписал пропуск на двоих. Была пятница, а субботу и воскресенье мы не работали, и он сказал: «Иди через переправу на Антоновку, к маме, и больше не возвращайся, потому что я буду вынужден тебя отправить в Германию». Я так и сделал.

Уехал в Казачьи Лагеря и там тоже скрывался, потому что там тоже молодых отправляли в Германию. Но там хоть есть куда спрятаться – мы прятались в садах под Маячкой. Долго прятались. Зимой, конечно, по домам, потому что холодно. Зимой с 1942 на 1943 годы перезимовали дома, полицаи нас не трогали, только когда идёшь по улицам в ночное время. Я там был знаком с девушкой, я потом на ней женился, когда пришёл из армии в отпуск. Она моей семье помогала. Как-то вечером я шёл от её дома и около нашего дома полицейских встретил – один меня так огрел палкой, наверное, месяца три синяк через всю спину был...

Перетяпка Д.К

► **САМОЕ СТРАШНОЕ В ВОЙНУ – ЭТО ОККУПАЦИЯ. У НАС НЕ БЫЛО ДЕНЕГ, НАС НЕ СМОГЛИ ЭВАКУИРОВАТЬ.** Мосты были взорваны, мы остались – я с мамой, тётёй, дедушкой. Насчёт голода – мёртвые на улицах не валялись, мама получала что-то около 900 грамм, её жалели – я без отца рос, поэтому ей давали 3 карточки. Она две смены вела в школе и работала в библиотеке. Дедушка от голода не пух, тетя не пухла, мама пухла, потому что она работала целый день, а я съедал всё это. Но вот такой факт: в магазине висели портреты людоедов, которые ловили детей. Меня одного не отпустили, пирожки с мясом из детей делали – это было...

Началась война, мне 15 лет было. В Германию угоняли, не хотел я ехать. Я был истощенный, у меня малярия была страшная, умирал три года от малярии. Я жил на квартире у хозяйки, по улице Перекопской. Во время оккупации немцы жили на квартирах, и там два немца жили – Ганс и Альберт. Ганс был спекулянт, гусей где-то доставал, продавал и покупал. А Альберт приглашал меня, немецкому меня учил немножко. Он мне давал советское радио слушать, угощал меня пивом и тем, что им давали, шоколадом.

До войны в доме, где сейчас музей Шовкуненко, был горсовет. А во время оккупации там висел фашистский флаг – красный, бе-

лый круг и чёрная свастика, а рядом жовто-блакитный флаг висел и тризуб. Был тут Кулиш – он националистом был, сидел в тюрьме, потом его перед войной отпустили (Берия выпускал много), и он был бургомистром, и вот он решил подбирать и воспитывать свою украинскую интеллигенцию. Ну а немцам эта Украина нужна была как рыбе зонтик, и они его убрали...

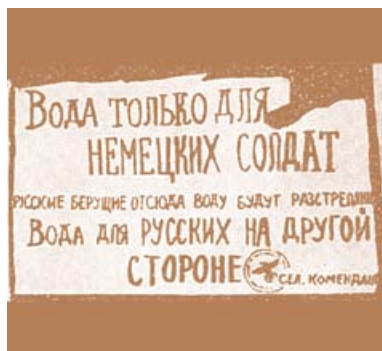
Что ещё во время оккупации запомнилось... Я когда ходил на работу мимо валов, мимо тюрьмы, арсенала (там сейчас «Скифия»), тогда там был барак. Очень много пленных гнали, целыми сутками, из Севастополя. Севастополь не эвакуировали. И я видел, как там открывают ворота, выводят пленных и вывозят телегу – полная подвода тел, скелетов, обтянутых кожей, шевелятся ещё. А в парке было две большие ямы, и туда сбрасывали и землей присыпали. Женщины, когда идут на базар, шинель захватят и идут мимо этого места. А земля дышит, там кто-то шевелится. Женщина вытащит его, шинель даст – вот мужик уже дома есть, человека спасла. И святое дело сделала, и хозяина нашла... Было и так, что еврейских детей спасали. Евреев фашисты уничтожали всех, но детей женщины спасали, но они не сильно и запрещали...

Когда немцы гнали пленных, женщины выносили им хлебушек, они берут, но немцы сразу начинают кричать: «Бэк!» А вот когда татары гнали, когда хлеб пленным протягивает женщина – он её прикладом бьёт, она падает, а того пленного убивает.

Румыны были не лучше немцев. Как-то за мной гнался румын в Херсоне. Ему захотелось пострелять, напился, кричит: «Юде! Юде!» Потому что если он убил еврея, то его только похвалят за это. А евреев уже не было, евреев уже перебили всех, а ему хотелось. Я от него дал ходу, он за мной. Ну, думаю, выстрелит же, гад. Я остановился, он налетел на меня, мы упали, но он пьяный, я выбрался из-под него и – раз! – в переулок, там в калитку, там товарищ мой жил. Сами румыны говорят о себе: у нас есть «чёрные» и есть «светлые».

Лонский С.И.

▶ **ПОЛГОДА У НАС БЫЛА ОККУПАЦИЯ. У НАС ДОРОГА НА ХУТОРЕ ДЛИННАЯ, А МЫ ВСЕ ЛЮБОПЫТНЫЕ, СМОТРИМ – СНАЧАЛА ПРОЕХАЛ МОТОЦИКЛ С КОЛЯСКОЙ, В КОЛЯСКЕ СИДИТ С ПУЛЕМЁТОМ ФАШИСТ, ЕДЕТ В РАЗВЕДКУ.** Потом едет полуторка, потом через полчаса как грянуло – пошла немецкая дивизия. Как пошли, как они заселились – в каждой хате стояли немцы. Части немцев располагались тут, как дома. У нас стояла кухня походная немецкая во дворе. У соседки Наташи через хату такого кабана зарезали немцы... А у нас поросёночек уже был такой подходящий, месяца четыре, наверное. Немцы ходят, «яйки, млеко» ищут, грабят всё. А два немца ходили в наш свиношник, сарайчик такой для поросёнка, они всё ходят, ходят, болтают между собой, заглядывают. И тут отец сообразил, как их обмануть. Взял синьку и давай мазать поросёнку за ушами. Они пришли уже забирать его, смотрят: «Болен?» – «Да, болен, больной!» Ушли, и больше никто не подошёл, отец поросёнка спас.

У нас два немца с поломанной машиной стояли в колхозе. Много месяцев их колхоз кормил, они простые ребята, отец даже приглашал их к себе в дом. У меня отец и пчеловод был, и на все руки мастер. Он их мёдом угощал, добродушные были два немца, чувствуется, что добродушные.

Одни немцы уходили, потом приходила другая колонна. Отца заставляли стать старостой. Отец наотрез отказался. У них был полицай – предатель, из местных. Так он, гад, закрыл отца в амбар на трое суток, ни еды, ни воды, крысы. Потом, когда выпустили, он с

хутора ушёл в артель, где мужики чернили кожу для обуви. А мы с матерью остались, нас четверо было. Отец там встречался с подпольными коммунистами. Когда оккупация кончилась, пришли наши, освободили всех, но отца арестовали, посадили: там был злодей – председатель колхоза, махинации делал, а отец его разоблачал.

Организовывали покушение на моего отца. Отец и мать дружили через пять хат пять с дедом Поповым и с бабкой. Они уважали отца, позвали на праздник или вечеринку, а мы трое дома остались. Ночь-то темнущая была, слышим – стук-стук в окно. Сестра младшая смотрит – стоит дядько Ивко Кобец, это зять Гринько – тех, которые покушение организовывали. Спрашивает: «Хозяин дома?» Говорим: «Немае». Смотрим – а он с ружьем стоит, спрашивает: «А де він?» – «До деда Попова пошли». Потом к деду Попову пришла жена председателя, видно, на разведку. Мать сказала: «Пойду детей приведу». Идёт, темно, и слышит шёпот. Остановилась, на цыпочках по двору поближе подошла, слышит, а жена председателя рассказывает, где наш отец сидит, где кто, и этот дядько Ивко говорит: «Я в окно», а она: «Ой, не надо, ты стариков перепугаешь!» И вот как мать это услышала, поняла всё, скорей вернулась к деду Попову, не пришла домой. Забегаёт, отца хватает, дед и бабка смотрят – что такое? Она: «Представляешь, готовят убийство». Дед Попов вышел с собачкой, она была злая, походил-походил, приходит, говорит: «Нигде никого нет». Потом мать с отцом втихаря через дорогу перешли и по полю домой. Всю ночь мать выходила во двор в разведку, так он, гад, простоял у окна всю ночь, но покушение не удалось...

Когда наши начали наступать, вооружённые, эшелон и дивизия, дух был повышен у всех, бывало, на передышку у нас оставались. По хатам размещали на отдых солдат наших. Им где бы только упасть в хате, соломы постелить – и всё. У нас легли человек пять, один попросил маму сорочку ему прокипятить, а сам упал и уснул, измучен-

ный. Мама давай кипятить её, там в каждом шве вши... В таком состоянии наступали наши, прошли, а потом стали колхоз восстанавливать, в колхозе стали работать – как обычно, бесплатно там работали.

Оккупация уже закончилась, а председатель ещё разными путями пытался от отца избавиться. И отца арестовали 30 марта. Что ему «подшили»: агитация против советской власти во время оккупации. А мама встречалась с коммунистами-подпольщиками, они говорят: «Выпустить его, его не за что судить, пусть нас свидетелями берут на суд, если суд будет». Так эти сволочи фальсифицировали, свидетелями не дали выступить этим комиссарам. Отцу 10 лет дали, тогда стандарт – 10 лет давали, выслали на Урал. Отец там помер в 1945 году за то, что он разоблачал их махинации...

Чуйченко И.С.

► **КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА, МЫ НАЧАЛИ ОБЕРЕГАТЬ ДОМА ОТ БОМБЕЖЕК, НА КРЫШАХ ДЕЖУРИТЬ.** Бомбы бросают эти фугасные, а мы должны были их сбрасывать вниз, чтобы не загорелись дома. Мы с братом дежурили...

Прошло какое-то время, и 19 августа к нам в Херсон вошли немцы. Двоюродный брат Витя бежал к морякам на площадь Свободы, там рвы были, моряки прятались там, отбивали немцев. Немцы вошли к нам со стороны Мельниц. Бабушка вынула сухари, у нас же сухари были всегда, брат схватил сухари и побежал к морякам. Ещё они просили воды. Брат схватил ведро воды и сухари и побежал, потом приходит, говорит: «Откройте дверь, калитку не закрывайте на засов, потому что они, если придут, то будут стрелять и могут нас поубивать». Во дворе у нас было бомбоубежище. Ну как бомбоубежище? – была домашняя канализация, не соединённая с основной. Она уже была засыпана давно камнями. Там постелили доски, чтобы мы могли сидеть, ковры повесили. Пришли немцы, калитка открыта, спрашивают: «Партизаны есть?» Нет, партизанов нет. А тётя у меня очень хорошо по-немецки говорила, я тоже знала немецкий язык

немного, она с ними поговорила. Немец полез на чердак и ничего не говорил, ушёл...

Потом начались наборы в Германию, сначала семейных не брали, несмотря на то, что год подходит. В первые наборы пошли те, кому было 20 лет и 21 год. Мне было 18 лет, мы начали волноваться, думать, что делать. Потом начали узнавать, кого берут, потому что на этих пунктах работали русские люди: они говорили, кого берут, а нет. Обязательно надо было работать, потому что тех, кто с работой, пока не берут. Меня начали устраивать на работу. У мамы была знакомая, которой она шила, у неё муж работал на электростанции на бе-

регу, и меня устроили на паротурбинную станцию. Там нужно было на счётчиках номера записывать. Потом немцы всех работников, кто не нужен, повыгоняли. Что делать? Был один выход: морпорт на берегу, последнее здание по проспекту Ушакова, там была водная станция – там нужно было измерять и записывать уровень воды, погоду, облачность, температуру воздуха. Надо было, чтоб кто-то один чертил графики, а другой по телефону данные принимал. Я побежала к соученику Виталию Сыроватко, говорю: «Витальяк, есть работа, чтоб тебя в Германию не забрали!» Он учился в институте, пришёл, рисовал графики, а я звонила по телефону и записывала. Потом опять начался набор в Германию, стали брать и тех, кто работает...

Один еврей был в нашей школе, я была в «А» классе, а он был в «Б». Я ему помогла бежать. Он

говорит: «Родителей увели, собирали всех. Оля, я удрал, что мне делать?» Я говорю: «Я тебя провожу, скажу, что ты мой брат». Мы с ним пошли и дошли на Торговый переулок. А там начинали евреев собирать, это была еврейская улица. Мы пошли по улице Советской, дошли до больницы Водников, я говорю: «Мне сюда домой, куда ты хочешь пойти? Что ты хочешь делать?» Он: «Я даже не знаю». А уже был набор в Германию. Я говорю: «Знаешь что? Ты пойдешь расплачься, скажи, что ты с родителями ехал, документы все у родителей, и что ты потерялся, и что ты поедешь лучше Германию, чем здесь будешь». Он пошёл, и потом мы встретились. Боже, как он меня обнимал, целовал и благодарил... «Моих родителей, – говорит, – расстреляли». Так он ещё своего дядю привел и показал, кто его спас...

Кулик О.

► **В АВГУСТЕ КАКОЙ ДЕНЬ БЫЛ – Я НЕ ПОМНЮ. БЫЛИ В НАШЕМ ДОМЕ В ЦЕНТРЕ ХЕРСОНА ЕВРЕИ.**

Одни повыезжали, а есть такие, которые пооставались, бедные. И потом началась перестрелка, бомбежка, немцы. Мы все испугались, а у нас во дворе по улице Ленина был погреб, он и сейчас есть. Мы на третьем этаже жили. И в этом погребе мы сделали настил, и все, кто пооставались во дворе, – все в этом погребе были. Когда немцы зашли во двор к нам, мы все были в погребе. Они зашли с автоматами, они, наверное, знали что там могут быть люди... Открыли: «Выходите, выходите...»

Потом заставили нас работать. До войны были Восточная и Северная промколонии, там работали заключенные, для себя овощи выращивали. А немцы нас, малолеток, с 14 лет заставили работать там. Биржа была в Херсоне, они на учёт нас ставили. И мы пешком ходили на эти работы. Нас заставляли работать на полях, мы выращивали помидоры.

Немцы, как сказать... Не то чтобы свирепствовали. Так они вроде нас не трогали, вот только в Германию отправляли насильно...

ПАРТИЗАНЫ

«Парень я молодой, а хожу я с бородой.
Я не беспокоюсь - пусть растет до пояса.
Вот когда прогоним фрица,
будет время - будем бриться»
Так пелось в партизанской песне. А мож-
но было спеть и так - «Парень я молодой,
а хожу я с кобурой». И хоть партизаны
не носили солдатской формы, это не
мешало им быть настоящими солдатами.
Главное ведь не форма, и даже не кобура
- а то, что в кобуре, и как этим пользо-
ваться.

Фото из архива Херсонского областного краеведческого музея

► ИЗ СТАЛИНГРАДА Я ДОБРАЛАСЬ ДО ПОЛТАВЫ, ДО МЕСТЕЧКА ХОРОЛА, ТАМ ЖИЛИ МОИ БАБУШКА, ДЕДУШКА И ТЁТЯ.

Меня начали купать, а у меня чесотка, ну что делать? Выкупали, а мыла не было, золу спускают, а в золе такая мягкая такая водичка, а на утро тётя говорит: «Надо её везти в больницу». Пришли мы в больницу, а доктор был военнопленный, он был лётчиком, и его сбили. Он сам медицинский заканчивал, но нужна была молодёжь, и его переучили. Меня завели к нему, мы разговорились как равный с равным, и он: «Чесотка – это ничего, это я вылечу. Но тут в Германию забирают, и надо же что-то придумать...» И он пишет в карточку – чесотка и порок сердца. Пошли мы с тётей домой, через несколько дней навещается староста и говорит: «В Германию!» Тётя говорит: «Она больная очень». Он: «Ничего, там комиссия посмотрит!» Привозят на комиссию, там сидят два немца и этот врач. А я как увидела этого врача, так сразу к нему подхожу. Он спрашивает при немце: «Карточка у вас есть?» Нашёл карточку, читает и говорит немцу: «У неё чесотка, порок сердца, она никуда не годная, зачем вы будете её брать?» Немцы печать – стук, и выгнали меня с той комиссии. Тётка забрала меня домой, а на другой день мы пошли к этому врачу, тётя понесла цыпленка, которому зарезали, чтобы отблагодарить. Отнесла, а он говорит: «Я ухожу в партизаны». А лесов мало на Полтавщине, я не

знаю, куда он там подался, я больше его не видела, и он меня не видел.

Папа у меня был на фронте, а мама жила в Житомирской области. И я стала туда пробираться. Билеты на поезда не продавались, вагоны подъезжали, люди садились. И так я добралась до маминого Новоград-Волынского, это была дорога Коростень-Шепетовка, мост был большой железнодорожный, мы его потом взорвали...

При маме я пошла немножко поработала, там пекарня была, пленные пекли хлеб для немцев. Немец жил в одной комнате с моей мамой, он на одной стороне – она на другой. Но он не выгонял маму, мама там жила одна. В пекарне я с людьми познакомилась, говорят: «Надо в партизаны уходить!» Партизаны уже год как хорошо действовали. Я иду в село, за городом километров двадцать, там мне подсказали, где квартира, куда партизаны прибывают. Там хозяйка мне говорит: «Кто ж ты такая?» Я говорю, что я из города, там много нас собралось, чтоб прийти к партизанам. Она говорит: «Ну, жди, вечером приедут связные». Я там подождала, переночевала. Они мне дали листовки и дали задание, чтобы я связалась с каким-нибудь медиком, чтобы он нам давал лекарства – стрептоцид, порошки, вату, бинты. Я пришла в город, листовочки пораздавала через знакомых, через одного другому. Листовки призывали идти в партизаны, на борьбу с немцами. Потом

я несколько раз отвела людей туда, на эту квартиру, а потом уже начали за мной следить – не немцы, а полицаи.

Я пошла к партизанам, они мне говорят: «Ещё раз сходишь в город, а потом уже перейдёшь к нам». Я пошла в город; а у нас там был один красавчик из Москвы, он тоже в плен попал, молодой парень. Я ему показала дом и вход на чердак, я пронюхала, что там пять винтовок стоит. Он залез, затворы повтыгивал, а винтовки оставил. И потом мы ушли с ним в партизаны, и маму забрали.

Брат тоже пошёл в партизанский отряд, я как-то пошла его проведать. По дороге меня партизаны задерживают: «Ты чего тут ходишь? Чего выискиваешь? Ты шпионка?» Говорю: «Я к брату, мой брат тут, в вашем отряде!» Хорошо, что брат в этот момент вышел: «Шура!» И я: «Вот мой брат!» А ведь такие были суровые наказания... Что ты делаешь – война... Всё равно наша молодёжь не сдавалась, шли в отряды, занимались прокламацией.

Я была в партизанах, а мама была в партизанских семьях. Посреди глухого леса было целое село. Я пошла в действующий отряд, назывался «За Советскую Родину». Это был отряд местного значения. Я ездила с ним на задания: повозка, на повозке пулемётик маленький, и хлопцы на лошадях, а на повозке подрывные устройства – я в этом разбиралась.

Мы мосты подрывали. Вот подъехали мы к мосту, я держу

три лошади за поводки, ребята забирают подрывные устройства, идут подрывают железную дорогу: устанавливают между шпалами, соединяют. И там подальше мы наткнулись на немецких лошадей, и нам же нужно было ещё этих лошадей угнать! Но нас «засветили» и огонь открыли, и мы еле удрали оттуда, зато потом шёл поезд и подорвался, над речкой упал...

Вечером мы в какое-то маленькое селение заезжаем, наш ездовой был из этого селения, и там он меня поставил в кустах с подводой. Слышу – рядом человек стонет. Я же не могу встать и пойти! Дождалась, пока вернется ездовой, и сказала: «Там рядом кто-то стонет». Он пошёл, посмотрел – а там бендеровцы, их «бульбовцы» называли, схватили какого-то партизана, и они его разложили на земле, прибили палками, на груди вырезали звезду. Ездовой его освободил и говорит: «Больше ничем не могу тебе помочь». И мы уехали оттуда поскорее...

Потом мы вернулись в отряд. Был уже месяц октябрь или ноябрь, уже прохладно было, и мы начали двигаться. Это я ещё в отряде «За Советскую Родину» была, а когда начали двигаться в западном направлении, я ночью от своей подводой отстала, ночью не видно ничего. Утром пришли, начали разбираться, а моего отряда уже нету – он ушёл в другую сторону, а я получилась в другом отряде.

Меня отправили в Городницу, там были глубокие леса, в лесу площадка, и там самолет садился. У нас разведка была по шесть-семь человек на лошадях. Пропитание брали у людей, кто-то сам добровольно давал. Начальник штаба давал записки, что, когда война закончится, вам будет зачтено. В самой Городнице ужасная картина была. Мы окопались и лежали, потому что разведка донесла, что там немцы. Мы лежали и ждали, пока разведка скажет, идти ли дальше. Вечером мы пришли в Городницу, но мы опоздали – немцы собрали народ в клуню и подожгли. Дети

– маленькие такие свёрточки, и люди погоревшие... Сарай этот сгоревший... Мы были перепуганные все до невозможности, ночь там переночевали и двинулись на Житомир. Нужно было очищать дорогу, Красная Армия двигалась и уже заняла Житомир. А нам приказали двигаться на Ровно, мы должны впереди идти. Мы перешли речку Стыр, соединились с другими отрядами. У нас уже было человек пятьдесят женщин – журналистка, медсестры, радистки, а я была обыкновенным бойцом.

Я медицинские курсы оканчивала. Если нужна была помощь медицинская – я оказывала. Когда у нас ранили бойца, уже пожилого человека, у него пуля застряла

я одна, расстреляют сейчас... Но, наверное, счастье у меня было, из этого леса выскакивает целый отряд партизан. Начинается бой, бендеровцы тикать, те за ними в погону. И я осталась живая, меня не застрелили.

Большое скопление было партизанов на речке Стыр – полторы тысячи. У нас было направление до польской границы. Ковпак же шел на Карпаты, там его разбили, а мы шли и его встречали группками. Наше соединение было самое большое – 200-300 человек, и все на лошадях. В Тернополе начали вести подрывную работу, срезали полосу телефонных столбов, подрывали электростанции. На алкольном заводе всё вылили на землю, никто ни грамма для себя не взял. У немцев много отбирали и патронов, и обмундирования.

У нас был один отряд – называли его «Микояновцы». Они все кавказской национальности, попали в плен и у немцев служили. Из них немцы сделали военный полк, а они взяли и перешли к партизанам! Как раз попали на наше соединение. Их было 900 человек, самый большой отряд. Их, как в наказание,

посылали туда, где самое тяжёлое было – тяжёлые подрывные работы, отбивать какой-нибудь населенный пункт. Раненных у них было много.

Потом, когда мы вступили на польскую границу, начали с бендеровцами воевать. Они такой хитрый народ, понаделали схронов – там выход, тут выход. В схронах бочки колбас, сахар и сало, мы их открывали. На одном таком задании меня чуть не закололи: я стояла с повозкой, мне сказали держать лошадь, чтоб не рванула, а хлопцы пошли по хатам. И сзади на меня бендеровец с вилами, а наш его в прицел – и застрелил, и говорит: «Ну, ты ещё поживешь...» Галя, журналистка наша, вышла какие-то документы принести, её схватили и утащили, и больше мы её не видели.

На нашей территории люди кормили. Целый день едем, быва-

в мышцах груди, ой, это мне было так трудно... Каждый день я ему рану сдавливала, гной выйдет – ему легче станет, целует меня. Забинтовала – и лежит, мы раненых не оставляли.

В одном месте, где мы бой держали, наши ребята сделали все столбы телефонные, несколько километров. Мы в селении были, и погибло шесть человек, мы их там оставили, а когда на следующий день был приказ вернуться, посмотреть, что там – наши ребята лежали раздетые наголо, всё снято было. Мы их подобрали и в лесу схоронили...

...Село Зелёное, окруженное лесом. Я была в партизанской хате, на нас бульбовцы наскочили. Выгнали меня за дом, поставили меня напротив стены и начинают допрашивать: «Ты откуда? Из какого отряда?» Оружие на меня наставляют, а я стою ни жива ни мертва,

ло, хлеба нету, одно сало несоленое. Бывало, где-то остановились, сварили его, поели – и всё. Костры вообще нельзя было разводить. На Западной Украине у нас в лесу аэродром был. Когда меня ранили и хотели в тыл отправить, костры разожгли. Самолёт немецкий налетел и разбомбил, так нас никто и не увёз, и мы остались.

Бывало, что уходили из отряда. Просто людям не подходила такая жизнь – и уходили. А чтобы у нас изменяли – не было. Под Дрогобычем, село Рейтеровцы, нас в лесу окружили немцы, мы там держали бой, я поднялась, меня в руку ранило разрывной пулей. Рядом лежал парень, говорит: «Лежи, идёт же бой!» Стемнело, меня увели. У нас был врач Тарасов, он же был командующий подполковник, посмотрел, говорит: «Та ничего, чепуха, до свадьбы заживет!» Забинтовали, и так я полгода носилась с этой рукой, и она так и срослась, не разгибается. Пришли опять к Тарасову, он как дёрнет! Разорвал всё, кровь бежит, и рука уже у меня стала ровная.

Мы двинулись на Львов, Перемышль, это вход на Польшу. Там большие подрывы сделали ребята. Я уже больная лежала, с ними не ездила. Они под откос пустили столько поездов, что там, наверное, неделю разбирали. В один эшелон пошёл наш разведчик, а немцы все лежат на полу. Оказалось, что это офицеры ехали с фронта в Германию. Там их и расстреляли всех. В этом эшелоне много поляков было, по-польски разговаривали. И вот так положили всех... Один лежит, наверное, жив, усы дёргаются. Я посмотрела и ушла, они ж уже обезоруженные...

Потом командир запросил в Москву, мы же уже на чужой территории – Польша. Ребята не могут общаться. И нам был дан приказ вернуться. Раненых сдали в госпиталь, а у меня рука уже немножко зажила.

В 1944 году я закончила свою войну. Красная армия ушла на Польшу, нас туда не пустили, мы в Ровно вернулись. Сдали всех раненных, никого не бросали. Двоих

только захоронили – командира отряда и разведчика. Разведчика в лесу, а командира в селе похоронили. У нас в отряде были венгры, болгары, из них сформировали отряд, сказали: «Идите на свою землю, воюйте». Документы им выдали, что они на советской земле воевали, и отправили.

Шевченко А.М.

► **Я УШЁЛ В ПОДПОЛЬЕ, ТО ЕСТЬ УШЁЛ ИЗ ХЕРСОНА, ХОДИЛ ПО СЁЛАМ. СЕЛЯНЕ НАС КОРМИЛИ, НА 7-10 ЧЕЛОВЕК НАВАРИВАЛИ БОЛЬШОЙ КОТЁЛ – КАКИЕ У НАС ЛЮДИ!** А немцы всё забирали, мужиков всех угоняли. Мы собирали оружие, с нами немцы ходили, антифашисты-дезертиры. Мы им одежду давали, они нам – оружие. Мы на ломаном немецком общались, и они на таком же ломаном русском – если жизнь заставит, заговоришь по-всякому. Я помню несколько человек – не хотели они воевать за фашизм. И они прятались. Им надо было переменить одежду, потому у них была военная форма. Это мы могли даже в немецкое одеваться, потому что ходили во всяком – и в советском, и в немецком, а им же нельзя, их сразу видно – увидят, заподозрят... Мы собирали оружие, припрятавали, потом в случае необходимости можно было воспользоваться, и немцы эти отдавали своё оружие. Но их же тоже вылавливала фельд-жандармерия – была у них полевая жандармерия. Мы переходили из одного села в другое, ночевали в скирдах, в скирде очень тепло даже зимой. А немцы – эти фельд-жандармы, – ходили и простреливали скирды, убивали людей, ко-

нечно. В одном селе в Херсонской области я встретился с одним немцем, потом ещё два немца, потом ещё несколько человек, мы поговорили. Они воевать не хотели, ну за что воевать? Видели же, что уже проиграли... Они отдавали оружие, и просили, чтобы мы им доставали одежду. Их прятали, кормили наши сельчане, хороший народ у нас, очень хороший. Когда ситуация такая, народ показывает свои лучшие стороны, и худшие тоже показывает, конечно. Все стороны показывает. Но дезертиры среди немцев были, это не единичный случай, и эти немцы не любили гестаповцев. Они остались и где-то пересидели. Многих убивали в тюрьме, сбрасывали в ямы. Потом, после войны, из этих ям выгребали кости и на Камышанское кладбище вывозили.

Наши подпольщики кучковались, прятались. Конечно, организации не было, мы передвигались то с одним, то с другим. Это сейчас хорошо писать, что была единая организация, один лидер – Илюша Кулик, он как главный был, активный, хороший, честный парень, энергичный. Я с ним сталкивался перед войной, мы ходили на валы, играли в военные игры. Илюша Кулик в городе был, у него была своя компания, а я по сёлам ходил. У нас не было руководства. Были у нас ребята старшие, ну а нам сколько было? – по 17 лет... Мы помогали, конечно, хотя ничего я особенно не делал, но таких, как я, были миллионы. И врагу я нигде не прислуживал.

Лонский С.И.

► **МОЯ МАМА РАБОТАЛА НА КУРОРТЕ В МИРГОРОДЕ. ПЕРЕД ВОЙНОЙ Я УЕХАЛА К СТАРШЕЙ СЕСТРЕ В ГОЛУЮ ПРИСТАНЬ, ПРИЕХАЛА – А ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ДНЯ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.** Утром мы спали, начали кричать: «Война! Война!» Это было страшно. Прошло время, а я раздетая, летнее платьишко на мне и больше ничего, я же на лето в гости приехала. Что мне оставалось делать? Я пошла в военкомат, говорю – так и так, вернуться я не могу, сестра не пускает домой в

Миргород, говорит, что кто-нибудь тебя обидит в дороге. В военкомате сказали: «Нет, будешь жить тут, пока война кончится». А война идёт и идёт. Я снова пошла в военкомат, у меня же нет ни обуви, ни одетая, а я боевая такая... Военкомат мне отвечает: «Деточка, отступаем, слишком сильно немцы гонят нас! Ты тут пригодишься!» А я думаю – как пригодиться? Послали нас на окопы рыть сначала, там уже с людьми познакомились, партизанский отряд организовался.

В партизанском отряде мы помогали, чем могли: надо было кому-то в разведку пойти, сказать, где немцы стоят. В разведку ходили по одному. В плавнях надо было следить, мы ходили, смотрели, а потом докладывали старшим, так и пережили... Потом меня контузило, присыпало землёй, снаряд рядом разорвался. У меня ранение есть, я на одно ухо не слышу, так случилось...

Горе, конечно, было большое – в Голой Пристани повесили три человека партизан. Бедова Василия Петровича я запомнила, а ещё двоих я не запомнила фамилии, это было слишком тяжело... Их предал старик, когда они ехали на встречу: им попался по дороге старик, и они его не убрали с пути, а он их предал. И их повесили – три человека на стадионе в Голой Пристани. У Василия Бедова осталась жена с тремя маленькими детьми – Всеволод, Володя и Шурик. После казни Бедова как-то распался отряд, но было сильного руководителя, чтобы всех удержал. Только на одном острове ребята сумели удержаться, но и там мальчика одного повесили.

Румыны у нас свирепствовали, это жутко! Румыны ужасные были, страшные, от румын приходилось тоже прятаться...

В 1943 году вернулся парень, раненый, рука была на подвязке, на костылях, и предложил мне замуж выйти. Ну, я и вышла замуж, сельсовета не было, в церкви вышла замуж. Немцы ещё были, но он был ранен под Витебском в Белоруссии и как-то сумел добраться. А потом, когда наши вернулись, он опять ушёл на фронт, а когда вернулся, я уже имела ребенка. Дитё

у меня появилось в 1944-м, а когда муж вернулся с фронта, он написал в Министерство связи Средней Азии. Я прожила в городе Фрунзе семь лет, но мы вернулись в 1953 году, тяжело мне было в средней Азии: пойдёшь что-то купить – а он говорит: «Моя не понимает...»

Так и выжили...

Олейникова А.Д.

► **МЫ ЖИЛИ В ЛЕСУ ПЕРВОЕ ВРЕМЯ, В ДОМИКЕ РЯДОМ С ВОЕННОЙ ЧАСТЬЮ, ОТЕЦ РАБОТАЛ ЛЕСНИКОМ. ОЧЕНЬ СКОРО ПОСЛЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ В ДВЕРЬ ПОСТУЧАЛИ НОЧЬЮ.** Собаки залаяли, отец вышел, а ему командным тоном говорят: «Уберите собак!» Он уже подумал, что это немцы, они евреев начали с первых дней отлавливать, и люди прятались. Ночами расстреливали евреев, цыган, коммунистов... Кто-то не выдерживал этой обстановки, этого ужаса, вешались. Много вешанных было, особенно евреев в квартирах. Если идёт еврей, нет латки жёлтой на спине, то его имели право расстрелять на месте. Если шёл коммунист – тоже имели право расстрелять. Немцы полицию собрали, много в полицию пошло местных, многих заставили, многие коммунисты понимали свою роль и оставались там, потому что нужно было. И когда в очередной раз постучали к отцу, он думал, что это полицаи. Но это были наши, это был Козлов Василий, дважды герой Советского Союза потом стал. Он пришёл со своим братом, и ещё один – их трое было, с автоматами. И нам говорят: «Уходите, вам здесь плохо будет». Ожидались бои. За городом был сильный бой, в основном в рукопашную. Там столько положили наших... Они ж

безоружные были, отбивались как могли и чем могли, а немцы вооружены были. Оставшиеся наши солдаты ушли вглубь леса, добывать любыми судьбами оружие.

...Зашли они в кладовую, у нас маленькая кладовочка, собак отец убрал, закрыл дверь. Зажгли лампу. Я такая вездесущая была и в щель наблюдала. Они отгоняли – а я наблюдала. Слышно, что Василий Козлов предупреждает – какое-то подкрепление должно быть. Потом поднялась Люба, старшая сестра, 20 лет ей было, должна была свадьба состояться, она за лётчика выходила. И они дают указания, пишут, много пишут, а отец читает следом так тихонечко, вопросы какие-то возникают. Короче, дают задание отцу, и всё это на листе, а потом говорят: «Просмотрите, и чтобы это уничтожили!». А сестре нужно быть в городе. Она и жила там, и училась, и работала на фабрике. К ней будут приходиться, она должна организовать явки, и я должна к ней ходить. А я не ходила – я прыгала, с прыгалкой вечно, бегом туда-сюда. Обвяжут меня чем придётся, чаще шнурком, маечку сверху или штанишки-рейтузики наденут, и я бегу-прыгаю. У меня был участок – по одной стороне тюрьма, стадион и собор (большая церковь на площади, куда отец раньше ходил), кладбище и аптека. И мне туда надо было ходить. Сестра меня подводит как бы играючи к одной квартире: «Запомни адрес!» Потом ведёт к другой: «Вот сюда ты будешь приходиться, когда тебе скажут». Это было на случай, если поменялись жильцы. Я же маленькая, худенькая, ко мне внимания никакого. У меня не было никаких проблем нести по адресу то, что надо, и оттуда приносить почту.

Первое задание я получила от Козлова, поскольку он увидел, что я стою за дверью и слушаю, о чём разговор. Они мне: «Не хорошо подслушивать!» А потом меня зазвали и говорят: «Ты умничка будешь, если сделаешь такое дело. Если ты его правильно сделаешь, мы простим, что ты подслушивала. Надо будет вот это письмо отнести по такому-то адресу». Мне дали явочную квартиру – это была

учительница немецкого языка Шитова Евгения. Она была у немцев переводчицей, а её сестра была на бирже труда. И вот я пришла к этой Шитовой, она так посмотрела... А я так хотела, чтоб меня похвалили, ещё столько детства было! А она смотрит на меня как на ребенка, вот сейчас, кажется, поцелует меня! А она так легонько потрогала меня и говорит: «Ну, беги». Я выскочила, рядом канава большая, сижу в канаве – наблюдаю. Она выходит, как сейчас помню – стройная блондинка, одета в плащ (у неё муж был военным, она идёт в его плаще). Я высунулась, и такое чувство... Так хочется, чтобы она сказала: «Молодец, в роль вошла разведчицы, подпольщицы...» Но тогда-то мы ещё не знали, что это значит. Мне очень хотелось, чтобы она похвалила меня, рекламы хотелось. В общем, я подняла голову, она улыбнулась, прошла мимо и ещё больше голову опустила. Мне не разрешено было подходить к ней, общаться. Я вылезла из канавы, а она только зашла в лес – и её нету, как ветром сдуло. Я пришла домой разочарованная, но вместо похвалы трёпку получила хорошую от мамы за то, что показала и обнаружила себя – это плохо было. Вот это был первый урок, дальше я уже была осторожнее, понимала, в курс дела входила.

Самый страшный момент... Это когда приходят ночью обыск делать. У нас выбрали все бумажки, ничего не оставили, ни документов – ничего абсолютно, почему я и свой день рождения точно не знаю. Знаю только, что в декабре 1931 года родилась. Потом нас из домика в лесу выселили в город. И у меня уже другие были цели, мне надо было лекарства нести в лес.

Когда стали арестовывать, то арестовали родителей, сестру, и мы не имели права за черту города выходить. Любой полицейский мог без предупреждения расстрелять. Из дома в лесу нас выселил Леонид Коршунов, он был командиром нашей воинской части, а пошёл служить немцам. Видно, он шпионил, потому что ему быстро создали условия, он открыл ресторан, стал прямо там свой человек. Жена у него молодая была, она торгова-

ла с мамой на рынке красителями и семечками, безграмотная совсем, но такая пышненькая. Вот он на ней женился, и жили они летом в лесу, там же, где жили жёны военных и офицеров. Потом ещё был один, Пугачёв, тоже командир, но он, видимо, младше рангом был. Они предали отряд и действовали в пользу немцев. Коршунов занял половину освобожденного еврейского дома. А вторую половину дома нам предложили. Евреев-то порасстреливали и все их вещи выгребли из дома. И Коршунов вселился и открыл ресторан. В основном в ресторан ходили фрицы, а официанток взял наших – в общем, зажил. Жена его прислугу дома заимела. Прислуга ухаживала за ней, это была культурная пожилая женщина из Ленинграда – приехала к дочке, а дочка погибла на вокзале во время бомбежки. И эта женщина была у неё прислужкой! А та, лёжа в постели, нежится, чуть ли не вверх ногами книжку держит, безграмотная. Прислуга на кухне что-то ей готовит, а когда она встанет, за ней ещё и постель убрать надо было. Мы наблюдали всё это, потому что были стеклянные двери. И видно было, как она там нежится – и в ресторан пойдёт поест, и командовала как хотела... Ой, какая это предатель! Какая это грязь! Сколько мы пострадали от неё! Обслуга, конечно, терпеть её не могла, потихонечку нам что-нибудь рассказывали, а покушать они ничего не могли нам сэкономить.

А в то время Шитова вжилась в семью немецких офицеров, она и нашим, и вашим работала, где выгоднее, не пришла к общему знаменателю. И когда начались аресты, мне сказали к ней не подходить, даже если будут просить некоторые.

Один раз арестовали вместе с сестрой, никто ж не верил, что ребёнок может быть из подполья... И вот немцы приходят, ещё мама была жива. Нас предупредили, что сегодня в нашей семье будут арестованы родители. Отец запрягает лошадь и едет куда-то с мамой, и говорит, что если кто-то придёт, то чтобы сказали, что они поехали менять вещи на про-

дукты. Старшая сестра была дома, стирала мелочёвку, на ней была красная кофточка. Немцы пришли арестовать Анастасию и Любовь Павловну, сестёр. В душе я себя чувствовала героем, потому что немножко понимала, была в курсе дел, из лесу и в лес ходила... Немцы нас вывели, сестре наручники одели, а мне руки платком носовым связали – а я с гордостью иду, руки держу, чтобы было видно – мечтала о подвигах. Нас ведут, а фрицы фотографируют для агитации, видимо. В гестапо привели, меня посадили возле патруля, а сестру повели сразу на допрос. Я сижу и чувствую себя каким-то героем... И тут слышу крик сестры. Боже мой, как они её били... Как она кричала... Кровью там залито было всё, и красная кофточка на ней от кожи совсем не отличалась. Её повели через узкий коридор, а я здесь реву. Дверь в кабинет открыли, и я вижу: сидит Шитова, стоит офицер, стол заставленный продуктами, выпивка, и ещё кто-то из мужчин разговаривает. Шитова, может, мне хотела какой-то знак дать, но это было так ярко, так видно было... А потом меня отпустили, а Любу схватили, издевались над сестрой, мучали её. И в таком состоянии её закрыли. А ночью кто-то передал родителям. Приехали родители, узнали, что Любы нет. Мама, конечно, в слезах. И эти соседи наши, Коршуновы, тут же выслежили, что родители вернулись, и сообщили в гестапо – иначе не могло быть, тогда не было ни мобильного, ни телефонов. Немцы арестовали отца, а маму оставили – её немножко всё время щадили, и оставили до утра. Но утром её тоже забрали и побили, но не так сильно, как Любу. Отца тоже сильно избили и перевели в Гомельское гестапо, где они пробыли 2 месяца. Сестра была в камере смертников вместе с нашими парашютистками – их было 15 человек, их потом казнили. Сестра была сильно-сильно побитая, и они, бедненькие, ухаживали за ней.

Спасла сестру Мария – студентка пединститута. Она очень преданно помогала нашим. Она в управе работала, и когда узнала, что Люба в Гомельском гестапо, да

ещё и в смертной камере, то, видимо, передала Шитовой, и та здесь какую-то роль сыграла, потому что Любу перевели в нашу тюрьму. А отца пыталась спасти одна женщина, которая была с немцами. Она была влюблена в моего отца. У немцев она печки топила в Гомельском гестапо, ну и решила спасти отца, и ей это удалось. Она добилась, чтобы его перевели в тюрьму в Новозыбков. И в этой тюрьме в одной камере отце сидел, в другой моя сестра Люба.

Мама умерла после побоев в гестапо. Лежит мёртвая, хоронить некому, никому не разрешили её хоронить. А она худая, остались одни мощи. Цветы с каким трудом женщины принесли – их по дороге побили. Пугачёв с Коршуновым всё-таки решили похоронить её по-человечески, гроб заказали. Жена Пугачёва, она украинка и к украинцам более-менее относились, достала этот гроб. А пока мама лежала в кровати, у неё рука застыла, и ей поломали руку... Я помню, как я лежала в постели, был декабрь месяц, сорокаградусный мороз, мы все, прижавшись друг к другу, укрывались чем только могли. Дети были совсем крохи: годик, 3 года, 5 лет мальчику и мне 11 лет. Это 1942 год был. Топили мы камин досками от забора, кое-как обогревались. Мама лежала, наверное, уже третий день, люди боялись приходить. Толпы людей вокруг ходят, поглядывают, а в квартире труп, и мы голодные.

И вот принесли женщины цветы, какой-то борщ сварили, семечками арбузными его затолкли вместо заправки, поджарили их, чтобы запах был... И повезли хоронить. На кладбище запрещали хоронить, следил за этим один полицай. Кладбище было обнесено горкой земли, а за ним углубление. Так они туда гроб спустили, в это углубление, я плакала, говорила: «Маму в канаву кладут...» А полицай говорит как-то зло так: «Скажите спасибо, что её вообще здесь хоронят!». Так её и похоронили, почти в канаве, а мы ходили проведывать. Младшие дети уже начали лепетать, разгова-

ривать, мы придём – наплачемся, а я объясняю, что мамочка здесь лежит. Они плачут: «Чего она здесь лежит, давай заберём!» Маленькая Валечка – предпоследняя дочка, – лепетала, не понимала, говорила, мол, там дядька копается в огороде, пойдём лопату возьмём и маму откопаем... Сядем все – ревём, а домой идти не можем, ещё и есть нечего. А женщина, которая отца из гестапо вытащила, его в покое не оставила: она потом его так присвоила, что он кучу детей бросил и уже с нами почти не жил. Она самогоном торговала, заливала его,

и он почти не появлялся к нам. Он же когда побитый был, она его выхаживала, так и говорила: «Я его с того света не для них вернула». Когда люди начали ругать, что отца надо детям вернуть, она говорила: «Я жизнью рисковала!» Он с ней долго прожил...

Коршунов, который ресторан держал, с приближением фронта начал ближе к нам держаться, начал корове что-то там подбрасывать. Сестру попросил, чтобы его в наш отряд отправили, и для этого собрал воз, поставил ящик шнапса (а оно ж уже никому не надо было) и еду. А перед этим я отвезла письмо от него в отряд. Отряд большой был в Осиповском лесу. Я уже не боялась леса, хотя далеко очень был этот отряд. В письме он просил прощенья у всех и говорил, что он отблагодарит, а взамен чтобы не трогали его, не убили. И я понесла это письмо, отдала, наши согласились. И Коршунов, довольный такой, загрузил эту повозку, а Пугачёв, видно, не поверил этому. А,

может быть, в письме за Пугачёва не было написано. И вот Коршунов берёт меня, чтоб я показала дорогу и представила его, в отряд привезла. Проехали мы город, проехали поле, железную дорогу переехали, и Пугачёв идёт с нами. Дальше уже опасная зона начинается, Пугачёв остановился и говорит: «Всё, дальше я не иду». И они с Коршуновым встали, долго-долго смотрели друг другу в глаза, пожали руки друг другу, обнялись, и Пугачёв вернулся. А с Коршуновым я пошла в лес, дороги шли там широкие, просёлочные. Привела я его туда, его сразу забрали и увезли. А мне надо было возвращаться домой, я своё дело сделала, еду он привез, выпить будет что, наши довольные. Вечерело уже, я ушла, на завтра мне надо было отвести пленных – четыре человека. А Коршунова этого убили в тот же день, мне потом уже сказала одна из наших, девчонка Нина Ткачева – она потом со мной подружилась, тоже хотела быть героиней. Вот она и рассказала, что сидела на ореховом дереве, рвала орехи, а его привели.

И она показала, под каким деревом его закопали. Две недели он там лежал закопанный, а потом жена его откопала, и тихонечко его схоронили на кладбище. Пугачёв ещё жил. Я уехала в 1949 году, и они меня уже не интересовали. Знаю только, что Катя, жена Коршунова, конечно, получала плевки, куда и спесь её делась. Правда, она защищалась тем, что брата её немцы арестовали, и он повесился.

В 1981-м году мы в Херсон переехали. Сестра умерла в 1986-м году. Она вся иссечённая была, её же до костей избивали, шрамы у неё остались на всю жизнь. Она никогда не ходила на пляж, и при этом не была инвалидом войны: ей вторую группу инвалидности дали, а инвалида войны нельзя было, потому что она гражданским лицом была, хотя мы такое пережили – могилы, окопы, и там расстреливали, боже... Горела земля и небо... Это бегом так не расскажешь...

Лицова В.П.

ПАРТИЗАНЫ

Страница из альбома, сделанного Марией Кузьминичной Силантьевой (1933 г.р.) в память об Анне Носковой – девушке, которую она знала с детства. Анна жила в доме родителей Марии Кузьминичны и ушла на фронт медсестрой. Там она была ранена и умерла от потери крови.

Альбом сделан уже после войны. В нём Мария Кузьминична собрала довоенные фотографии друзей Анны, фотографии с фронта, которая она присылала, письма и дневниковые записи.

ДОРОГА В ГЕРМАНИЮ

Только самое необходимое, еды на несколько дней (это в лучшем случае). Вот тут и сгодится вещмешок, «сидор». Его и сделать можно в два счёта - два куска ткани и верёвка. Элегантным его не назовёшь, но вот в дороге он явно полезнее, чем дамская сумочка.

1942	1943				
------	------	--	--	--	--

Hebeliste

Postcheck:

Sparkasse:

Banf:

► Я 1927 ГОДА РОЖДЕНИЯ, В ХЕРСОНЕ РОДИЛАСЬ. ДО ВОЙНЫ ЖИЛА НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА 2. ТАМ МЫ ПРОЖИЛИ 10 ЛЕТ, А ЗАБРАЛИ МЕНЯ ПО ОБЛАВЕ С УЛИЦЫ СУВОРОВА. Немцы призывали, нужно было убегать. Мне нужно было пойти на Забалку к бабушке и спрятаться с мамой, потому что в доме напротив нас эвакуировались евреи. Был один гестаповец – видно, это ж он, откуда они все наши списки брали? Откуда все адреса знали? Я боялась дома ночевать. Думаю – пойду на Суворовскую к подружке Тане... Они пришли ночью, забрали маму в полицию, били там её, говорили, что, если ты не скажешь, где дочь, значит, поедешь сама. И вот я сплю у подружки, а мне снится сон – наш парк снится, и как будто наши самолеты советские бомбят... А в это время стук в дверь. У Тани была комнатная собачка Коломба, она как загавкает! Открываем – это полиция. И оттуда меня и забрали, прямо на улицу 9-го Января, там «скорая помощь» и полиция была. Они нас всех, со всего города туда свозили – облава была по всему городу, и Стеклотара, и Сухарная, и Забалка. Списки у них уже были – не знаю, откуда они их брали...

Из полиции нас погрузили на машины, вокруг полицаи и овчарки, и повезли прямо на вокзал. И сразу в товарные вагоны. А мы ж без вещей, без ничего! Родители, которые могли, прибежали, кто что принес, а немцы не пускали, не открывали нас. Мы подняли крик, стук, плачь, потом они всё-таки открыли и разрешили дать нам вещи. И эта моя подружка Таня вместе с моей мамой тащили на вокзал мне чемодан. Говорит, мама открыла

спину – а спина вся у неё изрешеченная была, вся побитая.

А потом погнали нас, повезли в Германию. Когда мы останавливались, и если кто хотел бежать – они стреляли. Мне предложила одна девчонка, Галя Гришко её звали: «Давай ляжем между рельсами, вагоны не задевают, я смотрела...» Но это было уже в Польше, и я побоялась. А Галя так и сделала – легла между рельсами, паровоз же впереди. И она ушла, и пришла в Херсон, но очень несчастная, потому что добиралась аж из Польши.

Нас привезли в Польшу, Перемышль помню, там нас повели в баню, в ванную, в дезинфекцию. Потом повезли Бреслау, сейчас это тоже Польша, а тогда немцы там жили. А из Бреславу перевезли в Хиршберг, там уже биржа была – немцы приезжали и нас выбирали.

Знахуренко В.Д.

► Я УЧИЛАСЬ В ЦЮРЮПИНСКЕ, В ШКОЛЕ, НО УЧИЛАСЬ Я НЕМНОГО – НАЧАЛАСЬ ВОЙНА. И КАК НЕМЦЫ ПОЯВИЛИСЬ – НАС ВСЕХ СОБРАЛИ, ВСЮ МОЛОДЕЖЬ, И УГНАЛИ НА ПОЙМУ – ТАК ЭТО МЕСТО НАЗЫВАЕТСЯ. Написано было объявление, что всем с такого-то по такой-то годы рождения собраться, если есть у кого лопата или сапа, то нужно взять. И повезли нас на машинах таких, как раньше были, полуторками назывались. На этих машинах нас везли километров десять-двенадцать. Сейчас это место Цюрупинская пойма называется. Там было песка много, и грузили на вагоны пески, и немцы отправляли эти вагоны себе домой,

в Германию. А потом в одно время нас всех погрузили и привезли в порт, в Цюрупинск. Привезли, погрузили на пароход, у нас никаких вещей – забрали нас с поймы как мы стояли, мы даже грязные руки не помыли. Приехали мы в Херсон, в Херсоне нас опять погрузили в эти машины-полуторки. А потом повезли нас поездом. Мы даже не думали, что мы куда-то едем. Мы даже не знали, куда, и что, и как... Никто ничего не знал.

Нас погрузили в такие вагоны, их называли «телячьи вагоны» – там только пол, потрушено реденко-реденко соломкой, щели огромные. И вот так мы спали. И даже места своего не было. Я помню, какое-то время я ехала и сидела, опустив ноги с вагона, но спрыгнуть мы не могли. А если где вагоны останавливали, то сразу вокруг выставляли собак и немцев – они сразу оружие на нас наставляли, значит, если кто будет бежать – сразу будут стрелять. Все были с оружием, с собаками. И сколько мы ехали в Германию, столько бомбили. И кто-то из нас, видно, был счастливый – не знаю, кто, но кто-то был счастливый, что мы остались живы. Бомба то там упадёт, то там... Всё время бомбили, а мы молились-крестились, чтоб как-нибудь уже доехать, хотя не знали, куда мы едем.

Приехали мы сначала в Польшу. Знаю, что в Белорусию заезжали. А когда в Польшу ехали, там нас раздели догола и в какую-то камеру повезли. Нас там ошпаривали, чтобы мы случайно не занесли инфекцию. И волосы все обстригали. Потом уже в конце концов доехали мы в Германию....

Норченко В.Л.

*...самостоятельно
для своих девочек*

*В память счастливой жизни
своих девочек в Германии!*

▶ НАША СЕМЬЯ ОКАЗАЛАСЬ В ХЕРСОНЕ В ОККУПАЦИИ. Я 1927 ГОДА РОЖДЕНИЯ, И МНЕ БЫЛО 14 С ПОЛОВИНОЙ ЛЕТ. Затем прошло два года, в феврале 1943 года мне исполнилось 16, и по указанию немецких властей всех, кому исполнилось 16 лет, брали на учёт на бирже труда – должны были либо трудоустроиться, либо учиться где-то. Я пыталась учиться, но всё разваливалось, и техникум тоже... Впрочем, не получилось с учёбой. Нужно сказать, что я закончила шесть классов до войны в центре города, в школе № 6, была отличницей. Но получилось так, что трудоустроиться мне не удалось, у меня никакой квалификации, знакомств таких не было, чтоб где-то можно было устроиться. Короче говоря, мы получили повестку на отъезд в Германию. Это было в июне 1943 года. Мы с мамой пыта-

лись каким-то образом не попасть в этот список, но ничего из этого не получилось. Меня даже травили! Мне уколы делали специальные, чтобы подорвать здоровье, чтобы на комиссии я выглядела плохо, хотя я и так на комиссии выглядела – маленького роста, очень худая, потому что тяжело было с продуктами в тот период. Потом я начала скрываться у своей бабушки, она жила на окраине города, по улице Молодёжной. В конце этой улицы, самый последний дом – я там скрывалась в подвале. А потом, накануне увода в Германию, я пришла домой, хотела повидаться с родителями, и в 3 часа ночи – стук в дверь, полицейские зашли, меня арестовали. Была облава, я подозреваю, что кто-то донёс, что я появилась в доме. И меня забрали.

На улице Фрунзе была школа, там собрали всех – ребят и

девушек, которые добровольно не уехали, когда получили повестки. 7 октября 1943 года, буквально на вторые сутки после ареста, погрузили нас в так называемые «скотские» вагоны и отправили в Германию. У меня по дороге (из-за того, что уколы мне делали) температура поднялась. Такая высокая была температура, что я чуть не умерла по дороге в Германию, но каким-то чудом выжила, прошла через комиссии.

Комиссии были очень позорные: раздевали нас догола, проводили через комиссии. Когда ведут голых девушек, у которых, извините, женские выделения, менструации – это ужасная картина, это очень тяжело даже сейчас вспоминать...

Матвиенко Б.А.

Kreisverwaltung Rhein-Hunsrueck
Kreisarchiv
Hans Wagner
Luchstraße 3-5
55469 Simmern

► **МЕНЕ БРАЛИ В ГЕРМАНИЮ, ЖАЛЬ, ЩО Я ТУДИ НЕ ПОПАЛА – Я ШУТКУЮ...** У роки війни ми працювали, от нас німці узяли гурточком, повезли, і ми лопатами копали, робили для літаків капоніри, по розміру літака накидали землю, формою як підкова. А чого я в Германію не попала: я й ще одна єврейка сиділи на горбі, і другі там були, везуть нас гурбою у село Халгу. А жили ж ми на посьолочку далеченько, везли-везли, і от ті утекли, другі утекли, а у нас не було ума вовремя втекти. І коли вже завезли в село, коли прожектор пустив світ через усю вулицю, тоді ми рішили, що нам пора тікати. І от ми удвох із нею за ручки взялися, ідемо, ніч, хуртовина, а там темно, а там балка. Ми попали в балку, і нам же треба йти додому. І от ми йшли. Днём ми сиділи в кукурузі, ховалися, а ночью ми йшли. По дорозі німці все їздять, ми боялись, що нас піймають і опять в Германію отправлять. Явилась я додому, і що ми зробили: там, де коровка в яслах, під цими яслами викопали яму, у ту яму намістили всякої всячини, і я там просиділа дві неділі. Дві неділі мені носили їсточки, ночью я виходила, а дві неділі ховалася в тій ямі, словами не передати!

Свиридко Н.А.

► **В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ Я УЖЕ СЕМЬ КЛАССОВ ЗАКОНЧИЛА, И МЕНЯ ЗАБРАЛИ В ГЕРМАНИЮ.** Меня забрали, как и всю молодёжь позабирали, погрузили в вагоны... Успела мама мне собрать подсолнечного масла бутылку, сухарей, помню, каких-то круп немножко, вещи в мешке... Отвезли нас на вокзал, а с вокзала уже везли в Германію. Сначала привезли нас в Польшу, а потом отправили в Германію в Берлин. Везли нас поездом, в таких скотских вагонах...

Черноусова Л.Н.

► **Я 1938 ГОДА РОЖДЕНИЯ, КИЕВЛЯНКА.** Папа был на 16 лет старше мамы. Когда началась война, мне было три года, а ему пятьдесят девять. Мама рассказывала, что он был оставлен для работы в подполье, и ещё два человека молодых. Их кто-то выдал, но немцы подумали, что он отец подпольщи-

ка, потому что уже старый человек, а молодых расстреляли. Я хоть маленькая была, но я помню, что отца хотели расстрелять, но потом кто-то подал такую мысль, что мы можем ещё работать, из меня что-то может получиться в Германіи. Помню, как привезли меня с мамой, к стенке поставили, стрелять хотели... Потом помню, как ехали в теплушках, как бомбили. Так нас привезли в Германію.

Шаварина О.Л.

► **У НАШЕГО ОТЦА ТРОЕ ДЕТЕЙ БЫЛО. В 1943-М ОН НА ВОЙНУ НЕ ПОШЁЛ, НЕ БРАЛИ ЕГО НА ВОЙНУ.** А когда немцы в Польшу пришли, они всех рабочих, которые могли с лесом работать, забрали. И отца забрали, и мамино кума. Кум поехал за дочку, вместо неё его забрали. Он был старый, но поехал, а она осталась. Она у них была одна, они не могли отпустить её.

Отца из Польши увезли в Германію. Потом он себе поранил руку топором, и его отпустили как в отпуск. Он приехал и говорит: «Больше не поеду, я пойду в лес, к партизанам!» Наша баба начала кричать: «Ой, тебя убьют! Иди в гмину и просись, чтоб тебя отпустили!» Что дети маленькие... Кто отпустит – немцы? Он шёл туда, в эту гмину, а за ним уже ехали – забирать и отправлять обратно на работу. И всё, отправили. Он приехал в 44-м году зимой, а через год в 45-м нас зимой уже из Польши вывезли. Он приехал, а нас уже не было. У немцев там нельзя было ничего узнать, ему отвечали, что нас повезли на мыло.

Шевченко А.С.

► **КОГДА УГОНЯЛИ, МНЕ БЫЛО ПЯТНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЙ. ПРИШЛИ ГЕСТАПОВЦЫ, И НАМ ВСЕМ СКАЗАЛИ, ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ ОТМЕЧАТЬСЯ, ИДТИ В ШКОЛУ НА УЛИЦЕ СУВОРОВСКОЙ.** А если кто не пойдёт, тогда всю семью расстреляют. Я пошла туда. Когда открыли ворота, там уже столько было молодёжи, девочек и мальчиков... Дверь закрылась, ворота закрылись, и никого оттуда не выпускали. Потом начали заезжать машины закрытые. Садил нас в

машины и везли на вокзал. Привезли на вокзал и загрузили в товарные вагоны. В вагоне было маленькое такое окошечко...

И вот нас повезли. Везли не знаю как, мы ж не видели ничего, вагон набитый битком был. Сидели один возле одного. Были ж молодые все, сидели и плакали.

Губарева Л.А.

► **В ИЮЛЕ МЕСЯЦЕ 1943 ГОДА МЕНЯ ВЗЯЛИ.** А у брата моего был туберкулез, поэтому боялись, чтобы я не заболела; у меня папа в 1939 году умер от туберкулеза лёгких, у него десять лет была открытая форма, и никто не заразился. А брат переболел ветрянкой, и у него развился на одной коленке туберкулез кости, на другой ноге – туберкулез таза. Меня немцы на рентген взяли, проверили, есть ли туберкулез. Привели меня на пункт, он находился в школе № 6. Я там представляла свои справочки, а потом всё равно заставили делать флюорографию. Их немец отвел меня в больницу водников. Сделали мне рентген и сказали, что никакого туберкулеза нет. Домой меня отправили, но сказали: «Если уйдешь, расстреляем всю семью и тебя». Я пришла, маме сказала. Мама плакать начала. У нас была знакомая, у неё тоже девочку брали, и она поехала вместе с девочкой, и мы были вместе в лагере.

Отправляли нас в августе 1943 года. Доехали мы в вагонах, в которых скотину возят, на соломе.

Два вагона с немцами были – последний вагон и первый после паровоза.

Никто нас не кормил, все свои продукты имели, нас предупредили, чтобы брали продуктов с собой на 10-20 дней, потому что вас кормить не будет никто. Приехали в Германію. Там нас уже ждали и распределяли, нас же много вагонов было. Вот этот вагон идёт в этот лагерь, забирайте, этот идёт в этот – в несколько лагерей. Наш вагон в Берлин приехал, и там нас по лагерям распределяли.

Кулик О.

РАБОТА В ГЕРМАНИИ

БРЮКВА

Словарь дает следующий ответ на запрос «брюква» – двулетнее растение из семейства капустных, дающее высокие урожаи на плодородных супесчаных и суглинистых почвах с хорошим увлажнением. Для тысяч советских граждан, угнанных на работу в Германию, это безобидное растение вместе с не менее безобидным шпинатом стало символом лишений. Эти не характерные для традиционной украинской кухни растения зачастую составляли основную часть рациона оstarбайтеров...

РАБОТА В ГЕРМАНИИ

Kreisverwaltung Rhein-Hunsrück
Kreisarchiv
-Herr Wagner-
Ludwigstraße 3 – 5
55469 Simmern

Frau
Wera Nortschenko
Tschernomorskaja Str. 25/102
73002 Cherson
Ukraine

г. Херсон,
ул. Черноморская, 25,
т. Норченко В.Л.

Bestätigung der Zwangsziivilarbeiten

Sehr geehrte Frau Nortschenko.

nach den uns vorliegenden Bescheinigungen der Ämter Rheinböhl wird bestätigt, dass Sie vom 30. September 1942 bis 06. Februar beim Herrn Karl Weber als ukrainische Zivilarbeiterin beschäftigt. Dann waren Sie nach weiteren Unterlagen bis zum Einmarsch des 18. März 1945 im landwirtschaftlichen Betrieb des Herrn Johann Denzen beschäftigt. Den Beginn der Tätigkeit beim Herrn Piroth nicht feststellen.

Wir hoffen Ihnen durch diese Bestätigung geholfen zu haben.

Mit freundlichen Grüßen

Из имеющихся документов Норченко Вера Лукьяновна, 1925 г. рождения, уроженка г. Щурупинска Херсонской области в августе 1942 г./число не указано/ была угнана в Германию, работала у хозяйки в г. Аргенталь. Домой направлена 3 августа 1945 г. Дата возвращения не указана.

Сведениями, подтверждающими совершение т. Норченко В.Л. особо опасных государственных преступлений, не располагаем.

Основание: письмо № 10/3435 от 24.02.92

Директор Госархива области *В.П. Рылев*
Зав. отделом публикации *А.Н. Назарова*

я русская или украинка, я сказала, что украинка. И они дали, а если бы русская – не дали.

Как-то наш мастер, этот немец, говорит: «Девочки, идёте со мной на склад, вещи какие-то выберете себе». А там вещи, наверное, еврейские. Он нас привел туда, но взять мы не смогли вещи: пришёл немец-офицер, поднял пистолет, говорит: «Уходите, или стрелять буду!». И мы поудирали...

Я вам скажу, почему не было к нам такой агрессии: потому что им было уже, наверное, не до нас, уже наступление было, они отступали, они бежали в чём стояли, и эвакуированные эти немцы – они в чём стояли, в том и бежали....

Знахуренко В.Д.

► **КОГДА НАС ПРИВЕЗЛИ В ГЕРМАНИЮ, ПОМНЮ, ТАМ ЗДАНИЕ БЫЛО ПОЛУПОДВАЛЬНОЕ, НО КРЫША БЫЛА. И НАС ТУДА В ПОДВАЛ ПОВЕЛИ, И МЫ СИДЕЛИ В ПОДВАЛЕ.** А утром проснулись – а крыши нет, и полно дыма... Нас всё время бомбили американцы, всё время, сколько я там была – всё время они летали. И даже когда я в поле работала одна, полола буряки или капусту – самолет летит надо мной, и, хотя я ж одна в поле, слышу звук такой – шшш... Я смотрю – что упало? А это в меня одну стреляли. Но я была счастлива, что в меня не попало, что я осталась жива. Потом американцы нас и освободили.

А когда мы приехали, хлеб нам давали с тырсой. Я думала – что же то за хлеб, что он такой невкусный, и на зубы попадается колючая тырса? Утром, когда мы проснулись в подвале, вышли на площадку, нас поставили по кучкам. Отсчитал – сюда, отсчитал – туда. Я не знаю, в какую я кучку попала, но вокруг нас стояли люди и говорили что-то. А мы ж их языка не знаем, правда, я немножко слова знала, потому что, когда я училась, у нас немецкий язык преподавали. И смотрю – вокруг нас дедушки стоят, и мужчины, и женщины. Думаю: «О, Господи, хотя бы не попасть к мужчине!» О Боже, я так боялась, чтобы не попасть к ним – они так выглядели... Шляпы у них большие, а один мундштук курит, и не такой маленький, а такой длинный – мне показалось, что у него мундштук полметра, и рюкзак сзади, и он ещё и с палочкой, палочки такие модные были. И когда подошла женщина и взяла меня за руку, я так обрадовалась! И вот мы с женщиной так и пошли, сели на поезд и уехали. Но куда мы ехали, я сама не знаю...

Наконец мы приехали, я посмотрела – красивый дом двухэтажный, она мне показала всё хозяйство. Дала маленький кусочек хлеба, намазанный чуть-чуть... Они хорошо жили, богато, а хлеб они мазали чуть-чуть повидлочком. И молоко у них своё, коровы свои, а молока они льют в чай одну ложеч-

ку, даже эту ложечку меряет, чай такой серенький получается. А сахара я не помню, какой-то совсем малосладкий, ну, хорошо, хоть такое дала.

Прошло недолгое время, как я попала к этой женщине, её звали Катя, а мужа Карл, и у меня заболела нога. Хозяйка как посмотрела – испугалась, и через несколько дней меня повезла в больницу в город Кройснах. Я запомнила этот город, даже потом как-то туда ездила сама. Там меня перебинтовывали, я там пробыла целый месяц, в бинтах ходила, одно время даже под наркозом лежала, ничего не помню. Помню, что, когда мы с этой женщиной ехали в поезде в город, она брала бутербродики себе и мне, а тот бутербродик намазан был чуть-чуть маслицем, и маленькая колбаска – как папиросная бумажка. А колбаска вкусная!.. Потом оказалось, что напротив моей комнаты, в которой я спала на втором этаже, были двери на чердак, мы «горище» это называем. И сколько я там жила, никогда не открывала эти двери, а замков там не было, ничего не закрывалось. И она как-то раз говорит: «Пойдём наверх, там что-то возьмём». И мы пошли с ней наверх, и как она открыла, а там... И колбаски копчёные, и колбасы, и сало копчёное, и мясо копчёное, и всё-всё... В общем, я растерялась, когда на это всё посмотрела. Думаю – Боже, я ж могла бы, если б я знала, что там просто

так открывается, я бы могла когда-нибудь взять что-то скушать... Там небольшие такие, красивые кусочки... Но я никогда не открывала, никогда не трогала, никогда...

Я так этой Кате понравилась, что прошло месяца два, и она меня повела к своим родственникам, и всё им рассказывает: «Я себе такую девочку взяла, такую девочку! Такая труженица! Всё время и моет, и убирает, и на поле работает. Я такая довольная! Вы посмотрите, какие у неё зубы, какие у неё хорошие волосы!» Ещё она померила мою руку и свою руку и говорит: «Посмотрите, какая у неё рука уже, она поправилась». А потом, как я у неё пожила, она мне пошила платье с карманчиком, а в карманчике белый платочек, я этого не ожидала. Я как-то вышла к нашим девочкам, которые у соседей работали, и девочки посмотрели на меня, что я в платье новом, и говорят: «Посмотрите, какая у неё хозяйка хорошая, даже платьишко ей пошила». А Катя говорила: «Девочка заслуживает не только платьишко, она и большего заслуживает, такая труженица!»

Наших девочек было там человек десять, и у них было намного большее хозяйство, чем у меня, но все мы работали от ночи до ночи. Выходить нам не разрешали. Только на один час в воскресенье разрешали выходить к своим. Мы сходились в одно место, которое нам давали, и там можно было поговорить. Некоторые плакали, переживали, говорили, как тяжело, жаловались, что руки опухали и ноги болели, каждый жаловался про своё. Одна говорит: «Я сегодня прямо хожу и сплю...» – видимо, сильно не высыпалась. Было действительно тяжело. А с немцами разговаривать нельзя было ни в коем случае. Если увидят, как мы с немцами разговариваем, то стрелять будут. Очень строго было. Только иногда меня эта женщина брала с собой в церковь, и я думала: «Ой, слава Богу!» Я была так рада, что уже и к католикам, и куда хотите пойду. Я уже не могла работать, хочется же отдых какой-то... Религиозными немцы да, были. Церковь – это было такое здание красивое, большое, и там орган. Я

тогда не соображала, что это орган, просто играет музыка, стоят длинные скамейки, все сидят, и на тот орган смотрят.

Я там много в поле работала. У этой женщины был папа, папа вёл корову, я сзади везла плуг. А другой раз наоборот, я корову вела и думала: «Она сейчас махнет рогом и меня зацепит...» Я и коров доила, и убирала, и прибирала, и копала. Все уже ложились спать, а я ещё пол ночи копошусь, а утром рано она кричит: «Вера, Вера, апштейн!» Это значит – вставай... Я встаю, постели их быстренько прибираю, а постели у них – одна перина. На перине она спала и периной укрывалась, вот так.

В этом доме я поработала месяцев семь-восемь, и меня отдали другой женщине, сказали, что она одна мучается, муж у неё воюет, а она не успевает. И я работала день тут и день там. Мне было не так тяжело, как страшно. А у той женщины надо было запрягать быков, у них такие рога большие... Она говорит: «Бери за канат и веди!» Я веду и так боюсь! Они махают головами, мух отгоняют, и рога страшные, и так я боялась этих быков!

Потом меня забирают в другое село, за 200 километров. Там я работала в другой семье. Мужчина был инвалид, высокий, худенький, а жена была полная женщина, болезненная. Я у них всё время была в поле: то косили, то копали, то переворачивали сено, то сено складывали, то увозили-привозили. А утром я доила коров, их там было без счёта. Там работали ещё пожилые французы, они убирали, всё у них было в порядке, в чистоте. А иногда их ставили выгонять коров в поле, а доила я, и ещё люди доили. Так что работала я от ночи до ночи, и вообще там я не знала покоя никогда. Я не помню, чтоб я что-то кушала там хорошее. У моей этой хозяйки было много свиней. Они резали свиней, но чтоб когда-нибудь я колбасу ела или мясо – я такого не помню. Ну, борщики, супики, молоко тоже. И готовили такое невкусное всё! Я смотрю, как она быстро всё готовит: вода и картошечки немножко, хотя картошки ж у них куча, но режут картошечки немножко, реденько. Чего

они её держали – я не пойму. Не положит ни петрушечки, ничего, белое сверху, и яичко разобьет быстро, вилкой расколотит и размешает – и это готовый суп. А что мне понравилось: иногда они давали такой кисельчик, пудинг назывался – до чего вкусно это было! Я даже запах запомнила. И хотя та женщина никогда меня не ударила, не ругала, с питанием было неважно, я не помню, чтоб ела яички у них. Но иногда я так ухитрялась: когда мы собираемся, девчата иногда песню запоют и говорят, что, чтобы песня пелась хорошо, надо сырые яички пить. И я, когда иду за курами убирать, возьму одно-два яйца, разобью и выпью, а скорлупки так спрячу, так спрячу! Чтобы, не дай Бог, не нашли, потому что если увидят, что я это сделала... Там было очень строго с воровством, там никакого воровства не было. И ещё что я запомнила, что ни кошки я не видела, ни собаки. Зато, когда идёшь по улице и смотришь – растут яблоки в один ряд, в другой ряд – вишни, и падают, валяются, но Боже сохрани поднять одно яблочко и скушать! Ни в коем случае нельзя! И никто не дотрагивался; гниют, пропадают, а не бери, потому что оно не твоё.

В то время они жили хорошо. Я всё время думала и плакала – Боже, чего ж мои родители так не живут? Я всё родителей вспоминала, и мне было жалко родителей. Я смотрела, как люди живут, когда нас на машине везли – я смотрела на балконы, и на балконах везде цветы. Я так запомнила эти цветы – не просто дичка, а калеровка все. Я до сих пор помню и вижу перед глазами эти цветы, и думаю, как люди живут, и как мы, несчастные. Я приехала оттуда и посмотрела – у нас люди серые, бедные, несчастные, замученные были...

Норченко В.Л.

► **ОТОБРАЛИ НАС ДВАДЦАТЬ ДЕВУШЕК И ПРИВЕЗЛИ В ПОЛЬШУ, В НИЖНЮЮ СИЛЕЗИЮ, ГОРОДОК ЕРМАНСДОРФ.** В этом городке была фабрика небольшая, дерево-отделочная. Рабочие там были в большинстве немцы, поляки, а мы уже как подсобные рабочие выполняли довольно тяжё-

подкормили немножко, а потом в январе 1944 года нас вместе с французскими пленными перевели на военный завод в городке Бушфарвер – тут же, в Нижней Силезии. Этот военный завод изготавливал бензинные баки для самолетов, они состояли из большого бака и меньшего. Меньший бак помещался в большой, а в пространстве между баками мы должны были набивать стекловату. Когда был солнечный день – было видно, как в воздухе стекло висит! Нам респираторов не давали, только перчатки, потому что без них вообще искололи бы руки этой ватой...

Работали по 10 часов в сутки и перерыв полчаса на обед. И снова питание было отвратительное, скудное, невкусное, но хлеба, правда, давали побольше, по полкило, не двести граммов. И ещё нас выручали пленные французы, которые были с нами. Они жили с нами в каменных бараках, и здесь более-менее свободное было общение. Французы получали посылки по «Красному кресту» и делились с нами продуктами. Французы были молодые ребята, конечно, ухаживания с их стороны были, но они, конечно, носили чисто платонический характер, просто симпатии друг к другу были. На всё прошло, как говорится, как с белых яблонь дым...

Там я очень подружилась с Ирой Маценко, она тоже хорошо училась в школе, мы с ней нашли общий язык. Нары были двухъярусные, мы с ней спали на одних нарах. Она стихи писала очень хорошие и прозу, и после войны поступила на филологический факультет. А тогда мы в свободные минуты фантазировали. Ира начала писать роман о том, какая будет жизнь после войны... Бумаги у нас не было, но мы имели возможность купить бумагу, потому что нам таки платили зарплату, хотя она мизерная была по тем временам. Когда нас выпускали по воскресеньям, мы могли пойти в село. Там была женщина, которая продавала бижутерию. Мы бижутерию покупали, имели возможность и бумагу купить, карандаши. Что ещё мы

могли купить? На вокзале был буфет, и там продавалось чёрное пиво – сладкое, дамское пиво, и мы могли на свои деньги выпить такого пива. Когда немцы чувствовали, что они теряют почву под ногами, нас без надзора выпускали.

На военном заводе мы уже почти свободно ходили, могли в город поехать. В город мы могли уже одеть свою одежду, которую с собой привезли. Когда меня забрали, родителям сообщили, и они на вокзал привезли мне вещи – корзина была плетёная. Маме сказали, что мне с собой нужно дать всё, что у меня есть – одежды, игрушки, – я всё должна забрать с собой, чтобы вернуться домой живой и здоровой, такое поверье. И мама всё, что было у меня, положила. А мать Иры не успела ей вещи собрать, так мы вдвоем пользовались моей одеждой, одинаковые фигуры у нас были, одинакового роста. Конечно, на улице мы отличались очень, нас сразу узнавали. Немчики маленькие, бывало, и камнями бросались, такое отношение было пренебрежительное со стороны немецкого населения. А вот когда мы потом к чехам попали – там совсем другие люди.

Вот таким образом мы дожили до 1945 года, когда началось наступление наших войск. Тут началось разброд и шатание, и часть из нас (в том числе и я) попали на рытьё окопов. Какие из нас работники? Потом забрали нас на кухню чистить картошку для мужчин, которые копали эти окопы. А когда уже началось такое наступление, что никто ни за кем не смотрел, то

нам – четырём девочкам, – удалось сбежать в Чехословакию. Мы боялись, что нас угонят на запад, и решили вчетвером, что нужно куда-то уехать. Пришли на вокзал, увидели – поезд идёт, сели в этот поезд, узнали, что он идёт в Чехословакию, и решили в Чехословакию сбежать. Вот так просто и стихийно побег получился. Потому что такое накануне того, как немцы ушли, безвластие было, власти уже уехали – от греха подальше. Получился вакуум, начали грабить магазины, и вот этот вакуум можно было использовать как хочешь.

В Чехословакии мы прибыли в городок, сейчас он называется Хрестава, а по-немецки Краццау. И мы там устроились на фабрику, которая изготавливала детали для текстильных машин. Я работала фрезеровщицей на этом заводе, но там уже условия лучше были: нам дали карточки, как и немцам, и мы могли самостоятельно по этим карточкам питаться в кафе. На заводе была женщина-немка, которая готовила, мы давали ей из своих карточек на мясо, на хлеб, и она готовила обеды. И так длилось, пока не пришли наши войска, вернее, пока не закончилась война.

Матвиенко Б.А.

► **ТОЧНОЙ ДАТЫ НЕ ПОМНЮ, КОГДА ПРИШЛИ НЕМЦЫ. БЫЛО ТЕПЛО, НАВЕРНОЕ, СЕНТЯБРЬ 1942 ГОДА.** Вскоре, когда немцы начали продвигаться, захватили Днепропетровск, а потом Синельниково, это ниже Днепропетровска. И когда вошли, то набирали себе рабочую силу, молодых ловили. А мне тогда и шестнадцати лет не было, и за мной тоже погоня была. Поймали, посадили в вагон и отправили в Германию.

Проехала я Польшу, дорога большая, длинная. Попала там на разборку – кому какие надо, какие понравятся немцам, все ж молодые, дети ещё. Ну и забрали меня на паровозо-вагоно-ремонтный завод в Мюнхен. Там мне долго пришлось жить, около трёх лет, и оттуда я начала возврат домой.

Мы работали с восьми утра. Немцы руководили. На работу гнали нас этапом. Боже, тысячи нас,

тысячи, ну и я в том числе. По бокам собаки, немцы вооруженные, а мы вроде как пленные. Загоняют таким образом на работу и с работы. С этой работы я попала в больницу, у меня был аппендицит, и меня там немцы оперировали. Целый месяц был как отпуск, а потом в цех. А цех горячий был, кузнечный, а какой я кузнец, в 16 лет?.. В кузне что мы, девчонки, могли делать? Убирали, подметали, подавали чугулки всякие под молот – рабочая сила.

Немцы особо нас не били, если только, конечно, не послушаешься. Некоторых вызывали, всякое было, но я до этого не доходила. Немцы и хорошие были, гражданские. Нас две девочки было в том цеху, где я работала – Валя большая и Валя маленькая. И начальник цеха (немец, естественно) всегда говорил: «Валя! Валя! Вас привезли, вы ж должны домой вернуться, вы с мальчиками не дружите, не надо!» Следил за нами, как отец, хороший человек был, верующий. Он говорил, что у него сын на фронте, что он хочет, чтобы сын вернулся живой, и молился Богу. Он верил Богу, и мы чувствовали, что он нас поддерживал. Он свой хлеб сам не съест, принесёт и хоть кусочек даст. Другие же были настоящие фашисты, ненавидели, ненавидели, ненавидели нас... А куда ж нас денешь, мы же там рабочая сила были. Только немцы тоже не все плохие были, нет-нет! Были такие, которые ненавидели своих же немцев, дразнили-передразнивали, показывали «Капут вам, капут!» своим же немцам. Но если такое услышит действительно фашист, то там уже будут неприятности. Фашист уже не человек, он как зверь, он русского человека ненавидит, а другой немец – нет.

Люди там были из разных стран. Женщин мало было, больше мужчин. Бараки для мужчин отдельно были, конечно, лагерь был огромный. В лагере было больше тысячи человек, но бомбежки не давали покоя, американцы бомбили без конца. И потом, когда разбомбили этот первый лагерь наш, нас опять распределяли. Я опять попала на завод, тоже в Мюнхене. Условия страшные, открытый

барак даже зимой, холодно, ни кушать, ни пить, ни одеваться не давали – мы голые и босые. Брюки дали какие-то тонкие и жакет – и всё, на голое тело одевали. И одежда только рабочая. Гонят купаться, как стадо – иди купайся, а одевайся в то же.

Кормили нас так, чтобы мы не подохли. Траву давали какую-то зелёную, 50 граммов хлеба в день, режут по крошечке. А траву эту варили, шпинат это был. Я даже не знала, что такое шпинат. Оказывается, немцы нас поддерживали этим, это трава полезная была. Наливали – хоть ешь хоть пей, как угодно, но шпинат – другого ничегошеньки.

Нас держали временно, хотели уничтожить всех, с нами не возились. Кто поднимал голос, что-то хотел и просил, того забирали и уже не возвращали, уничтожали. А если молчишь, то ещё дышишь.

Была бомбёжка бесконечная, жить в таких условиях тяжело было, жить не хотелось, хотелось умереть. Как-то раз упала бомба на барак, а я не спряталась, залезла под крышу, которую провалило. Сама бомба не разорвалась, её только всю засыпало глиной. Бомбу потом вытянули, и меня вытащили. А начальник лагеря – это была змея, а не человек, страшная, он ненавидела нас всех, – так за то, что я не погибла, а осталась жива, она меня ещё и стала бить. У неё была собака-овчарка большущая, она кинулась и меня за ногу ухватила, прямо выхватила кусок тела. Начальница видит, что уже кровь идёт, и закричала: «Всё, убейте!» Меня схватили, потащили, забинтовали. Собаку свою она так научила: она чуть голос повысит – и собака сразу бросается.

Но я жива осталась, и позже опять начали решать, куда ж нас девать всех. У людей были болезни, дизентерия, но лучше переноси и молчи, иначе забирают – и в печку, мы это уже знали. Конечно, пришлось терпеть, кто хотел ещё пожить.

Скиба В.В.

► **ПРИВЕЗЛИ НАС, ГОВОРЯТ, ЧТО ПРИВЕЗЛИ В БЕРЛИН. ВЫГРУЗИЛИ, СОБАК ПОЛНО, НЕМЦЕВ**

ПОЛНО, ГЕСТАПОВЦЕВ. ДОЛГО НАС ГНАЛИ. Пригнали нас в лагерь, начали нас распределять по баракам. Я попала в 12-й барак. Я попала на работу – строить железные дороги. Возили тачки с щебёнкой, рельсы тягали.

Кормили нас – это брюква, кусочек хлеба. Голодали. Утром кормили, а потом аж вечером приходили и давали нам брюкву. А мы кушали, потому что нечего было есть. Голодные были, всё мы кушали.

В один вечер погнали нас на работу. Там был тупик, куда загоняли пассажирские вагоны, и мы по очереди старались туда по одному зайти, чтоб там собрать кусочки. Немцы же ездили и оставляли в вагонах кусочек хлеба или яичка. Мы в этих мусорниках остатки собирали, выносили и между собой делились. И я туда ушла. А нас же охранял немец, и он посчитал, а меня нет. Девочки не говорят, что я в вагон залезла. Я слезаю, а он меня как схватил за волосы, да как бросит меня об пол, об рельсы, у меня до сих пор шишка. Разбил мне голову, нос, руку, кровь течёт, а он кричит: «Кляйне, партизан, швайне, райне!» – вот это на меня кричал. Девочки меня забинтовали. Поработали мы уже, а он всё кричал на меня страшно. Пришли мы в лагерь, ночью слышим вой собак. В бараке открывается дверь, заходят двое полицейских с собакой, и сразу меня так за ворот: «Швайне, райне, апштейн!». Забрали меня и вывели из лагеря, а там уже стояла машина крытая, меня туда затолкали. Там уже мальчик был, тоже такой же молоденький, как я.

Привезли нас ночью – кажется, в полицию. Спустили нас вдвоём с мальчиком в подвал, и мы сидели в подвале. Утром нас оттуда вывели, погрузили в машину и привезли в гестапо. Его в одну сторону повели, а меня в другую. Захожу, длинный коридор, столы стоят длинные и стулья, скамейки. Сидит какой-то пожилой мужчина, а с той стороны сидит немец, белая рубашка на нём, на рукаве плётка. Он начал меня спрашивать, кто у меня родители, откуда я, как я попала в лагерь. Мне по-

пался этот старичок, видно, хороший, он всё переводил, но когда я сказала: «Ну чем же я виновата?», так меня тогда этот немец ударил плёткой и разбил мне нос. Потом меня спустили вниз и повели по длинному коридору, по одну сторону девочки были в камерах, а по другую – ребята. Там было всегда слышно такой крик, что ужас: они выводят на допрос и там так избивают... Люди так кричали там... Посидели там мы дня три, потом нас вывели и опять в машину ночью. Привезли на вокзал, загнали в вагоны. Везли очень долго нас, куда везли – не знаю. Привезли, как раз дождь сильный был. Когда начали выходить из вагонов, я увидела, что нас было очень много, ребят и девочек. И столько собак было! Построили нас и начали гнать. Мы шли долго, пришли... Открываются ворота, музыка играет, и нас туда заводят. Завели нас туда – и в бараки. В бараках кровати – Боже, это были страшные тряпки. Утром нас выводили, мужчин и женщин, девочек и ребят на военный завод. Ведут нас на военный завод. У ребят такие ящики, и если кто падает, то в этот ящик подбирают, а мужчины их несут.

Как только мы заходим на завод, там уже висит мужчина или женщина. Нам говорят – вот, плохо будете делать, будете висеть так, как эти.

Там мы поработали, наверное, неделю. Бомбили сильно, завод разбомбили страшно. Утром опять нас из барака погнали на вокзал, опять загнали в вагоны, и мы так долго ехали, голодные. Немцы нас во двор выпускали. Выпустят, а там такие канавки были, и в них зелень росла, и мы эту зелень кушали, потому что ничего не давали...

Мы никого из немецкого населения не видели. Нас ведут, когда они ещё спят, рано нас подымают, ведут с собаками. Рано и заводят. Так что мы не видели их, и они нас не видели. Только когда работали на железной дороге, мы видели их. Они смотрели на нас, но говорить не было возможности, потому что немец ходил и смотрел, считал, чтобы не убежали, и всё кричит: «Швайне, райне, партизаны!». А немцы, конечно, смотрели на нас,

но мы с ними не могли общаться, они боялись, а, может, и не хотели с нами общаться, это ж такое дело...

Губарева Л.А.

► **ПРИВЕЗЛИ НАС В ЛАГЕРЬ НА УКРАИНЕ СЕЛА, ПЯТЬ БАРАКОВ. ЖЕНСКИЕ БАРАКИ БЫЛИ ОТДЕЛЬНО, МУЖСКИЕ – ОТДЕЛЬНО.**

В бараке было по четыре комнаты с каждой стороны, в каждой комнате по четыре человека. В четырёх бараках мы все жили, а пятый был для начальства. Ещё был барак-кухня, там в чанах варили брюкву. В столовой стояли столы длинные, нам давали миски металлические, как в тюрьме. Одежда была своя. На зиму одежду мы из дома брали, они нас предупреждали.

Нас строили и отвозили на железную дорогу. Первое время мы таскали шпалы. Там всё разбомбили, и надо было укладывать. Ребята носили тяжёлое, а мы немного легче.

Вставали мы в 6 часов утра, шли в столовую. Нам давали брюкву, кусочек хлеба, маргарином помазанный, и чай. Но чай без ничего, просто чай. Потом нас всех собирали к калитке, мы выходили. Нас провожал немец, один впереди и один сзади. А потом увидели, что мы никуда не убегаем, и один шёл впереди, садил нас на электричку, и на электричке мы добирались до Фридрихштрассе – там было депо, где все поезда останавливаются. Нам там раздавали работу. В 5 часов вечера все собираемся на площадке, приходим в лагерь, а там опять брюква без хлеба – и до утра. А с утра всё снова...

Потом нас взяли мыть вагоны в электричках, которые посылки развозили по Берлину. Эта электричка шла до Потсдама. Вагоны мы мыли и зимой тоже, руки у меня такие от этого стали... Ох и холодная была в 1943 году! Держишь эту тряпку, она замерзает, и ты этим льдом окна должна вытирать... Немцы ходили и проверяли, чтобы всё было чисто, чтобы блестело и сияло. Ещё внутри вагонов мы мыли полы. И мы с ребятами договаривались, что будем шупать посылки: если твёрдое что-то – значит, это продукты, а если мяг-

кое – это барахло, оно нам не надо. Если нащупаем что-то твёрдое или шуршащее, ребятам бросаем. Эти посылки шли из Украины, России, Белоруссии, это немцы для своих семей отправляли. У них открыто было всё, они не думали, что мы будем воровать, они честные очень. Нам выдали противогазы, мы их повыкидывали, и в эту сумку ложили кто что украдет. Приезжали в лагерь, раскрывали и делились – то печенье было, то масло подсолнечное, запечатанное в банках, смалец был. Вот на этом и выжили. Мы приходили с работы, всё раскладывали, никто нас не проверял. Иногда просили хлеба на кухне, потому что банку смальца открыли, а с чем её есть? Зарплату нам платили, давали немецкие деньги – марки, а что ты на эту марку можешь купить? Мы в основном хлебушек покупали, чтобы, если что-то такое попадётся в посылках, было на что намазать. Каждую неделю давали одну марку, хлеб стоил сколько-то пфенингов, на хлеб хватало. Потому что приходишь вечером, тебе только брюкву дадут и больше ничего. Кому-то кипятильничек с собой дали предусмотрительные родители, мы делились, и можно было закипятить себе горячего вечером.

Бомбежка была. Весь лагерь был огорожен сеткой-рабицей, за лагерем было поле, и росла морковь, мы видели по росткам. Когда была бомбежка, ребята подрыли сетку, нырнули туда и начали раскапывать морковь. Хорошая морковь! Накопали морковки и поделили. Мы сидим в бомбоубежище и раздаем. Поэтому мы радовались, когда бомбежка – мы можем вылезти, нарвать и хоть морковки покушать.

Электрички круглосуточно ездят, и в вагонах должны быть проводники – шафнеры. А немки не хотят ездить ночью, поэтому взяли нас, троих девочек из лагеря – одна из Николаева, одна из села в Херсонской области. Там мне дали куртку красивую с надписью «OST», т.е. восток. Это значит, что мы остарбайтеры. Субфюрер ведёт поезд, на каждой остановке стоит женщина с фонариком. Когда красный свет – мы стоим, она смо-

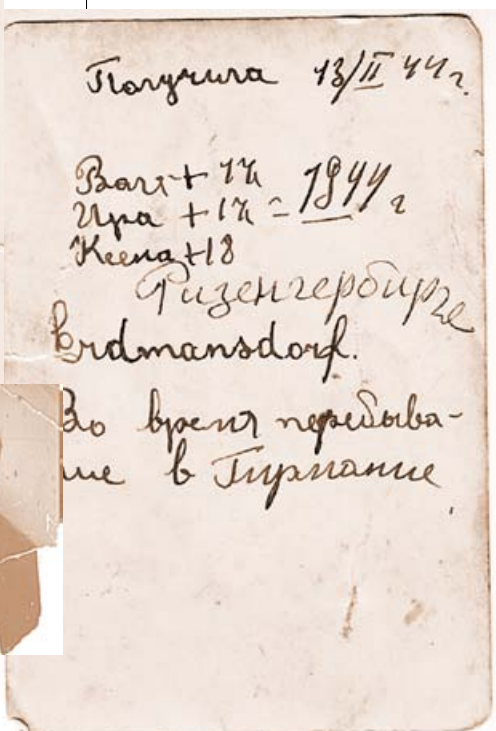
трет, чтобы все сели в электричку. Потом она поворачивает зелёный, и я должна сказать – «Отъезжаем!». Сигналы субфюрер получал только от проводника, он этот свет сам не видел. Девочка из Николаева пустила поезд под откос: был красный сигнал, а она сказала, что можно уже отъезжать. Он поехал, а там рельсы были в другую сторону, и поезд бахнул. И она погибла, и те, что были в первом вагоне, погибли. Остальные спаслись. Тогда немцы нам сказали, что, если кто-то такое сделает, будем расстреливать весь барак, в котором живёт этот человек. Они подозревали, что мы сговариваемся, чтобы сделать такое зло. После этого случая ничего такого больше не было.

Немка одна, из проводниц, была гнида такая, уродливая. Я среди других выделялась, и ей, видно, завидно было. Она мне: «Хочешь, идём со мной в кафе!» Я в кафе пойти, конечно, пойду. И пошла с ней. Она заказала две чашечки кофе, а чашечки маленькие такие, и пирожное, как наши булочки – одно себе и одно мне. Я покушала, потому что давно не ела всего этого, и она начала расспрашивать меня про то, откуда я, где жила, кто родители, как меня взяли в Германию, сама ли я поехала? Я: «Ну как же сама? Конечно, те, кого забирают, здесь очутились. Если разбомбят Германию, тогда люди сами будут ездить». Она: «А как у вас бомбежки?» Я: «Да, у нас дома бомбили, и рядом с нашим домом всё разбомбили». И она взяла и рассказала гестаповцам. Гестаповцы ходили в серых плащах и серых шляпах, мы как видели – уже знали, что по чью-то душу идут. Они приходят, субфюрера зовут, и говорят про меня: «Она сказала, что, когда разбомбят Германию, они уедут домой... Скорее бы разбомбили Германию!» Субфюрер на меня смотрит, он знал, что я такое могла сказать, потому что я

всё время говорила ему. А он мне: «Ольга нищен, никому никогда ничего не говори, в гестапо будешь!». Он им говорит: «Нет, она не могла такого сказать!» Ко мне обращается: «Как ты сказала?» Я: «Она меня спросила, как у нас дома? Я сказала, что дома бомбят так же, как в Германии бомбят». Они: «Гут!» Субфюрер улыбнулся, говорит: «Ольга, ком» (значит – Ольга, идём), а потом, когда мы назад ехали, он опять пальцем стучит: «Не говори ни с кем!». Я потом давала запрос

вать. Мы так были рады русскую речь слышать! И он начал нам про всё рассказывать...

А потом начали тех, кто никуда не убегает, отпускать по одному-два отпускать: едь куда хочешь, но чтобы в таком-то часу вернулся в лагерь, а не вернёшься – всё равно тебя найдут. Давали пропуск, по этому пропуску в электричке проезд бесплатный. Мы ходили с Любочкой, которая потом в гестапо и в концлагерь попала по глупости: они открыли посылку, и там коньяк был, весь барак понапивался, отняли револьвер у сторожа-немца и застрелили его. Но застрелили не

– о нём узнавала, о его судьбе. Он хромым, рыжий, уродливый дядька был, я спрашиваю: «Где ваша семья?» Он говорит: «Сына и жену я отправил в Вену». Иногда со мной делился бутербродом, говорил: «Ты ж голодная!»

Иногда, когда мы шли на электричку, мы просили, чтоб нам разрешили что-то посмотреть. Рейхстаг мы видели, Бранденбургские ворота. Когда к Бранденбургским воротам шли, там одноэтажные длинные-длинные здания были, и нам сказали, что там гитлеровская резиденция. Нам это сказал эмигрант русский. Он увидел, что мы идём по два человека с нашивками «OST» и начал с нами разговари-

того, кого надо было. Они застрелили тихого спокойного инвалида-старичка, а надо было другого – герр Поляк один был, гад, он шпионил за всеми. Он жил тоже в лагере и дошёл до того, что даже начал дежурить и выследил, как морковку ходили копали.

Один раз была сильная бомбежка. Самое страшное – это когда летит самолет, такой звук «уууу...», и такое впечатление, что он на тебя сядет. А он уже сбросил бомбу. Я не могла уже ходить, я выбилась из сил и осталась в бараке, стояла у окна, и в это время самолёт...

фото из архива Знахуренко

Вот в таких комнатах наши украинские девушки поневоле наводили порядок, когда почти во всей Европе царил «немецкий порядок».

Думаю – всё, сейчас бомба бахнет! Я выпрыгнула из окна и ногу сломала. У меня была иконочка Божьей Матери, мне мама дала – благословила меня, когда я ехала. И вот эта иконка стала у входа в убежище, и вышли даже те, кто не верил, и стали прикладываться к этой иконе. Её зацепило немножко.

С поломанной ногой меня лагерь-фюрер (был вредный, паршивый) отвёл к фельдшеру. Нога опухшая, фельдшер посмотрел и сказал, что может только перевя-

зать, и всё, а нужно поправить кость. Он говорит: «Что ты можешь сделать? На машинке печатать можешь? Где ты училась?» Я говорю, что перед войной была в Одессе, сдавала документы в мединститут. Он говорит: «Ты научись». Ему нужно было напечатать списки всех лагерных. Он мне дал личные дела, бумагу, копирку, портативную машиночку. И пока у меня нога болела, я это печатала. А потом он говорит: «Я не могу тебя держать больше здесь, потому что все думают, что я тебя специально здесь держу». Тогда меня, чтоб я

вагоны не мыла, взяли проводницей на электричку, и там я работала до конца войны. Освободили нас в Потсдаме американцы...

Местное население, немцы, к нам хорошо относились, разговаривали с нами. В основном это были все старики. Они жалели нас, иногда выносили покушать. Они говорили: «Гитлер виноват, что война такая, что уничтожают всех людей, уничтожают молодых ребят». Старики так и говорили.

Кулик О.Н.

ЛАГЕРЯ

В одном из рассказов встречается сюжет о «полосках» на лагерной одежде. Небольшая деталь, но она очень важна для понимания происходящего. Эти полоски – крест на крест, – находились на спине и на груди и служили для того, чтобы в случае побега часовому было удобнее целиться по бегущему человеку.

▶ ПРИВЕЗЛИ НАС В ГЕРМАНИЮ. СНАЧАЛА ПОСЛАЛИ НА РАБОТУ. МЫ ДНЕЙ ПЯТЬ ПОРАБОТАЛИ, РАБОТА ТЯЖЁЛАЯ БЫЛА, КУШАТЬ ПЛОХО ДАВАЛИ, И НАС ЧЕЛОВЕК ШЕСТЬ ОТКАЗАЛИСЬ РАБОТАТЬ.

Нам сказали: «Ну, не хотите работать – не работайте». Не били, ничего... А потом пришёл полицейский, на нём чёрная военная форма. Он посадил нас в автомобили – такие длинные, чёрные, – и повезли нас. Куда повезли – мы не знали. Оказывается, нас повезли в полицейско-президиум. В этом полицейском участке нам допрос делали, кричали на нас, стучали ногами. Там с нами по-русски говорили, русский переводчик был. А немцы сидели рядом и тоже кричали. А потом нас забрали и повезли в концлагерь Равенсбрюк – это женский концлагерь. Там мы месяц были на карантине. Штат весь был и поляки, и немцы. Надзиратели были немцы самые настоящие, а заключенные были и поляки, и французы, и чехи, и всякой национальности.

Кормили нас баландой какой-то, там каждый выживал как мог. Нам соли не хватало, пища несолёная была. И к нам подходили девчонки – такие же заключенные, как и мы, только они раньше попали в концлагерь, – и говорили: «Хотите, мы вам соли дадим?» И давали соль какую-то оранжевую. Оказывается, это какая-то химическая соль была. Там был участок, где аккумуляторы заряжали, и они эту соль, которой заряжали, меня-

ли на хлеб. А мы не знали, наелись, и опухшие такие глаза у нас были, отравленные мы были. В общем, до кондиции нас довели, но мы не поумирали, а остались живы.

Черноусова Л.Н.

▶ СНАЧАЛА МЫ ЖИЛИ ВСЕ ТРОЕ (Я, МАТЬ И ОТЕЦ) В КОНЦЛАГЕРЕ. ПО КАКОЙ-ТО ПРИЧИНЕ КОНЦЛАГЕРЬ СГОРЕЛ, РАЗБЕЖАЛИСЬ ВСЕ, РОДИТЕЛИ МЕНЯ ПОТЕРЯЛИ, ТРИ ДНЯ ИСКАЛИ.

Нашли меня у чехов и поляков – тоже у пленных. Потом, помню, шли, шли по дорогам, не зная ни языка, ничего. Нас ловили, искали, ночевали мы на каких-то фермах, и там какое-то яичко могли найти, просили кусочек хлеба. На нас смотрели такими огромными глазами, иногда просто прогоняли, иногда что-то давали. Особенно запомнилось, как мы ночуем на мельнице, холодно; я проснулась от крика и от лая собак, это значит – их полиция. Немцы с собаками нас поднимали, а волосы примерззли к соломе... И погнали нас. Папу били какой-то

дубинкой, маму толкали и меня. По дороге папа нёс какую-то сумку на плечах, а мама несла меня. Им сказали эту сумку и ребёнка бросить. Я сейчас даже помню – скалы огромные и ущелье, а мама на коленях просит оставить ребёнка, говорит: «Мы старые люди, у нас уже никого нет». Один мой брат был майором, разведчиком, а второй тоже попал в концлагерь, ему 17 лет было, его сразу забрали. И вот какая-то машина ехала с немцами, они выбрали нас и привезли куда-то, где уже было очень много народа, пьяные немцы и собаки. Мы в углу все сидели, и, представьте, мне было три с половиной года, но почему такая память осталась? Возможно, потому, что был страх... Немцы издевались – завязывали человеку глаза и раскручивали его, и он шёл вслепую. Если он шёл к собакам – собаки его разрывали, это был ужас! Если он шёл до проволоки – там был ток, и он просто обугливался до чёрноты. Когда страшно, когда больно, горько и беда, то люди группируются, они становятся вместе, и вот кто-то стал по цепочке передавать, что нужно слушать – если зудит так «зззззз...», то там ток, туда не нужно идти. И так несколько человек остались живы. Потом немцы стали всех подряд бить, погружали на какие-то пароходы и повезли в другой концлагерь.

В каком городе, не знаю – везли нас долго, – но помню, что нам уже одеяла давали укрываться, был там один полицейский. Он был

толи русский, толи украинец – он к папе моему приходил домой вечером, и папа часы ему делал. И этот полицейский сказал: «Вас будут увозить. Скажу честно – в топку посылают сразу всех больных, так что даже если ты еле-еле заболел, иди ровно и не показывай вида, потому что таких всех сожгут.» И он то хлеба приносил кусочек, то мне кусочек печенья. Он сказал, что утром придёт, как только сдаст смену. Но он почему-то не подошёл, нас погрузили на машину и перевезли в другой концлагерь, а потом в следующую. До него мы ехали снова в теплушках, я ещё была с мамой и с папой. Привезли нас, поезд остановился. В воздухе такой смрад был, нечем дышать. Наши вагоны долго стояли, потом открыли, люди высыпали. Почему-то рядом не было никого из немцев. Мы увидели, что это горели сложенные бревна, а между ними люди лежат, и опять бревна. Поджигали немцы с ног, чтобы человек мучился. Вот этот крик, этот смрад и топки не могу забыть. Потом говорили люди, которые остались живы, что в маленькую комнатку сажали до тысячи человек, сыпали какой-то порошок сверху, у человека начинала кровь идти из ушей, из носа, из рта. И в таком беспомоществе их прямо в топку бросали.

Потом с этого места мы опять брели, брели... Опять нас схватили, и опять мы были уже других концлагерях, я их названия не знаю, потому что всё-таки маленькая была. Но

прошло время, пришла весна, мне уже пошёл пятый год. Отца забрали куда-то работать, мама была со мной, а потом в одном из концлагерей забирали у родителей детей, вот это было страшнее всего. Я не могу смотреть два фильма: «У них есть родина» и «Помни имя свое» – ведь это вот я там, среди тех, кого забирали, которые кричали...

В концлагере были мы, маленькие девочки, и девочки побольше. Старших девочек часто мы не видели. Не знали, где они были, они потом приходили и ночью плакали. Были смертные случаи, потом всех дезинфицировали. Койки были в два ряда, вверху спали большие девочки, они за нами смотрели, учили нас, что говорить, как защищаться, как ответ дать, когда огромная тётя в короткой юбке и в сапогах длинной палкой бьёт тебя за то, что ты сказала «мама». Нам не разрешали говорить ни на русском языке, ни на украинском – никак. Наказывали за каждый проступок. И вот такой случай помню: толи я плакала во сне, толи маму звала, но меня поставили на всю ночь в угол на какие-то семена. Я стояла на коленях, так в углу

и заснула. А утром эта фрау забыла обо мне и повела кормить детей. Я высочила за ними, но меня остановила собака – огромная, чёрная, она на меня набросилась. Когда я пришла в себя, слышу – крик, ругань. Лагерь-фюрер позвал эту воспитательницу и отчитывал её, а я обнимала собаку чёрную. Помню, что это была овчарка. И я её обнимала, и она меня не трогала, и она не пускала никого ко мне. Потом я уже узнала, что у неё были щенята, и их забрали, а я маленькая девочка, как её дети. Лагерь-фюрер меня спросил, как зовут, я сказала, что Оля (они говорят «Ольга»). И мне пришлось идти с ней, с этой собакой, в его были апартаменты, и собака никого не подпускала ко мне. Когда мы подошли к дверям, он открыл дверь, собака зашла первая, он захлопнул, и я осталась.

У нас, самых маленьких, колени были все сбитые. Немцы любят порядок, у них чистота везде. Мостовая из камней, булыжников, но между ними не должна расти трава. И мы, кто поменьше, на коленочках эту травку всю вырывали, выщипывали. Колени болели, кровоточили, мазали чем-то, плакали, и опять завтра такое же. Это был город Фейбург. Потом мы стирали от крови и раскатывали бинты для раненых, и многое ещё приходилось делать. Понимаете, они хотели, чтобы мы выросли и потом оставались там, в Германии, но чтобы были не гражданами, а самыми настоящими рабами...

Наказывали нас так: спускали вымывать подвалы. А там было полно крыс даже днём. Нас туда пускают, и да такого-то часа мы закрыты, чтоб не убежали, и должны вычистить, вымыть всё. Для чего они готовили эти подвалы – я не знаю, но крысы бегали. И всё это оставалось на нервах. Мы кричали, но никто не обращал внимания. Проходило время, нас выводили, запускали других.

Ещё нас заставляли петь немецкие песни, танцевать в госпиталях. Там были раненые – но не фашисты, а просто немцы, которые должны были идти воевать и у которых были дети. Эти немцы нас принимали со слезами на глазах, когда мы пели, это я помню. Сейчас

уже я не помню этих песен, но помню вид этих людей: искореженные лица, оторванные руки, ноги. Жуть...

Глубокой осенью надо было убирать сады, а там как раз собирались гадюки. Если находилась какое-то яблоко или груша – можно было съесть, никто не говорил ничего. Но когда ты с грабельками, а эти змеи лезут на тебя... Я до сих пор боюсь змей, даже в кино не могу на них смотреть.

Была смертность, я не могу сказать – сколько и как. Нас вроде кормили. Был суп с брюквой, давали кусочек хлеба, маргарином мазали, вот и называется – бутерброд. Но мы всё время хотели есть. И вот в воскресенье фрау одевались и приходили к нашему лагерю, нас выстраивали, и они старались нам что-то дать – печенье, пирожное какое-то. Каждая наша девочка говорила: «Помни, что ты русская, ты советская!», но я тогда не понимала, что это значит. Я была упёртая, руки назад, немка мне дает пирожное, а я не хочу брать, и она начинает: «Русиш швайне!» – и этим пирожным бьёт меня по лицу, по губам. А я стою, у меня слёзы на глазах, и про себя думаю: «Мамочка, где ты, мамочка?» Папу как-то редко вспоминала, а маму всё время. Побили меня, опять куда-то посадили, опять не давали кушать, я часто теряла сознание, болели глаза. Но я выжила, и уже после войны долго лечилась, потому что один раз мы ходили что-то собирать, упустили меня в канаву, а переодеться не во что, и когда вечером пришли за нами, то я уже замерзла. После этого стали болеть глаза...

Помню, что когда работали мы, девочки старшие стирали бинты, а нам доставалось сушить, скатывать их и складывать, – у них праздник был. Приехал лагерь-фюрер, он меня всё так и звал – Оля... И он отправил меня в сад. В саду солдаты, они знали, что я там самая маленькая девочка, и что я такая непокорная. И вот они меня по головке гладили, и, помню, дали большой бумажный мешок и туда складывали груши, сливы, яблоки, и всё говорили: «Медхен, медхен, кляйне медхен!» И гладили меня по

головке, кто-то даже ручки целовал... И у меня осталось впечатлительные доброты к этим людям, к тем, которые тоже пострадали. А те, которые были настоящие фашисты – они здесь, в госпитале, и не лечи-

лись.

Мне хотелось побывать там, в том городе. Я даже помню ступеньки эти, помню улицу. Я даже писала, но я написала в другой город, во Фрайбург, и оттуда пришло письмо, что здесь не было таких лагерей для детей, обратитесь туда-то... Но однажды по телевизору показывали передачу «Вокруг света» и этот город, я говорю: «Мама, иди сюда, посмотри, я вот здесь была!» Мама: «Ты, наверное, путаешь». Я: «Точно! Посмотри, сейчас кончится этот дом, там будет поворот круглый, и будет стоять часовня». И вы представляете, показывает камера это всё, и я говорю: «Мама, это тот город!» А она: «Молчи, молчи, замри, не кричи...»

Когда-то я написала стихи о маме, что её молитва помогла мне жить. Когда мы уже были дома, как-то раз вспоминали лагерь (я рассказывала что-то, брат рассказывал, как он из плена убежал, собаками порванный), и тогда мама говорит: «После того, как тебя забрали, мне приснился сон, что на тебя напала чёрная собака». А я: «Мама, я это было, это я помню – немка вышла, а собаку я обнимала...»

Шаварина О.Л

► **В ОККУПАЦИИ МЫ ХОДИЛИ ПО СЁЛАМ, БЫЛИ В ПОДПОЛЬЕ. ПОЙМАЛИ МЕНЯ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, УЖЕ ПОД НИКОЛАЕВОМ.** Поймали наши, которые немцам служили – донские казаки. Мы пря-

тались, но они на конях, они сверху, им видно... Погнали нас в Николаев. Пригнали в лагерь Тимвод. Там собирали не только тех, кто прятался – всех молодых мужиков из сёл угоняли, стариков не трогали. В этом Тимводе, чтобы не сильно охранять, но чтобы не разбежались, нас просто обмотали колючей проволокой. Мы стояли всю ночь, не двигаясь – ни сесть, ни повернуться. А через проливчик (там заливчик был небольшой), немцы пленных заставляли выкапывать трупы. Они отступали уже, это было в конце 1943 года, после Сталинграда. Гора трупов была высотой с двухэтажный дом, очень высокая, они поэтому обливали и поджигали, уничтожали всё это.

Тимвод – это пересыльный лагерь был, там не кормили почти, мы голодали. Нас переписали всех, немцы это очень тщательно делали, это у них в крови. А потом они выводили пленных, ставили перед ними тоже наших людей и приказывали стрелять по своим. Они почему-то не боялись, что наши в них будут стрелять. Поэтому-то после войны и расследовали, как ты выжил...

После переписи нас всех погнали в Одессу пешим порядком. Это трудно было. Охрана с собаками, на конях. В Одессе я был двух лагерях: сначала в одном, потом в другой лагерь перегнали, я бежать пытался... Второй лагерь был на берегу, как раз там, где лестница большая, там памятник какой-то со змеями есть. В Одессе на работу не гоняли, но голодом морили. Это тоже распределительный лагерь был, оттуда людей брали так: возьмут, посадят, вывезут, оцепят, а если налёт – то топили. Много топили, уничтожали людей, такое хобби у них было... Но мне повезло.

В лагере у нас был один одессит, который с немцами был, как это называется, в «нетрадиционных отношениях» – которые не с женщинами. Одессит был такой пухленький, здоровенький, немцев обслуживал. Его кормили хорошо. Из наших и такие были...

Я долго пробыл в Одессе. А потом перевезли нас в Румынию,

в лагерь Голатс, под Дунаем. В Голатсе человек двести или триста было. На работы нас там гоняли. Пригоняли на берег Дуная, на середине Дуная стоит баржа с керосином, и керосин этот надо переливать. Охрана вся на берегу стоит, команда на берегу, а мы вёдрами черпаем этот керосин... Насоса не было, а ведь чуть искра – это всё взлетит, и катера взлетят. Но они-то на берегу! Потом была работа – бункер рыть. Мы рыли бункера, вроде для румын, но охрана была немецкая. Это было так: несём по 50 кг цемента на плече, катер подходит или баржа, лежит одна доска шириной шесть сантиметров, и вот с этим мешком по доске идёшь, доска прогибается, особенно посередине... Если мешок уронишь, тебя так избьют, что сдохнешь, а если сам провалишься – никто и вытаскивать тебя не будет.

Запомнился один надзиратель – машинист. У нас машинист – это который на машине, а у них эссовское звание. Он чуть что – сразу стрелял, убивал. А мы такую работу ещё делали: стоит баржа на металлических бочках, нас загоняют под неё, и мы отбиваем ржавчину чеканами (молоточки с заостренным концом), стучим. Часовые тоже разные были. Один был из куркулей, такой клятый был, всё время ругался. А другой такой старичок был, русский (у нас белогвардейцы тоже были), и этот старик говорит: «Лежите там, спите, один только пускай смотрит». И вот мы там лежим, отдыхаем, а как только машинист появился, сразу начинаем стук, стучим. Он встает и: «Лосс, лосс!» – это значит: «Давай, работай!».

Самая страшная работа была – камни носить наверх. Потом их ска-

тывали и опять заставляли носить. Да, они издевались именно тем, что заставляли человека выполнять бесполезный труд – это дополнительный шок для человека. Если он полезную работу делает – так всё равно, для кого, а тут бессмысленная работа... Немецкий народ – это, конечно, хороший народ в общем-то, но вот фашисты считали себя высшими немцами, считали себя лучше других.

Помещение в этом лагере было – коровник или конюшня. Цементный пол и труха на полу с вшами, вши по полсантиметра, это страшно. Я там был весь в чесотке, начинается между пальцами, и температура высокая – до сорока. Я лежу там и не жру, не принесут же. Давали баланду, кто ж будет её приносить? Утром приходят: «Апштейн, Апштейн! На работу!» И говорит мне один, как цивилизованный западный человек: «Морген ихт капут...» Это значит, что меня завтра бросят в яму. Там не сжигали нас. И, знаете, мне легче стало. Думаю: «Отмучился...» Надежды ж никакой не было в том положении абсолютно. А ночью ко мне приходят – были при кухне активные люди, военные коммунисты, уже знают, что меня завтра в яму. Они меня от немцев спрятали. Немцы их спросили, они говорят: «Та капут уже!» А немцы не сильно проверяли, это уже под конец войны – одним больше, одним меньше...

И вот так меня спрятали, затем подкормили, даже врача привели. Он рисковал жизнью, четыре раза приходил из румынского лагеря через охрану румынскую и немецкую. Он меня мазал серной мазью. А потом они как-то втиснули меня в список, и меня в другой лагерь перевели, в Брейль. В этом Голатсе я подыхал, это душегубка была.

А в Брейле дело было немного иначе – мы якобы работали на румын, но охрана немецкая была. Румыны нас кормили получше. Конечно, медицины тоже не было, как заболел – значит, в яму, и всё.

В этом лагере военнопленных был такой еврей-организатор: пленные делали кольца, а мы как-то вылазили, продавали кольца, девчат обманывали, говорили, что чистое золото. Они всё равно брали, румыны очень любят блестящее. Продавали недорого, правда, но и себе какие-то деньги были, что-то в магазинчике можно было купить, там уже свободней было.

В Брейле, в концлагере, нам дали пиджак, форму. Она была похожа ватники – простроченные, серые, длинные. В Брейле начальник был, он и по-румынски, и по-немецки говорил. А потом он ушёл к румынам, спрятался. Немцы его хотели поймать и повесить, но не поймали. Кстати, это полная фантазия, что там кто-то мог семь раз из лагерей удирать. Этого не может быть. У нас был такой случай: ушёл человек из лагеря, его поймали и повесили, потому что расстреливать нельзя, надо вешать.

Из лагеря в Румынии нас вывозили на катере по Дунаю. По одному берегу Румыния, по другому берегу Болгария. Там партизаны были, немцев обстреляли, и они

с перепугу к румынскому берегу пристали. И нам, нескольким чело- векам, удалось убежать. Я пошёл в лагерь военнопленных – куда-то ж надо идти. И уже скоро освободила нас Яссо-Кишеневская группиров- ка. Нас трое было, на нас смотре- ли – а у меня ж была кожа и кости. «Поедешь, – говорят, – домой». Я говорю: «Нет, я домой не поеду, я уже наотдыхался по лагерям, пойду воевать!» Они посмотрели на меня, видно, что я немцам не прислужи- вал, выяснять нечего. И пошёл я ря- довым, сразу воевать.

Знаете, дело в том, что все эти лагеря и тюрьмы, с одной стороны, убивают, а с другой стороны – если не убьют, то человек крепче стано- вится... Я потом воевал, мне голову пробили – и я не обращался за ме- дицинской помощью, воевал.

Лонский С.И.

► **ВЕЗЛИ НАС ДОЛГО И ПРИ- ВЕЗЛИ В КОНЦЛАГЕРЬ РАВЕНСБРЮК. ВЫГРУЗИЛИ – И ПО БА- РАКАМ. ТАМ БЫЛО УЖАСНО.** Если

кто провинится – выгоняли на двор голыми. Нас постригли, одели в синие платья с белыми полосками наперекрест (это чтобы мы не убе- жали) и колодки. И вот мы в бара- ках находились, а работать нас вы- гоняли на озеро. Там было озеро, и мы его должны были засыпать, та- скать тачки, возить камни и землю.

Ночью холодно, барак длин- ный. У нас была одна плита, и хле- ба давали кусочек. И мы хлеб по кусочку резали, в кружечку воды наливали и ставили на плиту, но она не могла греть, она ж не горя- чая, ну хотя бы тёпленькая. Вот это мы кушали. И ночью мужчины вы- ходили и воровали – немцы выбра- сывали корки. Они это собирали и нам давали, а мы папиросы соби- рали (немцы ж курили), и нашим давали эти папиросы. В концлагере поддерживали друг друга как могли. Если заболешь, у нас же нету никаких лекарств. Болеть мы боялись... Это был 1943 год.

Потом уже – Боже, самолёты наши летали прямо над нашими бараками, мы богу молились: «Го- споди, да разбомби нас уже!» Мы все не могли уже ходить, мы та- кие были страшные... Немцы по- напивались пьяные (назывались «обзерки») и всех построили, та- кая длинная очередь, говорят – в

баню. А там были две девушки во- еннопленных, и я была сильно худенькая, маленькая такая, и они мне говорят: «Не надо, идём туда дальше». Эти немцы, обзерки, на машинах ездили уже пьяные, уже они на нас так не обращали внима- ния. Оказывается, это был крема- торий, а мы ж не знали... Мы потом уже узнали, когда люди заходили туда. Смотрим – дым идёт, а откуда ж они выходят? Не выходят...

Эти обзерки – они ужасные были. Нас выгоняли раздетыми на двор, в дождь. А если кто провинится, так они всех избивали. Была одна девушка, Шура, они так над ней издевались! Что она сделала, нам не сказали. Они её завели в такую комнату, нам показывали, заходишь – стоит столик, висят плётки, ложат её, привязывают за руки и бьют, а потом водой полива- ют. Нас заводили и показывали. Но больше они ничего не показывали нам, мы не знали, что такое этот крематорий. Только когда я пое- хала туда на 60-летие, мы зашли туда, у меня есть фотография, где я стою возле крематория. А тогда мы не знали, что это там было...

А потом алярм был. «Алярм» – это тревога так называлась, и все мы разбежались по баракам, прятались. Уже ни немцев не было, ни обзерки не было, никого. Кто где остался – всех они сожгли, а которые остались – прятались в бараках. Мы утром встали и по- дошли к воротам, двор же боль- шой, громадный этот Равенсбрюк. Смотрим – стоят два немца с ав- томатами, и они нам: «Бэк, бэк!» – мол, уходите подальше, будем взрывать. Мы ушли в самый конец лагеря, залезли наверх и сидим в бараке, некуда ж идти. Ждём, ког- да взорвут нас. Когда до утра ни- кто нас не взорвал, мы идём опять туда, смотрим – лежат автоматы, а немцев нету. А мы смотрим через ворота... К воротам нельзя было подойти, потому что всё было за- минировано электрикой. Смотрим – идут, а мы не разберём – это немцы или русские. А они говорят: «Сейчас вас освободят!» Едут на танках и кричат: «Ура! Ура!» Что это было... Мы целовали ноги им. Ноги им целовали, этим солдатам...

Губарева Л.А.

ФРОНТ

Медалью «За отвагу» по статуту награждались низшие чины. Однажды офицера, спасшего знамя полка, спросили – какую бы он хотел награду за свой подвиг. И тот скромно попросил медаль «За отвагу». И вот именно эта, не полагающаяся ему формально, солдатская медаль была самой дорогой его наградой. Медаль «За отвагу» пользовалась большим уважением и среди рядовых красноармейцев, и среди офицеров Красной армии, и, самое главное, среди гражданского населения женского пола...

фото из архива Дроботенко

► **МЫ ПОШЛИ НА КЕНИГСБЕРГ, У МЕНЯ И МЕДАЛЬ ЕСТЬ ЗА ЭТО. ВОТ ЭТО УЖЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛ ГИМН ВОЙНЕ, ЭТО ЧТО-ТО БЫЛО ЧТО-ТО НЕОПИСУЕМОЕ!** Это прямо ликование боя было! Большой толстой стеной окружён Кенигсберг, обнесён как китайской стеной. Немцы туда отступали, за эту стену. В 5 часов утра 10 апреля атака будет. Перед стеной поле большое, на поле пехота, за нами техника. Нам сказали подниматься по команде, когда зелёная ракета в воздухе будет. И мы ждём эту зелёную ракету, а на немцев наши самолёты налетают волнами: налетят, бомбят, поднимаются, улетают, и за ними следующие. Такая бомбежка была, мы аж ликуем, потому что меньше наших людей погибнет. Отбомбили – начинают «Катюши». А «Катюши» бьют – это только видеть и слышать надо! Летят снаряды над пехотой, но мы не лежим, а стоим, наблюдаем. Страшно не было, это ведь наши бьют. Когда бьют «Катюши», такой звук – ж-ж-ж, как железо об железо, дикий звук. От одного звука нужно уши заткнуть, но это как ликование, музыка, бьют же туда! Отбомбили самолёты, «Катюши» отбили и отъезжают сразу же – наверное, боялись, чтобы немцы не попали. А потом начали гаубичные пушки бить, пробойн в стенах много сделали. Потом уже обыкновенные стали пушки бить. И тут нам зелёная ракета. Пехота поднялась, и над нами снаряды ещё летят туда, мы идём как бы под защитой. Подбегаем к

стене, немцы опомниться не успели – а тут пехота. Мы вошли почти без боя. Вот такая атака была.

Я была какая-то заклятая. Освободили Минск, дошли до Польши, все солдаты думают, пойдем мы дальше или нет, или только Союз освободили? Дали нам польскую дивизию имени Костюшко, соседняя с нашей дивизией была. А немец как начал бомбить эту дивизию, чтоб у союзников от-

бить охоту с нами вместе воевать! Мы там стояли долго, наверное, месяц. Один раз я вышла, стою в ложине, вижу, летят самолёты, «Фокер-Вульф». Мы уже знали, когда «Мессер» летит, когда тяжёлые бомбы – у него такой звук «ууууу...» Самолёт подлетает, а ложина длинная возле землянки, все побежали по землянкам, а я не знаю, почему я стою, гляжу на эти самолёты. Подлетает один, идёт в пике, наклоняется, бомба идёт по ходу того, как он летел, и эта бомба сюда будет. Это ж в войну нами всё изучено было, знаешь, куда бегать. От него убежать нельзя, если он перед тобой. Я стою и вижу, как бомба туда – бах! Ещё само-

лет летит, уже ближе ко мне, и вот вижу – он надо мной уже, думаю, этот точно попадёт... И как-то мне легко стало, думаю: «Ну, вот и мой конец...» Так легко-легко стало, и в голове как киноплёнка пробежала вся моя жизнь – я себя увидела, когда я в пелёнках, наверное, была. Моментально всё пронеслось – и такое облегчение... Вижу, наклоняется самолёт, вижу бомбу – падает такая маленькая, потом всё больше, больше... И тут какой-то солдат выхватывается – какшиб меня, толкнул сильно в землянку, я падаю, и он на меня падает. И в это момент земля ухает... В одну секунду всё решилось.

У меня таких много-много моментов было, когда я должна была погибнуть. Наверное, что-то такое было свыше, что меня вот так защищало. Вот представляете: поле большое, идут наши окопы, а дальше «ничейная земля», за ней окопы немецкие, оттуда часто кричат: «Эй, Иван! Сдавайся!» А наши начинают матюки туда гнуть и «Гитлер капут!», близко же. За полем лес, там в лесу штаб, а здесь в окопах солдаты. Приходит за мной солдат, говорит, надо пойти в штаб. А по полю ж надо было по окопам пройти, полем открыто нельзя идти. Солдат увидел, что я молоденькая, он тоже не старый, молодой ещё мужчина. Наверное, постеснялся идти со мной по окопам, и полем мы с ним идём. Как только вышли на поле, он перешёл и так меня подставил на немецкий бок, а немцы как увидят – бьют. Вижу

– махают из лесу. Я не пойму, чего махают, чтобы я ложилась или что? Я не поняла, а этот молчит, идёт. Только до половины дошли, я вижу – солдат мой опускается, опускается на землю... Убило его, хотя он меня под пули подставил. Я так была удивлена, встала и спокойна пошла дальше. А мне там уже такой вычухан дали: «Да ты что, не понимаешь, что окопом надо ходить?» Я говорю: «Ну, солдат повёл меня я, и пошла...» Я же не знала, где штаб. Много было таких нелепых случаев, много.

У нас был солдат Алексеенко, участвовал в освобождении Кенигсберга. Он из пополнения был, молодой. И в самом первом бою он испугался. Взял, намотал тряпку и сделал себе самострел, ранение себе. Если сам себя стреляет, то будет ожёг обязательно от пули, а если наматывает, то ожога не будет. А у нас так писали: самострел – латинское S и S, и называли “эсэсо-вец”. Ну вот диктуем, в медсанбат его отправляем, пишем – пулевое, сквозное или осколочное ранение. Диктуем «СС», а он же не знает, что это такое... Заходит командир полка, спрашивает, что такое. Мы – мол, так и так, сам себе ранение сделал, а он не поймёт, как мы узнали. Он же намотал тряпку, чтобы ожога не было, чтобы в бою не быть, думал, что мы его в медсанбат отправим. Доложили подполковнику, нашему командиру полка, спросили, как с ним быть? Потому что если его в медсанбат отослать, там его сразу КГБисты.... У них малиновые погоны были. Мы их так не любили, этих КГБ, и ненавидели их солдаты. Даже командование их не любило. Ни один, извините, гад не был ни в одном бою, а только бой кончился – они уже бегают, свои должности и оклады чем-то надо оправдывать, выискивают, кто напугался, кто изменил, кто убежал. Не любили их. Был у нас солдат, пожилой дядька, и пацан, ему, может быть, лет восемнадцать было, но на вид как 15-летний мальчик. Этот мальчишка к дядьке прилип, как к дедушке, мы их так и звали – Дед и Внук. В одном из боёв этот дядька пожилой испугался и пацана с собой увёл. Явились КГБисты, взяли деда, взяли пацана, куда-то увез-

ли. После боя отводят нас на отдых ненадолго. И эти являются. Значит, суд будет. Это самый был жесткий суд – обвинитель, судья, исполнитель... И этих двух привезли, Деда и Внука Показательный суд сделали, чтобы солдаты не боялись. КГБисты их засуживали, а сами в бой не шли. Судили их, заставили яму выкопать. Такой негатив был! Я думала: «Я тебя б туда, в эту яму, кинула!» Этот мальчик умоляет КГБиста: «Не убивайте, я не буду больше бояться!» Дед этот говорит: «Это я его убедил, утащил, дитя пожалейте!» Никакой жалости, куда там! Убили, закопали, и полк заставили пройти и затоптать

яму, чтобы видели, что вот так каждому изменнику будет. И вот этот Алексеенко, он был только с пополнения, он не видел этого суда. Мы вызвали командира полка, а он говорит: «Он никуда не пойдёт, оставляем в полку, вы его сами лечите». Являются КГБисты, кто-то донес уже им, хотели забрать его с собой. А полковник не дал: «Нет, я командую, это мой подчинённый, это я отвечаю за солдата, я выше вас по званию. Солдата вы не возьмете, я его оставляю на свою ответственность». Ну, мы подлечили его, и он в боях на Западном фронте, когда Белоруссию и Польшу освобождали, получил «Золотую Звезду». Он пулемётчиком был и спас бой, а так бы его убили. У меня этот негатив перед глазами стоял, этот мальчик – как он плакал и умолял этих судей... Я их не могла любить, ненавидела, только бои кончились – они тут как тут. Или вот высотку не можем взять, там пулемётчик, гибнут люди. И вот, чтобы пехота поднялась, эти ШБ (мы их так называли – штабные батальоны), гнали наших солдат как на убой, как стадо. Впереди немцы, а сзади эти – с погонами, с автоматами, чтобы мы

не отступали. Начальники политотделов, заместители по политчасти все были в боях, они все были коммунисты, писали: «Я коммунистом хочу погибнуть». А из этих ШБ ни один не был в бою, а я ведь все бои от начала до конца была...

Гринштейн З.И.

► **В 1943 ГОДУ СМОТРЮ – ПАРНЕЙ 1926-ГО ГОДА РОЖДЕНИЯ БЕРУТ НА ФРОНТ, А МЕНЯ НЕ БЕРУТ.** Я пошёл в военкомат, мне сказали: «Возьмём» – и повестку мне в зубы. 17 человек нас отправили в запасной кавалерийский полк в город Татарск. В повестке было, чтобы валенки, полушубок был – чтоб одеты были тепло. Приехали в свой полк, в баню заводят нас. Вышли из бани – нам дали старые шинели, сапоги дырявые, из них аж портянки торчат, красноармейские шлемы. А шинель такая короткая, рукава длинные. Потому я в баню и не хотел – валенки у меня новые были, полушубок хороший, не хотел отдавать. На меня один старый прикрикнул: «Это ты что, служить не хочешь?» И я отдал всё. Нас одели во что попало – и в казармы. Надо на занятия ходить, а сапоги дырявые, шинелишко, шлемы, которые надо с подшлемниками шерстяными носить, а подшлемников нет, ветер задувает. Валенки подшитые получили, а мне не хватило валенок. Старшина говорит: «Вот тебе валенки, они хорошие, только подошва уже тонкая. И вот тебе вторые валенки – на подшивку». А я дома уже подшивал себе, умел, и я сам подшил. А те, что подшитые получили – у тех всё вдрызг разлезлось, а я почти всю зиму ходил в этих валенках.

В казарме хорошо было, тепло, но до туалета 200 метров, а на севере же туалет полностью открытый даже зимой, а мороз там под 20 градусов.

Я в конюшне дежурил иногда, и дневальный из комбикорма, который лошадям дают, на костре болтуху варил, жрать не хватало... Картошку чистить надо, а толи машинка испортилась, толи электроэнергии не было, но прямо нечищеную порежут и пюре картофельное сделают, если больше порции съешь – тошнит. Машинки

тогда были такие: барабан стоит, тёрка, туда картошку засыпают, барабан крутится и очищает, ну а потом выковыриваешь. Солдатская пайка хлеба стоила 60 рублей, а давали 650 или 600 грамм хлеба. Нас трое было из одного города; если один пойдет на кухню, он должен обеспечить нас двоих – дежурных по кухне кормили хорошо, он обязательно делится.

В 1944 году нас отправили сначала в Белоруссию. Город Борисов только-только освободили, и нас отправили в пулемётный расчёт, эшелон от самолётов охранять. Когда приехали в Белорусию, нас поставили на вышку. Немецкие самолёты высоко летят ночью, а нам всего 50 патронов дали. Урчит самолёт где-то там наверху, по чему мы из пулемёта стреляем – не видеть. Иногда прожекторы просят, артиллерия простреляет...

Потом уже нас в марш, маршевый эскадрон – и на фронт, через Украину в Румынию. В Румынию приехали, выгрузились под Яссами. Нас назначили в 4-й Казачий Кубанский кавалерийский корпус, а он двигался вперёд, нам его надо догонять. А продукты не дают, мы на самообеспечении. А мы молодежь – дураки, откуда мы знаем, что такое самообеспечение? Нам на взвод дали два автомата, 35 человек было во взводе. Старые фронтовики заходят во двор к гражданским румынам, видят – кабан, и из автомата кабана. Распотрошили, сварили, а нам идти надо, догонять корпус. Грязь, мясо в вёдрах, хлеб тоже у хозяев брали – ну нахальные, а что делать? Догнали корпус, мясо в вёдрах так и несли, не испортилось.

Нас определили во взвод, пулемётный эскадрон, 9-я кавалерийская гвардейская дивизия. 4-й Казачий Кубанский корпус был добровольческий. В начале войны добровольно кубанских казаков набирали, а под одной станицей на Кубани немцы танки кинули. А наши на танки пошли в кавалерийском строю с саблями, и весь корпус погубили. Никто за это не ответил, и корпус набирали из таких, как мы, из Сибири пополнили. И хоть он и назывался – добровольческий корпус, там уже добровольцев не

было, старых казаков мало было, всё молодежь. Сейчас рассказать кому, что на лошадях воевали – не поверят, а 4-й кубанский кавалерийский корпус, которым командовал генерал Плеев, подчинился верховному главнокомандованию, Сталину.

Идти в первый бой я не боялся, а не понимал страха. Снаряды, пули свистят, а я как дурачок... Уже потом я стал бояться – да и не столько бояться, сколько опасаться стал.

Мы дружно жили, только с офицерами мы не дружили: один был Дмитрашвили, грузин – трусливый-трусливый, а второй

наш командир взвода Хорушев – казак. И вот Чехословакия, река Грон. Немцу нужно было до Грона пройти и по дороге отступать. Наши реку перешли, и мы получились на острове, заняли пулеметные ячейки. Зенитный пулемёт ДШК 180 килограммов весит, возили его на тачанке. Река по берегам разлилась, мы на возвышенности, а копать нечем. Мы шалаши понаделали, для маскировки подушки распотрошили как снег, и Хорушев и Дмитрашвили тоже сидели в этом шалаше. А немец начал обстреливать, всюду разрывы, метрах в пяти от нашего шалаша. Хорушев и Дмитрашвили подскочили – и бегом бежать на КП. А когда нам сказали сниматься с позиции, ребята решили их там и оставить. Мы снялись, брички подъехали к нам, воды по колёса, погрузили пулемёт на бричку. Только отъехали – и они бегут. Догнали нас, начали бурчать, а ребята им: «Скажите спасибо, что вас ещё в бричку посадили!» Когда командир хороший – его уважают все, а эти у нас авторитетом не пользовались.

Служил я шесть с половиной лет. Бывало так: оборона, надо немцу в тыл зайти, потому что немецкая пехота вот-вот пробьёт

дырку, фланги закрепляют, а нас – кавалерию, – в рейд, в тыл, в эту дырку. И пока немец очухается – мы уже оттуда отходим.

Когда меня ранило, я даже не почувствовал. И в госпиталь я не пошёл. Медсестра пришла, забинтовала, говорит: «Иди в санчасть», а я: «Нет, я не пойду, задело мякоть...»

Контузило меня при взятии города Тернау. Снаряд попал в нашу тачанку, пулемёт разбил, командира расчёта убило, одну лошадь убило, три лошади оторвались и убежали. Меня в скирду отбросило, сначала не говорил и не слышал ничего, потом отошёл.

В кино войну приукрашивают. У нас же бардак всегда... Нас передали 32-му полку, сказали занять оборону. Командиру полка поступили в обновление сабельники, пулемёты и артиллерия, а сам он пьяный с маузером ходит. Немцы стали наступать – штрафников вперёд кинули... Наши не выдержали, сабельники дрогнули, артиллерия там осталась, а мы свой пулемёт утащили – таскали по пахоте вдвоём 180 кг... Командир взвода куда-то убежал, а нашим пулемётом должен кто-то командовать. Смотрю – танк лёгкий немецкий, люк открытый. Я разворачиваюсь, помню, что мы изучали, что лёгкий танк можно подбить. Мой второй пулемётчик говорит: «Борька, да ты что? Сейчас он как башню развернёт, плюнет – и нас нету!» Метров же тридцать до танка всего. Тут капитан подбегает, говорит – вон немцы окружают, стреляйте туда. Мы развернули пулемёт, постреляли, а все отступают, и мы потихоньку дотаскали пулемёт до центра, до площади. Нам приказали занять оборону, я залёг за пулемёт, за угол. Ватные брюки, телогрейка – это всё уже мокрое. А молодой же был, зрение хорошее было, вижу – немцы из домов выскакивают, говорю командиру: «Немцы!». А командир говорит: «Нет, это ещё наши отходят». Я: «Нет, немцы». Он: «Ну ладно – огонь!». Я стрелять – а пулемет накалился, масло горит. Командир приказывает подать тачанку. Грузим пулемёт и отступаем – не бросил нас командир. Выходим на до-

рогу, а там танки уже перерезали – куда отступать? Справа болото, в болото сунулись – застряла наша тачанка. Взяли пулемёт, лошадей, тачанку бросили... Вышли из этого города, стали окопы рыть, а заморозки! У нас ни лопат, ничего... Под утро наступали снова, и таки взяли этот городишко. Мне говорят ребята: «Тебя награждают Орденом Славы», я говорю: «Как?» Даже когда собрали нас на награждения, я ещё думал: «Да нет, ерунда». Но после этого приезжает командир дивизиона и со мной руку – да, это было приятно...

Трофеев военных у нас и не было почти. У пехотинца возьмёшь вещмешок, пачку патронов, пару портянок, если кусок хлеба и сало – то хорошо, а больше ничего не возьмёшь. Всё, что у нас было, мы на бричке возили. А вот у кого машины, у начальства – те да, конечно, грабили. Я как-то зашёл в пустой дом, смотрю – ковёр. Взял ковёр, думаю, у нас на взвод две брички, разрежем, чтобы отдохнуть можно было. А командир взвода увидел: «О! Командиру дивизиона подарок!» Взял и уволок. А кончилась война, нам разрешили две посылки отправить. А у меня ничего нету, мне ребята чего-то набрали. Наши что сделали: у солдата есть вещи – так надо как-то их уничтожить. И пока нас увели на занятие, в палатке шмон сделали, в кучу все вещи собрали, бензином облили и подожгли...

А когда война закончилась (это ж День Победы, стрельба), мы ещё воевали в Пражской группировке. Немцы не сдавались, точнее, не немцы, а власовцы – заграничный отряд, который немцы заставляли воевать. И вот чехословацкие партизаны попросили помощь. Из Берлина выехали танковые дивизии, и нас бросили освобождать Прагу. И когда уже стали подъезжать – грязь, непогода, машины все буксуют, и только наши лошадки нас легко на 60 километров вперёд перебрасывали

...Приедет корреспондент, наврёт, потом все смеются. Например, был случай: мадьяры (венгры) – рота более 100 человек, – сдаваться шли. Наши видят – идёт ко-

лонна мадьярская, командир полка отправил сабельников туда, они поскакали – а те руки в гору поднимают, сдаваться пришли. А корреспондент написал, что 13 сабельников взяли в плен 100 человек. Которые знали, смеялись потом над этими казаками: «Помните, как вы сто человек взяли в плен?».

Дроботенко Б.Н.

► **28 ОКТЯБРЯ 1943 ГОДА В ХЕРСОН ВОШЛИ НАШИ ВОЙСКА. НЕМЦЫ БЫСТРО УДРАЛИ ДО ЦЮРУПИНСКА, А В СЁЛАХ КАК ТАКИХ ВОЙСК НЕ БЫЛО.** У нас полицейское отделение было, предатели из наших. 2 ноября меня вызвали в полевой военкомат, призвали, и

я был направлен в 49-ю гвардейскую танковую дивизию, в пулемётную роту. Выдали мне пулемет «Максим» – это был тяжёлый пулемёт, его устанавливали только на долговременных точках, а нам пришлось его таскать за собой. Сделали мы марш-бросок от села Казачьи Лагеря до Аскании Новой. Во время броска были перерывы, мы изучали материальную часть и вели стрельбы. Вернулись из этого марш-броска в село Пролетарка под Цюрупинском, то оттуда пошли освобождать сам Цюрупинск, немцы там окопались. 18 декабря мы пошли в наступление, и я получил тогда первое боевое крещение, то есть был тогда ранен – боевое ранение в левую кисть руки: у меня была оборонительная граната Ф-1, я гранату в руке держал, и когда попала пуля, руку отбросило назад, и граната полетела. Хорошо, что я чеку не выдернул, в этой гранате около 400 осколков!.. Санитар меня перевязал слегка – так, на скорую руку, и я пополз в траншею. Иду по траншее, а на встречу идет капитан,

я его не знал. Потом я узнал, что он был по наблюдению за поведением солдат (как КГБ). Он посмотрел на меня, говорит: «Ранен?» Я говорю: «Ранен». Он: «Ну иди, там тебя проверят». Я пришёл в санитарную роту, майор-медик посмотрел на рану, нет ли ожогов, перевязку мне сделали и сказали, чтобы я её не ворочал. Направили меня из санроты в санбат – оказалось, пулей перебило нерв, даже сейчас чувствуется. У меня были перчатки и кортик немецкий, я отдал их сержанту, а он дал мне направление. Я пошёл к себе в Казачьи Лагеря, в санбат 147-го полка, там меня проверили тоже, сделали перевязку и на лечение оставили, спросили, где я буду.

Я: «Дома буду». И я дома десять дней побыл, ходил на перевязку, там отметку делали. А дома лист алое накладывали, и за десять дней затянуло всё. Медики говорят: «Как у вас быстро тело заживает!» Я не сказал, что я дома делал. И меня отправили обратно в свой полк. Когда я возвращался, встретил сержанта, говорю: «Вот отличился, ранение получил». Он посмотрел и говорит: «Хочешь пулемётчиком?»

Так попал я в пулемётную роту.

В начале марта нас перебросили из Казачьих Лагерей в село Конка, к Днепру. Там мы находились до 11 марта, нас готовили к форсированию Днепра. Тогда у нас «Максим» забрали и дали поновее пулемет, он ставился на зенитную установку и вёл стрельбу по самолётам. Это была модель Горюнова, он 43 кг весил, а тот 70 кг. Зима тогда была не холодная, Днепр не был во льдах, дожди часто шли. Днём дождь, ночью снежок потрушивал, а мы в солдатских шинелях, а под шинель надевали какую-то куртку, ватники нам давали. До того, как форсировать Днепр, ко мне пришёл младший сержант из нашего батальона и говорит: «Это ж форсировать Днепр, можно погибнуть...» И как-то так мне сказал и ушёл. А потом, на второй день (это было 10 марта), вечером подходит ко мне старший лейтенант и говорит: «К тебе подходил такой-то?» Я говорю: «Подходил» – «Что он сказал?» – «Сказал, страшновато форсировать Днепр». Оказывает-

ся, этот младший сержант свернул с гранаты взрыватель и положил в карман, и этот взрыватель взорвался и сделал ему рану. А это расценивается как самострел, нанесение себе раны, чтобы уклониться от боя, и его расстреляли. Самострелов расстреливали, был знакомый у меня, жил на окраине села – сделал самострел, и его тоже расстреляли.

11 числа мы пробно сделали форсирование Днепра. Меня и ещё нескольких стрелков посадили в две лодки – пробно форсировать правый берег, проверить, как немцы будут «щекотать» нас. Час ночи; переехали мы туда, в село Дремайловка, сейчас Ивановка называется. Берега крутые, мы вышли наверх. Получили приказ вернуться назад, никаких действий не проводить.

12 марта в 11 часов дня мы форсировали Днепр, немцев отрезали от Берислава. Мы пошли на Дремайловку, переплыли на лодках, все лодки были конфискованы у местных людей. Немцы удрали, мы начали освобождать населённые пункты в сторону Дарьевки. Часа в четыре мы подошли к деревянному мосту через Ингулец – и мост взлетел на воздух, немцы подорвали. И оттуда, со стороны Дарьевки, на нас шквальный огонь – и пулемётный, и минометный. У устья Ингульца немцы остались, они не успели свернуться. Там, наверное, было около роты – семьдесят или больше человек. И когда крикнули: «Немцы!» – я сразу дал две очереди. Тут у нас начался бой. Тут я уже своим пулемётом поработал. Впереди бежал какой-то офицер, и, видно, гранату под себя кинул, его разорвало пополам, а остальные начали поднимать руки и сдаваться. И туда уже пехота пошла – свои порядки наводить, я видел – и по морде, и по-всякому, но не расстреливали, а забрали всех в плен и повели колонну в сторону Дремайловки. А мост-то взорвался, и нам пришлось до утра сидеть, потому что в нашу сторону был шквальный огонь. А утром был приказ форсировать Днепр, там ещё были немцы, и много наших погибло. Меня Бог миловал...

Пошли на Херсон, освободили Дарьевку и Зеленовку, там ещё немцы были, семь человек – навер-

ное, пьяные, спали в одной хате. Мы их забрали и передали в колонну пленных, а потом пошли на херсонский вокзал, потом на Музыковку. А под Николаевом я открыл пулемётный огонь по немцам, дал очередь и в это время нагнулся. И опять Господь Бог уберёт меня: в этот момент пуля попала под брюшной ремень, и, не задев кости, пошла по ягодице. Пуля прошла насквозь и в кобуру попала. Наверное, стрелял снайпер, и если бы я не нагнулся...

Я был направлен в госпиталь в Херсон. Он находился в Первомайской гостинице. Мы лежали в гостинице. В 6 часов утра слышим грохот, сильнейший взрыв, паника пошла – думали, город бомбят немцы. Потом тихо стало. В 8 часов утра приходят врачи – офицерский состав, и говорят, что взорвался наш драмтеатр, второе место занимал по красоте в европейской части, после Одесского. Кто взорвал – кто его знает... Я когда ходить стал после ранения, подошёл к стене, там осталась надпись: «Капитан Григоренко, проверено – мин нет». В тот день в 6 часов вечера должно было проходить городское собрание по восстановлению народного хозяйства, и тот, кто ставил мину, часы недокрутил – вместо шести вечера поставил шесть утра. Не может быть, чтобы наши! Значит, тут какая-то диверсия была, чтобы уничтожить людей. Там было где-то четыреста человек, никого бы не осталось.

После выздоровления офицер забрал меня с собой в 49-ю дивизию. А третье ранение уже было в Югославии. Я попал под обстрел, осколок попал в коленную чашечку, вывернуло аж наружу. Тяжёлое было ранение. Это было ночью, мы заняли оборону на территории румыно-югославской границы. Дождь прошёл, и была мокрота. Я пошёл взять что-то, чтобы постелить на землю, и тут начался обстрел, меня ранило.

Я попал в госпиталь в октябре 1944 года. После выздоровления меня направили в 212-й полк. В Чехословакии, в городе Паркань – красивый город, недалеко от Будапешта, – мы охраняли имущество, которое мирное население сдавало в бараки. Неделя прошла, и я

заболел, температура поднялась, отправили в больницу. Оказывается, что я брюшной тиф подхватил. Месяц пролежался, и потом снова учился ходить, потому что ноги не носили...

Перетяпко Д.К.

► **КОГДА НАС ОСВОБОДИЛИ ИЗ ЛАГЕРЯ В РУМЫНИИ, Я ПОШЁЛ РЯДОВЫМ. ВОЕВАЛ В ПЕХОТЕ, ПОТОМУ ЧТО ИЗ ЛАГЕРЯ.** Если наступать, значит – вперёд, за Родину, за Сталина! Если отступать, значит – отступать, всё время на земле. Я всего только несколько ночей спал под крышей, а то всё в земле, в окопах. Был и в окружении...

Что запомнилось – так это как нас встречали. Город румынский Турн-Северин запомнился – на входе арка большая, и священник стоит, читает молитву, язык очень похожий. Мы идём через эту арку, а на арке сидит фазан, у него хвост одно или два пера, а сам хвост три или четыре метра. Как они такого фазана вырастили?

Потом освобождали мы Югославию. Под Белградом – какая красота там, меловые горы! В горах партизаны, сербы. Это самый лучший народ, самый честный, героический. Там были территории, на которые всю войну, всю немецкую оккупацию немцы ногой не ступали. Шли мы по дороге – дорога прямо в небо уходит, прямая дорога, замечательная. Пленные строили, конечно. И вдоль дороги доты, дзоты.

Освободили девчачий лагерь. Они рады были, конечно, страшно. Мы их освободили, зашли. Немецкие прислужники, которые богачи, поубегали, потому что в Югославии свои же топили немецких прислужников в Дунае.

Дальше освобождали Венгрию, я был под Копошваром, и в конце воевал в Австрии. Венский лес – какая там красота, олешки пятнистые, ну, у нас тоже они здесь были. Немцы всё в наступление готовились, а меня буквально за неделю до их наступления послали учиться на курсы младших лейтенантов. Благодаря этому я, собственно, и живой остался – они там так ударили...

Лонский С.И.

► Я БЫЛА В ГОСПИТАЛЕ, В МОРСКОЙ БРИГАДЕ. КОГДА БЫЛ ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА, НАШУ БРИГАДУ РАСФОРМИРОВАЛИ, ПОТОМУ ЧТО ВСЕХ МОРЯКОВ ОТОЗВАЛИ КОРАБЛИ. А я попала в 30-й Ленинградский корпус, в 133-й артиллерийский полк. Но мне медицина не нравилась. Я считала, что это не моё призвание, хотя хирург меня заставлял всегда учиться, особенно рецептуру, чтобы я могла сама написать рецепт. Он говорил: «Ты посмотри, какие у тебя руки! Как тебя раненные любят! Это твоя работа, ты должна идти только в медицинский». А я – нет, и как только я попала в 133-й полк, то пошла сразу в связь.

Когда я в медсанроте уже была, нам там давали 300 граммов хлеба. И утром суп давали горячий, в обед суп и кашу, вечером кашу – и я немножко отъелась. Позже, на фронте, была пшённая каша. Гречку и рис редко возили. Утром каша из пшена, в обед – пшено, и вечером тоже пшено. А у меня изжога страшная, я и сейчас не могу её есть. Прихожу к дяде Коле (ему было 45 лет, а мне ещё и 20-ти не было, вот я его дядей и звала), и спрашиваю: «Дядя Коля, опять пшено?» Он говорит: «Опять пшено». Потом я как-то прихожу, он мне докладывает, что опять пшено, даёт какой-то суп на первое, и говорит: «Подожди. Видишь, вон маленькая кастрюлька стоит, там тебе...» Он для меня из этой же пшённой каши сделал котлеты... Не знаю, чем это объяснить, но я съела эти котлеты, и у меня изжоги не было. Я потом так своего внука кормила: он у меня не признавал рис и ни в каком виде не хотел его есть. Так я сделаю рисовые котлеты, поджарю – и он ест. Так я его приучила. Сейчас внук уже очень большой, он уже подполковник, ему 37 лет. И правнучка у меня есть – Настя, ей 12 лет.

Во время войны с фашистами я сталкивалась, когда Прибалтику освобождали, а потом на Карельском перешейке. Там у меня был один случай. Я сидела дежурила на радиостанции, в небольшом дзоте. И вдруг открывается дверь, и влетает немец. А я на радиостанции, я же не имею права встать из-за неё! Он

автомат на меня направил. У меня как страха сильного не было, неприятное состояние, конечно, было. И вот я, согливая девчонка, тем, что у меня было под руками, взяла да и залепила ему! Ребята его, конечно, сразу скрутили.

Другой раз было так: вышла я из землянки после дежурства, и тут обстрел. Группировка немцев налетела на нас. Я стою в блиндаже, подошёл ко мне какой-то парень и говорит: «Иди, стань вон там, мне отсюда, из блиндажа, удобней стрелять». И он встал на моё место в блиндаж, а я отошла. И только я отошла – в него попала пуля, и он погиб...

Под Тарту в Эстонии мы ехали на машине, и вдруг такая гарь вонючая и дым чёрный. Машина остановилась, все спрыгнули и побежали смотреть, что там такое. А там немцы разобрали какое-то деревянное строение и слой брёвен

сложили, а потом на него евреев положили, облили со всех сторон бензином и подожгли. Когда я подбежала, то увидела девушку – она лежала ногами в огонь, и ноги её уже обгорели, а она ещё была живая. И мы с ней встретились взглядом. Меня этот взгляд потом много лет преследовал. Я потом так себя проклинала за то, что я туда ходила... Это ж было ужасно. Живой человек, а ноги уже обгорели... Это было под вечер, а утром я вышла из землянки, а солдаты меня увидели и спрашивают: «Чем ты волосы испачкала?» А я посидела за ночь. Мне было 18 лет. Вот это меня потрясло больше всего. Понятно, когда убили, ранили, а когда ребята-солдаты баграми разбирали брёвна и людей вытаскивали, потому что кое-кто ещё живой был, чтобы спасти кого-то... Это меня очень потрясло,

настолько, что я посидела за одну ночь. С тех пор я белая.

А ещё было к концу войны такое. В Эстонии взяли много пленных, и был там генерал немецкий – такой холёный, надменный. Я думала: «Ты ж уже в плену, и такая у тебя надменность...» Вёл себя вызывающе. Ясно, что ты не победитель, победили-то мы, а не они. Нам было неприятно на него смотреть, хотя он красивый был. Много наши и в плен брали, и переходили немцы на нашу сторону, были ж среди них и такие, которые за нас были. Но, в основном-то, нет, конечно.

Вы знаете, меня больше возмущали не немцы. Мы в Прибалтике были, и были там мирные жители, которые нас не встречали. Они немцев жалели. Было просто как-то не приятно и не понятно, чем они были лучше.

Савельева М.Ф.

► ОТСТУПАЛА АРМИЯ, ОТСТУПАЛА ФЛОТИЛИЯ... НАШ МОНИТОР «ЖЕЛЕЗНЯКОВ» ПРИМЕРНО МЕСЯЦ БЫЛ НА ДУНАЕ, А ПОТОМ МЫ ПРИШЛИ В ОДЕССУ. После Одессы мы обстреливали Очаков, Николаев, Вознесенск. Мониторы – это корабли береговой обороны, это, грубо говоря, баржи, на которых стоит мощная артиллерия, пулемёты. Мы пришли в Херсон, обстреливали Киндийку, когда

немецкие войска шли на Херсон – это было в августе 1941 года. 18 августа мы покинули Херсон, с этого дня оборона Херсона закончилась. Три дня всего шли бои. Наступала немецкая танковая дивизия, и с ней шла пехота, а обороняли Херсон семьсот человек пехотинцев и матросов Дунайской флотилии.

20 сентября 1941 года для Дунайской флотилии был самый чёрный день. Было потоплено огромное количество наших кораблей. Флотилия развееалась. Одному монитору сказали идти вверх по Днепру, бронекатерам был дан приказ идти в Каховку и не дать возможность немцам переправиться – но что такое бронекатера против той немецкой техники? На катере 76-миллиметровая пушечка... Мы были очень слабы по отношению к немецкой армии – против их дивизи-

зии стояло наших семьсот человек пехоты...

Потом я оказался на суше. Было это так. В начале ноября немцы уже прорвались к Перекопу и пошли по территории Крыма. Мы пришли в Севастополь. В это время большую часть наших экипажей (не меньше трети) списали на сухопутье. У нас была 79-я бригада морской пехоты. Какие это ребята были! Верзилы, здоровые, красивые, полные сил и энергии – с 1917 по 1920 годы рождения... И вот когда их всех покосили – тогда я понял цену жизни, что был вот такой парень – и вдруг его не стало...

Первое наступление немцев на Севастополь было успешно отбито, они понесли большие потери. И 17 декабря 1941 года началось второе наступление немцев. Всех нас высадили, и мы пошли в оборону Севастополя. 79-я бригада насчитывала четыре с половиной тысячи человек. К исходу третьего-четвёртого дня боёв в живых осталось 200 человек, среди них был и я...

Погода была в Севастополе – не дай бог! Висит в воздухе даже не туман, а частицы воды. И вот рано утром пошли мы в первую атаку. Они по нам строчат, а мы всё-таки идём. А потом, когда уже много положили, мы залегли. Это была моя первая встреча с врагом. Там мы пролежали день. Они стреляют, мы стреляем, но никто не идёт. Потом ночью мы отошли, перегруппировались, и я смотрю – этого нет, и этого нет... И впервые мне стало страшно, потому что понял: вот меня убьют, и жизнь-то на этом заканчивается... И не только моя, а всего окружающего мира...

Высадка десанта – это и трогательно, и ужас. В Севастополе я был ранен в ногу, и мне повезло в том плане, что я был эвакуирован. Там была такая мясорубка! Это невозможно представить, это надо было видеть... Сколько людей погибло! А сколько утонуло во время отправки из Севастополя в госпитали! У меня был друг – Володя Гирня, только окончил Ленинградское высшее военно-морское училище, инженер. Он был командиром взвода, когда я в Севастополь попал первый раз. У

него было пулевое ранение, и у меня было пулевое. Его погрузили на судно из Севастополя, и этот корабль потопили. И если бы я тоже попал на это судно, то тоже бы погиб. Но я попал на следующий корабль «Пётр Великий», и он благополучно пришёл в Батуми. А в следующий рейс из Севастополя этот же корабль «Пётр Великий» нагрузили людьми – и его в этом рейсе потопили...

Лицом к лицу я с немцами встретился уже на «Малой земле» 23 февраля 1943 года. Немец был от меня на расстоянии 8-10 метров. Мы ползли на вершину, нам надо было уничтожить дот. Гранаты были, автоматы были. Автомат у меня был в правой руке. И когда я приподнял голову, то увидел, как немец из окопа приподнялся по грудь и говорит: «Задавайся!» Других наших ребят он не видел. И я в этом положении как лежал, так и начал стрелять, и вроде попал. Потом я ребятам рассказывал, а они говорят: «Ты заливаешь!» А я видел, как пули в него попадают. Оказался здоровый, крупный мужик лет тридцати. Этот дот мы взяли, положив много людей. Я потом анализировал: у этого немца автомат на меня был направлен, а у меня автомат был почти за спиной. Он мог меня застрелить, но у него психология своеобразная, он думал живого взять – это же дорожке стоит: и награды, и всё, что ты хочешь. Но всё решается в мгновение...

После «Малой земли» я был назначен на военный танкер четвёртым механиком. 1943 год, осень. Мы идём с грузом авиационного бензина из Батуми в Туапсе. Уже наша армия пошла в наступление, был уже Сталинград, но страшная война на Кавказе ещё шла. Подлодок Гитлер в Чёрное море набросал огромное

количество. Нас сопровождало 13 единиц «охотников». Но немецкая лодка прорвалась и нас торпедировала. Что такое торпеда – объяснить не надо. Самая лёгкая торпеда – это 100 кг взрывчатки, если под дом подложить, то не останется ни одного кирпича. Нас торпедировали ровно в 8 утра. Сильно штормило. Я спускаюсь в машинное отделение, принимаю вахту. Захожу в котельное отделение, жарища – градусов 60. Я сразу смотрю на манометры, вроде всё в порядке. Я закрываю дверь, а дверь тяжёлая. Я сильно хлопаю дверь, чтобы она закрылась, и в момент этого хлопка я ощущаю сильнейший удар по корпусу. А когда идут сопровождающие корабли, они всё время бросают глубинные бомбы. Я нахожусь ниже ватерлинии, и когда глубинную бомбу бросили, то

это особенно ощущает корпус, и ты ощущаешь этот удар. И я даже не обратил внимания на этот удар – думал, опять бросили глубинную бомбу. Я отстоял свою вахту и ровно в 12 часов поднимаюсь на палубу, чтобы вздохнуть воздухом – тяжело стоять вахту четыре часа. Вахту мою почему-то вовремя не сменили, а порядок с этим был большой. Поднялся, смотрю – весь народ на палубе. А танкер в воде сидит низко, волна ходит по палубе, поэтому есть переходной мостик со средней палубы на носовую и кормовую надстройки. И на этом переходном мостике ходит докерман, который у нас заведовал грузами, и что-то смотрит. А из танкера идёт бензин, и по палубе разливается вместе с водой, запах сильнейший. Я: «В чём дело?» Говорят, где-то пробоина. И вот приходим мы в Туапсе. Водолазы обошли корпус, нашли пробоину, завели пластырь и откачали всё содержимое танкера. И наш командир туда полез. Проходит время, его поднимают, он снимает маску – а у него лицо белое-белое, как чистойшая простынь. И он говорит: «Там торпеда!» Все сразу дышать перестали... Это была единственная торпеда на Чёрном море, которая торпедировала судно – и судно не взорвалось!

Афанасьев И.П.

ТЫЛ

Тыл - это не место для отдыха, тыл - это второй фронт. Это работа в три смены, огромное напряжение, которое не всегда выдерживал даже металл. Это военкоматы и добровольцы. Это школа, без которой тяжело в бою. Это парни, которые вчера ещё хвастались своими чубами, а сегодня уже коротко острижены. А машинка для стрижки - это первая «военная» техника, которая начала работать над превращением мальчишек в настоящих мужчин - солдат Победы.

► **МЫ, МАЛЫШИ ЕЩЁ, ПО 15 ЛЕТ (ХОТЯ В ТО ВОЕННОЕ ВРЕМЯ МЫ КАЗАЛИСЬ ВЗРОСЛЫМИ), СОБРАЛИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ВЗРОСЛЫХ КОМАНДУ И БОРОЛИСЬ С ЗАЖИГАТЕЛЬНЫМИ БОМБАМИ.**

Дежурили на крышах домов. Там стояли бочки с водой и ящики с песком через каждые 5 метров. И вот, когда бомба падает, она страшно воет, ужасно, но мы старались друг перед другом страха не показать. Нами руководила женщина, тётя Паша, царствие ей небесное, она говорила: «А попробуйте представить себе, каково на фронте? Тут на вас одна бомба свистит-летит, а там их сотни на голову наших бойцов падают!». Мы были в брезентовых куртках. Конечно, они нам по росту были велики, мы их всячески подпоясывали. На руках рукавицы, тоже брезентовые, и щипцы, которыми мы должны были за хвостовое оперение эту бомбу успеть схватить и бросить её или в ведро с водой, или в ящик с песком – что ближе находится. Дело в том, что она крутится, и когда при кручении она раскаляется, то пожар возникает. Поэтому именно в эти секунды нужно было суметь её схватить и бросить в бочку с водой, чтобы жар от неё вышел, чтоб она охладилась. Вот этим я занималась.

Нас очень оберегала тётя Паша, всё было благополучно. Она нам никогда не разрешала выходить на крышу, пока ещё идёт бомбежка. Мы сидели у слухового окна, и как только на наш дом падала бомба, она говорила: «Петя,

Маша, Рая, с щипцами выходите». И подстраховывала она, конечно, нас. Первое время у нас не получалось. Лично я только три «зажигалки» сумела взять, очень сложно это.

Была я в Москве до 28 августа 1941 года, а 28 августа нас всех эвакуировали в город Раненбург Рязанской области. Там нас поселили в общежитии педагогического училища и послали всех на уборку урожая в колхозы, потому что некому было убирать. Урожай был бесподобный, рожь стояла высотой в человеческий рост, колосья были такие налитые, хлеба было бы даже не знаю сколько! И вот мы на уборке этого хлеба работали: хлопцы косили – не получалось, им помогали. А мы вязали снопы, укладывали их в копны, а потом укладывали в скирт. Ну а молотили уже сами колхозники. У меня дядя, братья на фронте были, и вот я думаю, что если я лишний сноп свяжу, значит, я лишний раз помогу своим близким на фронте. Вот с такими мыслями мы работали.

С декабря месяца мы картошку убрали. Уже выпал снег, в 41-м году была очень суровая зима... Вот тут многие из нас переболели, у всех на лицах болячки какие-то, чирьи повскакивали. Это было страшное дело...

После работы мы приходили, грубо выражаясь, вытянув руки и ноги. Мы не чувствовали, где у нас ноги, где у нас руки – так мы уставали. И мы сразу (иногда поужи-

нав, иногда нет) ложились спать. Спали на квартирах у колхозников. В лучшем случае дадут какую-нибудь дерюжку, ато просто на солому положишь свой пиджачок и ложишься на него. Колхозы выписывали нам продукты. Ммяса, конечно, не было, но, по возможности, давали картошку, капусту. На это время все забыли о своих днях рождения, обо всём забыли, только единственная мысль была – помочь фронту, сделать всё возможное!

В конце декабря нас вернули из колхоза в город Раненбург и стали определять, надо ж учить! Кто-то пошёл в среднюю школу, а я захотела стать учительницей, пошла в педучилище. Хорошо училась, троек не было. Нас – всех эвакуированных, – поселили в общежитии.

Потом бой начался под Воронежем, а под Раненбургом были немцы в 15 километрах. Уже слышались разрывы снарядов, висели ракеты, в городе был десант фашистский, мотоциклисты, разведка... На наше счастье, в это время через Раненбург (это была узловая железнодорожная станция) шёл эшелон с сибиряками на Москву. Военкомат с кем-то связался, и их отправили на фронт, и они отогнали фашистов. Тем самым мы спаслись от фашистского плена, от фашистской оккупации.

Кузнецова Р.Я.

► **КОГДА А НЕМЦЫ ПОД СТАЛИНГРАД ПОДОШЛИ, НАШИ НАЧАЛИ ОТСТУПАТЬ, МЫ ОКАЗАЛИСЬ В ОКРУЖЕНИИ.** Все начали отъезжать, колхоз эвакуировали, и меня забрали. Я тоже еду с колхозом, но, не доезжая до Сталинграда, мужчина, который нас повозкой вёз, развернулся и говорит: «Я поеду домой, не хочу за Волгу!» И он поехал домой, и я осталась... Собралась группа людей и решили, что надо идти назад, надо Волгу надо перейти, мы же уже в тылу у немцев. И я с этой группой пошла пешком, и мы шли от Сталинграда. А в Сталинграде бои. Ночью идёшь – такая катится на тебя волна огня... Хлеба горели. Боже мой, а днём самолёты налетают... Мы гнали скот до Волги, и когда самолёты начали бомбить, я упала в канавку и лежу, и этот скот весь полёг. А дело к вечеру, кругом всё горит...

Нас собралось человек десять – и девочки, и хлопцы, кто собрался в тыл. Так мы начали двигаться по ночам, а днём сидели в кукурузе, прятались. Кушать нечего, кукурузу эту разминали, на огне её продымишь и кушаешь.

Под Донецком уже нас человек пять осталось. Те в одну сторону, те в другую... Ехала с нами женщина, она ездила менять тряпки на хлеб. На Донбасе труднее было. Она со мной разговорилась, спросила: «Куда ты идёшь?» И я рассказала, что иду из-под Сталинграда, пойду в Полтаву, там у меня дедушка, бабушка и тётя есть, я пойду туда. А уже дело к вечеру. Мы подходим, у неё домик был и маленький огородик, она зовёт: «Пойдем, у меня переночуешь!» Такая хорошая женщина оказалась, пригласила к себе, выкупала, дала свою чистую рубашку, с собой положила спать, и сказала: «Отдохни, потом пойдешь». Я у неё пару дней отдыхала, она мне потом в торбочку кукурузы и картошки отварила, немножко сои в тряпочку дала, соя была дефицит в войну. Ну и я пошла к Полтаве – мои родные жили в Хороле, есть такой районный центр на реке Хорол. Я иду, мне уже недалеко осталось, километров пять до бабушки дой-

ти. Ноги я уже сбила до крови, я же босиком шла, еле-еле иду. Едет мимо парень, везёт с поля картошку, буряки, и ко мне: «Куда ж ты такая молодая- интересная? Куда ты бежишь?» Ну и я: «Бегу к бабушке с дедушкой». Разговорились, и он: «Заедешь до мне, а там пойдёшь». Заехали, мама его меня покормила, он меня проводил и говорит: «Я к тебе приеду в воскресенье». Я говорю: «Ну, приезжай», но сказала

ему имя не своё. И эти пять километров я никак не могла пройти до своей бабушки, очень ослабела. И вот я дохожу до ворот, смотрю – моя бабушка идёт коров доить, я говорю: «Бабушка, пустите меня ночевать». Бабушка: «Ой, дытына моя, у нас так тяжело, так трудно, немцы!» А потом она так остановилась: «А откуда ж ты идёшь?» А я говорю, что из-под Сталинграда. Она: «Та у нас же там онука, под Сталинградом здесь». Я говорю: «Да!» А она потом как крикнет: «Шура!!!» И тут такой крик начался, брат мой двоюродный (ему было лет тринадцать) побегал в колхоз, а там его мама, тётя моя, молотила хлеб, и он сказал, что Шурика пришла. Тётя бежит по селу и кричит: «Ой, боже!» В селе-то, как что случается, такой гвалт, такой крик...

Шевченко А.М.

► **У МЕНЯ ОТЕЦ НА ФРОНТЕ НЕ БЫЛ, ОН ПО ОБОРОНЕ БЫЛ, НАЧАЛЬНИКОМ УЧАСТКА РАБОТАЛ, РЕМОНТИРОВАЛИ ТЕЛЕФОННЫЕ И ТЕЛЕГРАФНЫЕ ЛИНИИ.** Наша семья не голодала, было своё подсобное хозяйство – корова, гуси, куры. Потом гусей украли, конечно, но всё-таки изворачивались. Рабочие у отца в поле работали и паёк получали вовремя, сразу на 10 дней, была специальная бумага,

чтобы обеспечивать. Некоторые не всё получали, а нам давали. В 1942 году я уже пошёл работать к отцу, он меня взял – некому же работать было. Так мы, пацаны, вчетвером столбы телеграфные ставили. Мне 16 лет было. Выкапывали ямы, ставили багры, подымали столб вчетвером, в ямку поставили, тут же выравниваем, трамбуем, наворачиваем изоляторы. А летом ремонтируем, чистим изоляторы мрамором, чтоб не было ржавчины. Это сейчас проще – кабель, а тогда провод шёл поверху. Натягивали провода, чтобы провиса большого не было, выравнивали, чтоб столбы ровно стояли – тогда строго было, не так, как сейчас делают – абы как. А тогда вообще дисциплина была, строгость. Но нас не наказывали, кто будет наказывать? Пацаны ж работали.

Тяжелее всего было идти по скошенным жнивам босиком. Обувь-то не было, ботинки были – порвались. Ходили босиком, а нужно каждый столб ополоть на семьдесят сантиметров кругом и окучить, чтоб вода стекала. И так каждый столб надо, а пожнивам идти больно. Я зашёл в магазин сельпо, лапти 15 рублей стоили. В магазинах сельпо, кроме лаптей да хомутов, ничего и не было. Ну вот я и купил лапти и до города дошёл в лаптях.

Деньги я не получал, хотя отец и выдавал, деньги не нужны были, когда в магазинах ничего нету. Хлеб только привозили. Зарплата была у меня 120 рублей, а буханка хлеба на базаре стоила 270. В магазинах-то хлеб дешёвый, но по карточкам – мы как рабочие по 600 граммов получали, а иждивенцы по 400 граммов каждый день.

Дроботенко Б.Н.

Во время войны мы получали 125 граммов хлеба, и больше ничего. Один раз снаряд попал в баржу, которая везла продукты в Ленинград с большой земли. Везли и кофе, и одеколон, а попал снаряд – и там всё перемешалось. И вот мама принесла несколько пачек фруктового чая – такие сушённые молотые фрукты. И этот чай пропитался одеколоном. И я помню,

что была очень голодная, как раз на курсы медсестёр ходила. И вот возьму кусочек с собой, есть же хочется, а есть нечего. И я сижу на занятиях, отломлю кусочек этого чая – и в рот. А чай же молотый, и рот у меня весь чёрный, а я ж не знала. А сидела девушка рядом со мной и говорит: «Вытри рот». Я вытираю, вытираю, а хочется есть ещё, хочется ещё в рот заправить! Какая там еда от этого чая, но хоть что-то желудок получает... Есть нечего было... Уже когда в 1942 году весной только-только снег стаял, так мы ходили щавель собирали. Из этого щавеля щи варили и уксусом заправляли, а больше ничего и не было.

Брат мой погиб, немцы расстреляли. Он был на полтора года моложе меня, но выше ростом и красивый, похож на мою маму. Брат несколько раз в разведку к немцам ходил, он же был подростком, его на фронт не брали. Вот он сходил один раз, сходил второй раз, а на третий уже не вернулся. Это было ещё в 1941 году. А потом уже в 1943 году маме прислали извещение, что немцы расстреляли 14 таких ребят...

Савельева М.Ф.

► **КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА, Я БЫЛА В 10-М КЛАССЕ.** Когда немец стал подходить к Москве, уже совсем близко, нас с сестрой отец отправил в Горьковскую область к брату Павлу, а брат был лесничий. Это был город Павлово на реке Оке – такой симпатичный городишко. Домик в лесу, кругом лес, и мы там жили в глухомани. Когда мы у дяди Паши жили, было хорошо. А потом приехала его жена, беременная, и сказала, что мы ей там не нужны. И дядя нас переселил: в самом городе Павлово на берегу реки стояло управление лесничества, и он говорит: «Девчонки, у нас там на чердаке архив. Если хотите – я вас там поселю». Там ни кроватей, ничего... Мы взяли книги, сделали себе лежачие места – нас так потом ругали... И сначала я с подружкой Анкой на чердаке жила, а моя мама с моей младшей сестрой Галиной в доме. А потом его жена и их выселила. И куда деваться? Нам посоветовали один дом, там жила

молодая семья, у них был маленький деревянный домик, и ход под дом вниз. Там, под домом, мы и жили, прямо на земле, вспоминать страшно...

Сестра была младше, и мне всегда говорили, что я должна ей уступать. Когда мы приехали, нам выдали ватные брюки и телогрейки, а на ноги нечего одеть. И купить не за что. Мама приехала потом, на ней было меховое пальто – доха, боты фетровые (у неё было две пары – белые и бежевые). И вот представьте: телогрейка, ватные простеганные штаны, а на ногах – боты... Маме тоже дали телогрейку, а шубу мы разрезали, и сестре дали верхнюю часть с рукавами, а мне нижнюю. Я ещё когда маленькая была, я всё пыталась шить, переделывать. И я взяла и пришила внизу к телогрейке этот мех – представляете, на что это было похоже?... На голове – шапка-ушанка. Мороз же такой, что идёшь – и всё скрипит.

Молодости у меня не было, только детство...

Афанасьева М.А.

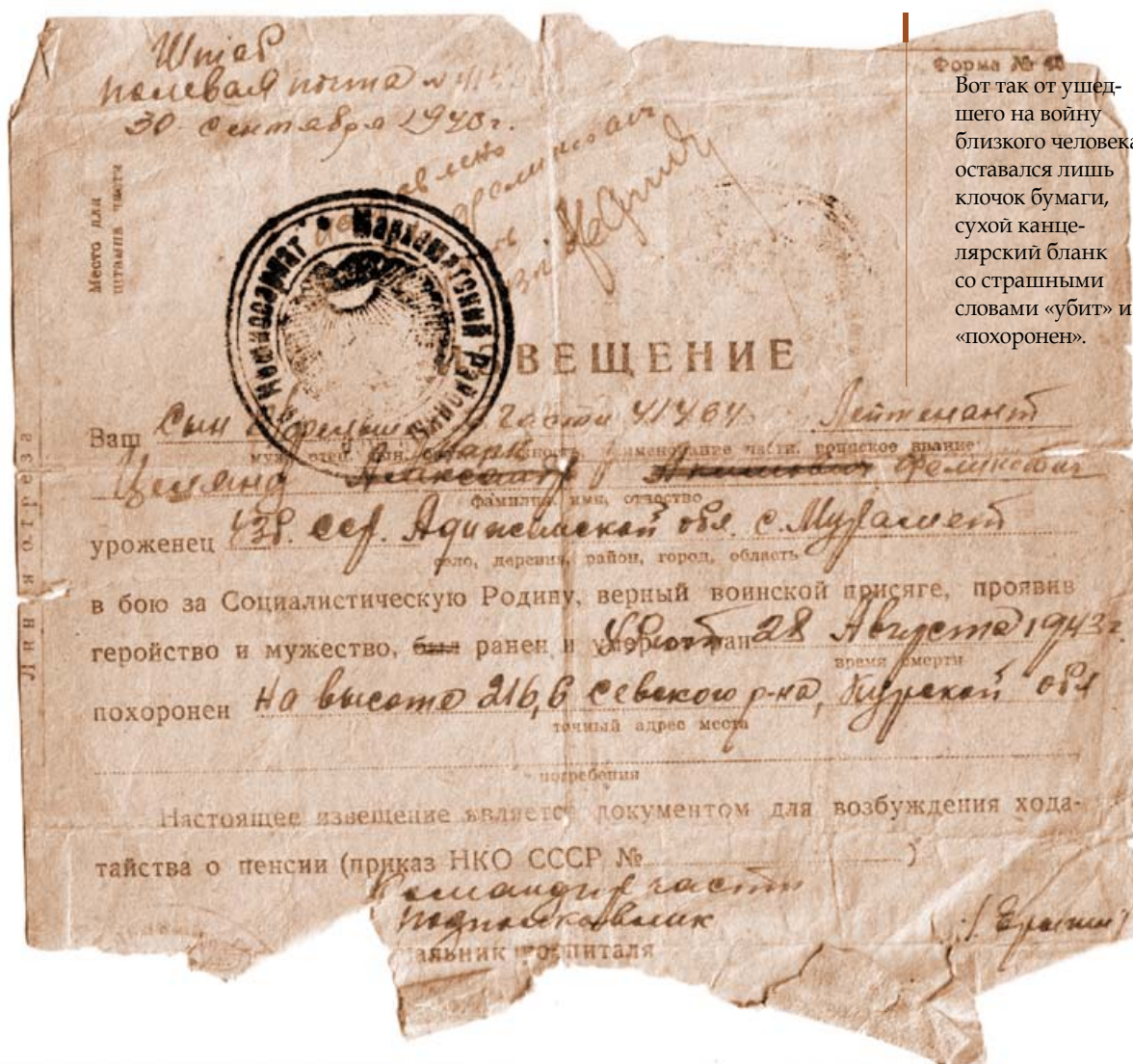

► **В ЭВАКУАЦИИ МЫ ОКАЗАЛИСЬ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ. ЗАВОД, НА КОТОРОМ ВЫПУСКАЛИ КАПСУЛЫ ДЛЯ СНАРЯДОВ «КАТЮШ», НАХОДИЛСЯ ПОД ЗЕМЛЁЙ.** На поверхности было несколько барачков из почерневших от времени брёвен. В них жили семьи эвакуированных с Украины, из Ленинграда, Белоруссии. Невдалеке

находилось заводоуправление и клуб. Вновь прибывших расположили в бараках. Говорили, что до войны там жили заключённые.

На всю жизнь у меня осталось впечатление, что в нашем бараке жила одна большая семья. Все взрослые оберегали детей. Мы, дети, могли зайти в любую комнату барака, и нас всегда накормят, дадут хотя бы кусочек хлеба, который давали по карточкам на каждого человека. Я помню, что это был чёрный хлеб, но нам его всё равно очень хотелось. А потом появился какой-то рыжий хлеб с жёлтыми вкраплениями, говорили, что это кукуруза. Хлеб не держался в куске и рассыпался в руках. Иногда угощали картошкой «в мундире», она казалась такой вкусной! А по праздникам могли угостить маленьким кусочком сахара. Сахар выдавали каждой семье на месяц большим куском. От него нужно было щипцами откусывать маленькие кусочки. Кусочек мы зажимали в кулачке, и время от времени его можно было лизать, это было блаженство.

Отцы и матери работали на заводе по 12-16 часов. В бараке оставались женщины, у которых были совсем маленькие дети и ещё две-три бабушки. Мама не работала, потому что я была самая маленькая в бараке. Поэтому детей чаще всего приводили к нам, в нашу комнату. Комната была метров восемнадцать, на первом этаже. В углу печка, её топили дровами. Дрова всегда были, потому что вокруг лес. Пол был некрашенный, но всегда чистый, мама скоблила его ножом, и он был аж белый. Дети снимали обувь, на полу нам стелили одеяла, и мы играли. Мама до войны была учительницей, она придумывала для всех интересные занятия. Больше всего мы любили рисовать. С завода родители приносили обёрточную бумагу или просто газеты, где-то брали краски... Старшие дети рисовали красноармейцев и пионеров, но больше всего запомнились фигуры детей в матросских костюмах: девочки и мальчики в бескозырках, мальчики в брючках, девочки в коротких юбочках, на голове косички,

Форма № 43
 Вот так от ушедшего на войну близкого человека оставался лишь клочок бумаги, сухой канцелярский бланк со страшными словами «убит» и «похоронен».

все с сияющими глазами и отдавали честь. Старшие рисовали фигуры, а младшие их раскрашивали. К приходу родителей получалась настоящая выставка. Самые способные дети рисовали по клеточкам, срисовывали с книг, чаще всего с учебников. Такими картинами был обклеен весь барак. Больше всего любили рисовать картину «Три богатыря». Во время рисования читали по очереди книжки или рассказывали сказки. Часто и мама нам что-то рассказывала. И ещё мы любили петь. Пели, в основном, взрослые песни, детских было мало. Пели «Катюшу», «Там вдали, за рекой», «На позицию девушка провожала бойца». А для веселья пели популярную тогда песню про барона:

«Барон Фон-дер-пшик
 Забыл про русский штык,
 А русский штык
 Бить баронов не отвык.
 Орал по радио,
 Что на параде он
 Будет в Москве...»

Помню, как однажды мы услышали страшный крик на улице. Мы, дети, подбежали к окну. Мимо барака бежали люди по направлению к заводу и кричали. Кто-то сказал, что на заводе был взрыв, и много жертв. Предполагали, что это диверсия. Несколько дней старшие ходили с чёрными повязками.

Когда приходили холода, рано начинались сумерки, любимым занятием было делать ёлочные игрушки. Родители приносили с завода блестящую фольгу, и мы делали десятки зайчиков, белочек, бабочек, мишек. Весь барак знал, что, если у кого-то появилось сырое яйцо, то

выпускать его содержимое нужно через маленькую дырочку. Скорлупа разрисовывалась, приклеивались шапки, бороды, усы, косички, колпачки, большие воротники, и у нас появлялись Деды Морозы, Снегурочки и клоуны. К Новому году в каждой комнате барака ставили ёлку, в лесу их было много. И мы ходили друг к другу в гости. При этом были особые игры: например, найти спрятанную на ёлке игрушку, или кто быстрее пересчитает на ёлке всех зайчиков или бабочек. У ёлки устраивали целые концерты для родителей, а они угощали кто чем мог.

Не всем детям удалось выжить. Помню, умерла девочка лет десяти со второго этажа. Она ещё в вагоне застудилась, и начался туберкулёз. А потом умерла девочка из комнаты напротив. Говорили, что у её мамы не было молока...

Дмитричева Г.Н.

ГОСПИТАЛЬ

Чёрный крест на танковой броне или крыле самолета, нательный крест - из всех крестов только красный крест на сумке медсестры был самым близким для всех солдат - солдат разных армий и вероисповеданий. Он нёс спасение, избавление от боли, надежду на выздоровление, на то, что жизнь ещё не кончена...

В КОНЦЕ 42-ГО ГОДА В НАШ ГОРОД ПРИЕХАЛ ГОСПИТАЛЬ, ПЕРЕВЕЛИ ЕГО СО СТАНЦИИ ЛЕВ ТОЛСТОЙ, ЕСТЬ ТАКАЯ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ СТАНЦИЯ. Меня, ещё несколько девочек и мою двоюродную сестру по путёвкам райкома комсомола послали на курсы санинструкторов. Учили нас стрелять, перевязки я научилась делать изумительно. До сих пор помню «шапку Гиппократ» – как голову бинтовать... А вот стрелять я не научилась, стреляла с закрытыми глазами. Звук... Я до сих пор боюсь звука выстрела, наверное, это бомбёжка сказала, под которой я побывала.

Меня после сдачи экзаменов направили в госпиталь работать. Мою двоюродную сестру отправили на фронт, она была на два месяца старше меня, а меня, наверное, как малолетку – в военный госпиталь. Мне доверяли делать несложные перевязки. Иногда под руководством старшей медсестры (мы считались младшие медсестры) бинтовали и голову. Получалось у меня хорошо, я старалась. Я очень старалась! Когда делали перевязку, ни обезболивающего, ничего не было. На живую рану наложили бинт, она присохла, а на завтра ему надо снова делать перевязку. Подходишь, разбинтовываешь, рвёшь... Вы знаете, там доставалось всяко – и ругали, и кричали, и зубами скрипели эти солдаты... Я плакала, потому что так мне было их жалко! Когда я начинала, они мне: «Ничего, дочка, рви сильнее».

А сама вижу, что у него все лицо побелело от боли.

Разное было. Это же больные люди, раненые, у них не только телесные раны, у них и душевные раны. Бывало, что и миской в тебя запустят, когда принесешь кушать, и кружку с водой в тебя бросят, потом извиняются. Мы не обижались – ни сестры, ни врачи тем более. Мы, малолетки, понимали – человек доведен до крайности. Помню одного Колю – он настолько был израненный был весь, что на нём живого места не было, до него нельзя было дотронуться. Он кричал: «Ой-ой, всё болит!». Лежал забинтованный весь и не двигался. Ну как можно злиться на такого человека, когда он нецензурным словом тебя пошлёт? Но меня они старались оберегать, я ж маленькая была, ростом небольшая.

Многие находили в госпитале свою судьбу, встречались, потом солдат уезжал на фронт, писал ей, медсестре... Через год госпиталь расформировали. Но я думаю, что те встречи – как говорят, встречи-расставания, долгие свидания – всё это принесло свои результаты. Те, кто нашёл свою судьбу, я знаю, что это навсегда. Я знаю многие такие фронтовые семьи, которые соединились и жили прекрасно.

Кузнецова Р.Я.

Я ТРИ ГОСПИТАЛЯ ПРОШЁЛ. ПЕРВЫЙ РАЗ Я БЫЛ РАНЕН 31 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА В СЕВАСТОПОЛЕ. Ранение у меня было несерьезное, но перебита вена. Было

это уже под вечер. Ранило меня на самой передовой, метрах в ста блиндаж. Мне помогли ребята, а полежать в блиндаже – это было счастье, потому что декабрь 41-го года – это сплошной дождь, но не в виде капель, а вода висела в воздухе. И вот положили меня в блиндаж, а там этого дождика нет... И я там пролежал до утра. Столько вытекло крови! Помощи никакой не было, я лежал и буквально уже отдавал концы. Под утро приехала машина, что-то привезла, и меня швырнули на эту машину. Отправили в Севастополь, в катакомбы – это огромный зал, выдолбленный в скале, больше ста метров, и там вповалку лежат на земле все раненые. Новых привезли – очередь в перевязочную. Врачи и медсестры мне что-то перевязали, и прекратилось моё кровотечение, но оно было сутки! У меня была страшная слабость. Кормёжки там никакой не было, но зато давали вино: каждый час обходили девочки лет по 12-13, с ведром, и у них полное ведро вина. И нас поили вином. Я выпил два стакана вина и был в дрезину пьяный...

И вот когда меня перевязали, то отправили в эвакуацию – мне в жизни очень повезло...

Двое суток мы ехали из Батуми в Кутаиси, в центр Грузии. Там помню, какой-то здоровый дядя меня взял на руки и перенёс в машину, и доставили меня в госпиталь. В госпитале в Кутаиси было хорошо – кормили, давали суп и какую-то кашу – это был обед, и

на завтрак чай и хлеб. Я пробыл в госпитале месяц и уже стал герой! Врачи были грузины и медсёстры – девчонки лет по 14. Врач мне говорит: «Мы тебе два осколка вынули, а один тебе на память оставили, он тебе мешать не будет. Ты будешь жить долго-долго!». Наверное, он так каждому говорил...

Когда меня выписали из госпиталя, отправили во флотский экипаж.

А третий госпиталь был после «Малой земли». Я побил рекорд – я пробыл на «Малой земле» три недели. И оттуда надо было ещё добраться до госпиталя! Но попал я оттуда в госпиталь в Сочи, там я пробыл две недели, и отправили меня в батальон выздоравливающих в Хосте – это населённый пункт рядом с Сочи. Кормили жиденьким супчиком, кашей, но, знаете, после «Малой земли» даже это было хорошо...

Афанасьев И.П.

▶ **ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ ТЕХНИКУМ ЗАКОНЧИТЬ, БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ, Я ЖЕ ЕЩЁ В ИНСТИТУТ ПОСТУПИТЬ Мечтала, я ПОПАЛА В ШИНЕЛЬ, В САПОГИ.** Помню, пополнение к нам в госпиталь поступило, лежит лейтенант молодой-молодой, ему только в кино сниматься. Я подошла, он мне пистолет сунул свой: «На, убей меня, добей!» Как я тебя добью? Я же не для того, чтоб добивать! Я тебе помощь окажу! А он: «Я жить не хочу, убей меня...» Вы знаете, вот сколько я живу, он всё у меня в глазах. Лежит молодой, мне самой тогда было восемнадцать, но я уже битая, я уже в боях была. А он только с пополнения, умоляет меня: «Убей, добей, мне жить не надо, я не хочу жить...» – «Ну, убей себя сам». А я ещё не вижу, в чём дело. Подошла к нему, а как поглядела – боже мой... Меня ужас охватил... Я сама молодая, но я медик, я понимаю, что к чему. Он мне говорит: «Кому я нужен? Зачем я буду жить? Я ещё девочек не видел, я не знаю, что это такое и никогда уже не узнаю». Всё мужское у него снято, вот так попало ему, бедному. Я его начала убеждать, что там женщин полно, возьмёт тебя какая-то, а он: «Кому я нужен? Кто я?» И вот

так подумать – кто ты? Ну, я своё дело сделала, его увезли, потом не знаю, как он... Но у меня он в голове: только вот один-единный бой – и так его покалечило. Да, евнух – не евнух, а будет жить, ходить. Я вот после войны думала – бедный, где-то ходит, высокий такой, а что он?.. И таких случаев много. Так подойдешь, он: «Помоги, спаси!», а чем ему помочь, у него кишечника нету, вон там валяются кишки все... Ну, помощь окажешь. Ну, укол сделаешь обезболивающей, но человек убит, считайте...

Тяжело было: бой идет, люди падают, это же ужас. Освободили мы один большой населенный. Бой кончился, мы вышли на околицу, немцы далеко уже отступили, вон дома стоят, коттеджи. В один дом командир на «летучку» собрал 27 человек, они в дом вошли. Мы уже своих коллег всех в медсанбат отвезли, час проходит, два – всё тихо. И тут бегут за мной, ведут к этому дому, а там стоят солдаты, никто не хочет туда входить. Чего меня позвали? Кто-то стонет там в доме. Меня подсадили, я влезла в окно. Вы знаете, человек – вот так он сидел, голова у него обсыпана известкой... Я его обошла, глаза стеклянные, висят кишки, всё висит... Двадцать семь человек командного состава вот так. Один только живой остался, стонет в углу. А как к нему идти? Я вот так по стенке, по стенке. Нogu негде поставить – там нога лежит, там голо-

ва, там куски... Нельзя было подойти к нему... Вот как это мне было? Это было за месяц-два до победы. Потом после войны я мяса долгие годы не покупала.

Мы идём, немец отступает, у них мотопехота, мотоциклы. Мы пешком идём, уже люди измученные, на ходу спят. Сутками идём без отдыха, на полчаса нас останавливают, а потом опять идём, идём, идём... Наконец, остановили, сказали окопаться. Не окоп рыть, а просто окопаться. Залегли мы цепью, я с боку где-то легла и уснула – отключилась как убитая. Сколько спала – не знаю. Когда слышу – топот, и автоматы бьют. Я схватилась, а немцы пошли на нас, потому что увидели, наверное, что люди лежат. Мне кто-то кричит: «Там твой лейтенант, медик, коллега, там он!» Я бегом туда. Увидела, что у него голова забинтована, глаз не видит. Я его в лес отвела, посадила. А там уже много наших лежит, и лежит ещё солдат молодой, тоже из пополнения, напуганный. Но мне уже тогда было 20 лет. Мы у немцев в тылу оказались, а бой далеко куда-то откатился, мы слышим ещё этот бой. Я говорю: «Не бойся, ты давай помогай мне!» И мы с ним начали наших выносить. Я погляжу – живой, – и помогаю. Кого он ведёт, кого мы вместе несём, 57 человек в лес мы отнесли. И я с ним сидела сутки. У меня бинты кончились; тому надо – я от этого немного отмотаю, тому – отмотаю от этого. Мы боялись, чтобы немцы не вошли в лес, но немцы боялись заходить. На следующий день наши таки пошли в атаку, и этих 57 человек отвезли в медсанбат. В общем, у меня много было таких случаев. Однажды ночью высадились и сутки стояли, атаки отбивали, я в своём медицинском отделении, но я же тоже в пекле! Вот подойдешь к человеку – ноги нет, как неживой. У нас было стёклышко маленькое, поднесёшь – вспотело. Значит, живой, ещё можно спасти его, ему нужно жгут наложить, повязку, чтобы кровь не вытекала. Лежит – лоб вспотел, значит, живой будет. Вот такая война для меня была.

Кровь поступала к нам – люди сдавали. Люди бедные! Думаю:

«Там же в тылу голод, дети у станков...» Столько крови давали, что не было недостатка. Если б не это, многих не спасли бы.

Гринштейн З.И.

► **МНЕ БЫЛО 17 ЛЕТ, КОГДА Я ПОШЛА НА КУРСЫ САНИНСТРУКТОРОВ.** У нас в Ленинграде было много госпиталей, потому что немцы очень быстро подошли. В Ленинград-то они не вошли, но подошли к окрестностям. У нас с одной стороны Финский залив был, а с другой стороны – «Ораниенбаумский пяточок», так он назывался. А в 500 метрах от нас были немцы... И очень много раненых было в госпиталях. На курсах я три месяца училась, закончила 2 мая, а 5-го мая я уже была в части. Послали нас на фронт. Часть наша была – 50-я морская бригада, моряки с кораблей. Когда немцы близко подошли, они на рейде стояли, а подвоза к кораблям не было. У них даже орудия не было уже. И, в общем, моряков осталось мало, и они все пришли в эту бригаду. Я с ними до сих пор переписываюсь, два раза ездила на встречи.

Когда я закончила курсы и пришла в штаб бригады, я, конечно, сказала, чтобы меня послали на самую передовую. А начальник штаба посмотрел на меня и говорит: «Что это за детский сад?» –слишком я маленькая и худенькая, и выглядела моложе своих лет. Мне правда, и сейчас говорят, что я моложе выгляжу. Но начальнику сказали, что меня отправляют на самую передовую. В деревне Таменгонт (название финское, поскольку финны рядом и Прибалтика) находилась медсанрота, куда привозили всех раненых с передовой. Меня послали в операционную, потому что в других местах все места были заняты. И я стала там работать младшей операционной сестрой. Сначала я многого не знала из того, что положено медсёстрам, потому что курсы санинструктора – это оказание первой помощи, как перевязать или, если голова болит, таблетку дать. А тут мне пришлось всё изучить. Со временем всё это пришло, и я стала работать.

Я когда приехала туда, на мне

были туфли с галошами, потому что май месяц (там у нас ещё первого мая иногда снег шёл). На мне юбка и кофточка на три пуговицы. Моя подруга в другую часть попала, но она была побольше меня, и на неё как-то подобрали кое-что. А на меня ну ничего не могли подобрать. И тогда мне выдали гимнастерку, но всё равно пришлось коллективно её подрезать и ушивать, а ещё мы сзади резинку вставили – очень была широкая гимнастерка. А обувь... У меня был 36 размер, солдатская обувь таких размеров

не бывает, и как-то мне привезли сапоги яловые – тяжёлые, с широкими носами, но 40-й размер. И я долго так и ходила в своих туфлях с галошами, а потом уже наш доктор отдал мне свои сапоги – они порвались, а сапожник мне их перешил. С шинелью было проще: привезли мне небольшую шинель, отрезали, покороче сделали рукава, и я ходила в шинели.

Первый раз, когда привезли раненого – молодой парень был, 18 или 19 лет, – обрабатывали ему ногу. Хирург обрабатывал ему рану, а я ему подавала инструменты, потом перебинтовывала, это моя обязанность была. Сначала, когда обработали рану, было всё нормально, а потом ему стали ампутировать стопу. И я стою и чувствую, что сейчас упаду... Хирург посмотрел на меня и говорит санитару-моряку: «Уведите её отсюда». Ну, я на улице немножко постояла, а потом уже привыкла ко всему...

Были всевозможно раненые. Я помню первого раненого, которому я отдала кровь. У него оторвало ухо. Ранение-то лёгкое, но крови он потерял очень много, и

хирург говорит: «Его не довезут до госпиталя, ему обязательно нужна кровь». Мне ещё 18 лет не было, а мы уже все проверили, у кого какая группа крови. Ну и я говорю: «Возьмите у меня кровь». Хотя до 18 лет этого вообще нельзя делать. Взяли у меня кровь, и я как-то это довольно спокойно перенесла. И ему влили. У нас была палата на 10 человек, и хирург решил легко раненых не отправлять в госпиталь. И этот мой раненый быстро выздоровел и пошёл опять на фронт. Я и потом сдавала кровь: я на одном столе лежала, а на другом столе лежит раненый, и сразу мою кровь, тёплую кровь тут же ему переливали. Её не надо было концентрировать, и эти все люди шли на поправку.

Мне многие писали письма, но я никому не отвечала. Почему? Сейчас скажу... Каждый писал, что, мол, я тебе обязан жизнью, пишет: «Я тебе должен». Ну а я думаю – зачем должен жить человек с такой мыслью, что он кому-то что-то должен? И я никому не отвечала. Правда, обижались, и даже в редакцию нашей бригадной газеты писали...

Савельева М.Ф.

► **ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ МЕНЯ ПОСЛАЛИ ЛЕЧИТЬСЯ, У МЕНЯ БЫЛА КОНТУЗИЯ. Я ЛЕЖАЛ В БОЛЬНИЦЕ В ТЕМИШОАРЕ.** Мы были в психиатрическом отделении, все контуженные или с ранениями в голову. Врач лечил хорошо, и нас подкармливали. Врач предлагал мне у него остаться, говорил: «Мы тебя тут «похороним», и дадим тебе паспорт». А я: «Да что вы, у меня мама там». Я тогда в комсомол вступил. Ну а потом меня из больницы со скандалом убрали. А получилось это так. Нас трое было – лётчик, танкист, и я – пехотинец, мы на одной кровати мы спали. А больных было больше ста человек, комната громадная, и все румыны. И вот вижу, что больные умирают, говорю: «Почему у вас больные мрут?» А врач говорит: «Заместитель директора у нас такой ворюга страшный!...» И я уговорил своих товарищей, и мы пошли права качать – как же ты воруюешь, а люди мрут? Пошли

к нему, он под стол чего-то залез... Ну, а потом нас оттуда с громом выгнали. И врачу этому, наверно, влетело. Меня сразу отправили в Крайову, в эвакуационный госпиталь. Там был врач-еврей, и жена его тоже там была – еврейка, но почему-то был против меня: «Ты, – говорит, – в оккупации был?» Я: «Да, был в оккупации». – «Вот, вы евреев убивали!» Ну, кто убивал, а кто спасал. И я спасал, и нас тоже спасали.

Лонский С.И.

► **В АРМЕНИИ, КУДА НАС ВЫВЕЗЛИ В ЭВАКУАЦИЮ, МЫ ЧТО ДЕЛАЛИ – НАС ВЫВОЗИЛИ В КОЛХОЗЫ, СОВХОЗЫ, ЗАСТАВЛЯЛИ УБИРАТЬ КАРТОШКУ НА ПОЛЯХ, ПОЛОТЬ.** Конечно, производительность у нас была не та, которая у нормальных людей – мы же дети были. Ещё там был большой госпиталь и раненые, тяжело раненые. И нас приглашали туда, чтобы мы дежурили около больного, ему подать утку или что-нибудь такое. Ну а те, которые талант имели, пели, концерты устраивали для раненых. Мы-то как смотрели на раненых? – что они герои. Мы все хотели на фронт тоже. Это ж мне было уже сколько? Четырнадцать лет! Я в комсомолы поступил, вернее, приняли меня. И потом в 1944 году я окончил семь классов. А в Ереване была эвакуирована из Ростова спецшкола военно-воздушных сил. И туда как раз с седьмого класса принимали. Ну вот я и приехал туда. Приняли меня, правда, я ростом был маленький, и я уехал в Ростов.

Врадий Ю.А.

► **В ГОСПИТАЛЕ Я РАБОТАЛА С 1942-ГО В ЭВАКУАЦИИ, В ГОРОДЕ ПАВЛОВО НА РЕКЕ ОКЕ.** Там у меня была подружка из местных, Анка. Она всё говорила: «Что ты меня так обзываешь?» А я говорю: «Я тебя не обзываю! Фильм был про Чапаева, и там была Анка. А то что это – Анюта или Нюра?» Мы с ней подружились, она работала у нашего дяди Павла в ларёчке продавщицей и ездила в город Павлово, а там было очень много госпиталей. И вот она говорит: «Пойдём на курсы, будем работать

фото из архива М. К. Силантьевой

в госпитале медсёстрами». Она всё разузнала, она же местная. А говорю: «Я с удовольствием!» Там были курсы РОКК – Российского общества «Красного Креста». И мы пошли туда. Там были одни девочки, парней не было. Закончили мы курсы, у меня диплом есть, храню до сих пор. И пошла работать в эвакуационный госпиталь 17-43. Закончили курсы, а дальше военкомат, военный билет, и куда пошлют... А у нашего дядьки, который в Павлово лесничим работал, жена была военный врач, и у неё в Павлово работала знакомая начальником госпиталя – Елизавета Александровна Лозовая. И меня взяли в этот госпиталь.

Нас же готовили в духе патриотизма, и я отцу пишу: «Папа, наш эвакуа-госпиталь могут в любое время отправить на фронт, и я – с удовольствием!». А он мне пишет: «Рита, если ты хочешь приносить пользу своей родине, то работай в госпитале, но на фронт – ни в коем случае!»

Чтобы добраться до госпиталя, нужно было пройти весь город, а потом лес – такие сосны, что и неба не видно. В лесу до войны был туберкулёзный санаторий, а во время войны сделали госпиталь. В 7 утра у нас планёрка врачевая, и я должна отчитываться за каждого больного. Вставала часа в 4 утра, чтобы дойти к планёрке.

А зимой снег по пояс... Строгость была невероятная! И я по неделе не выходила из корпуса...

Когда я только поступила, мы так голодали... Я когда в госпиталь первый раз пришла, Лозовая говорит, чтобы я пошла с врачами пообедать. И вот я первый раз за много месяцев поела горячего... Помню, большой стол, врачи сидят, и я сбоку села. И дали тарелку супа-лапши, и жир сверху плавал. Я стала не есть, а глотать, и обожгла себе всё – и пищевод, и всё до желудка, я говорить не могла! И меня тут же положили в палату, начали отхаживать.

У нас старшая сестра была, тоже москвичка, и когда она узнала, что мы в Москве жили буквально через улицу, она меня «тёзка» стала называть. И она меня подзывает: «Тёзка, там больного прооперировали, и я его обед тебе в шкафчик поставила. Ты потом пойдёшь – покушай». Прихожу, открываю шкафчик – а финтос под нос, уже кто-то слопал! Она говорит: «Ой, я же только что поставила!» А я только что подошла – и уже ничего нет. Вот в таких условиях жили. Сестёр не кормили, только врачей. Нам просто деньги давали, зарплату, но что на эти деньги можно было купить? Только хлеба. Мама вечером занимала очередь за хлебом и всю ночь стояла. Хлеб привозили только по ночам,

причём чёрный, его и хлебом-то назвать нельзя – кусок замазки. Приходит ночью: «Девчонки, вставайте, я хлебушка принесла». Хлеб и вода – и всё...

Когда я только пришла, мне сказали: «Разумовская, ты сегодня пойдёшь принимать раненых». Нужно было идти в баню, в раздевалку. Они выходят из бани голышом, а мне нужно им давать бельё. И вот я стою, а они задом выходят, стеснялись меня... Так нас воспитывали в то время – никаких сентиментальностей, строгая-престрогая дисциплина, отказаться нельзя было.

Я работала сначала медсестрой, а потом меня сделали методистом по лечебной физкультуре. Был большой-большой кабинет, масса снарядов разных – и «коромысло», и дорожки. Очень хорошо оборудованный кабинет. В нашем госпитале были в основном с ранениями ног, рук. В чём была моя задача: если ранение в руку, накладывают гипс, и рука не двигается. Гипс сняли, а рука всё равно не двигается, и нужно было разрабатывать. Для рук было «коромысло». Задача госпиталей была как можно больше и быстрее отправить обратно на фронт. Бывало, мне и костылём от раненых попадало, говорили: «Ты тут в тылу сидишь, а я такой ад прошёл, и ты хочешь, чтобы я туда опять попал!» А как иначе? До меня работала девочка, так её военным трибуналом судили, потому что она делала поблажки, попустительствовала – за кусочек сахара, за то, за сё. Каждому давался срок – этому две недели, этому месяц. Я очень дотошный человек, мне нравилась эта работа. Бывало, я только захожу, а раненые: «Ребята, наш костолом пришёл!» И прячутся под одеяла. Даже если вся нога в гипсе – нужно заставлять пальцами шевелить, разминать.

У нас была палата, в которой лежали офицеры. Были женская палата, в которой лежали женщины, у которых обе ноги оторваны. Моя задача была подготовить эти культы к протезам. Если нет мозоли – то она же ходить не сможет, нужно же упираться. И нужно было подготовить, чтобы,

когда женщины будут на протезы вставать, не было больно.

В другой палате лежали в основном журналисты, которые были ранены на фронте. Помню, один лежал пластом, парализованный, не шевелился, но с ним изо дня в день по нескольку раз нужно было заниматься, как со здоровым – делать движения рук, ног, голову поворачивать, приподнимать. Однажды захожу в эту палату, а мне говорят: «Рита, представляешь, ты только идёшь по коридору, а он вдруг стал слышать! Уже чувствует, что ты идёшь!» Очень долго он лежал, и я с ним занималась. Потом гипс сняли, он оказался такой боевой! Запомнилось, что, когда он уже мог по лестнице подниматься, то шёл только задом – что-то с головой было. Его, конечно, на фронт уже не отправили. Потом, когда у нас был прощальный вечер, когда мы их отправляли, так мы ещё с ним танцевали! Патефон играл, пластинки «Рио-Рита», танго... Я очень хорошо танцевала...

Рядом с госпиталем было эвакуированное Ленинградское топографическое училище. И мне говорят, что полковник из этого училища упал с лошади и сломал ногу. Его загипсовали, а моя задача – его восстановить. И вот я помню, как я ему ногу разрабатывала, потом гипс сняли, и я ему массаж делала. И вот он сидит, а массаж делаю, и вдруг он мне потихонечку в карман что-то положил. А я отшатнулась и сразу выбросила. А там было два кусочка сахара. И я прихожу домой и говорю: «Мама, ты представляешь, я же на работе, я же ему делала массаж, а он!...» Мама говорит: «Ну и что?» А я ей: «Что я, нищенка, что ли?» И я разревелась. Мама говорит: «Он же хотел тебя отблагодарить!» А тогда не было такого. Какая благодарность? Ты обязан!

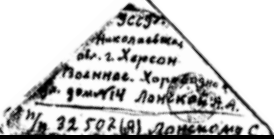
Когда поступали раненые – это страшно. Масса раненых людей, стонут, кричат: «Сестричка, умираю, помоги!» Сплошной гул страданий. Многие не выдерживали. Помню такой случай. Мы всё время были на чеку, потому что у того кровотечение, тому надо что-то поменять, бега-

ешь, как сумасшедшая, по всем палатам. А потом присела на минуточку, и со мной нянечка. И смотрим – такой здоровый, высокий раненый в халате (всем обязательно давали нижнее бельё и халат с поясом) под утро мимо нас ходит. Пошёл в туалет, прошёл мимо нас, посмотрел, потом опять пошёл в туалет, потом опять. Думаю, ну, может, живот схватило. Он так три раза мимо нас ходил, туда – обратно, туда – обратно. А потом пошёл в туалет, и нет его долго. Заходим – а он висит на поясе...

А ещё помню: идём по лестнице, а сверху что-то капает. Смотрим – кровь. Пошли наверх, а там лежит человек, живот себе вспорол. Лежит весь окровавленный... Нервы уже не выдерживали. Ведь это не то, что подлечили – и домой. Редко кого домой отправляли...

Мы всё время отцу писали, чтобы он нас обратно в Москву вызвал, что мы домой хотим, сколько ж можно мыкаться? Нужен был вызов. Если бы мы просто так приехали, нас бы никто не пустил, въезд в Москву был вообще запрещён. И папа сделал нам вызов через министерство. Мне надо было идти в военкомат открываться, мы же военнообязанные. Мне сказали: «Только приедете в Москву – тут же идите в военкомат, становитесь на учёт, вас направят в другой госпиталь». И вот приехали мы в Москву летом 1944 года. Жили возле Киевского вокзала, и тут на углу, на Киевской площади, тоже был госпиталь. Только мы приехали – и я увидела эти большие окна, и сидят раненые в этих окнах... У меня как защемило сердце... Я думаю: «Боже, опять в этот ад!..» При этом я адом работу не считала, наоборот: я сейчас анализирую – с каким энтузиазмом, с какой любовью я относилась к своей работе! Раненых утешала, всех выслушивала, пока я с ними занимаюсь – они рассказывали о своих семьях... А тут... Так мне было страшно! И я не пошла в военкомат. Второй раз влиться в это не смогла. Как меня тогда не посадили... Но не смогла.

Афанасьева М.А. (девичья фамилия Разумовская)

ЛЮБОВЬ

Равнобедренный треугольник – именно эта геометрическая фигура стала фигурой любви. А ещё веры и надежды. На каждую сторону треугольника приходится по одной из самых главных ценностей на войне – вера в победу, надежда на счастливое возвращение с фронта, любовь друг к другу. Извещения о смерти, «похоронки» были по официальному прямоугольными или квадратными. Именно поэтому обычное треугольное письмо полевой почты с верой, надеждой и любовью ждали в каждой семье, из которой ушли люди, надевшие погоны...

фото из архива Гринштейн

► **ПОМНЮ, К НАМ В ГОСПИТАЛЬ ПРИВЕЗЛИ МОЛОДОГО ПАРНЯ. Я НЕ ПОМНЮ – ИЛИ 22 ГОДА ЕМУ БЫЛО, ИЛИ ОН БЫЛ 1922 ГОДА РОЖДЕНИЯ...** Только цифра 22 мне запомнилась. Ему нужно было ампутировать ноги, иначе грозила гангрена. У нас был очень хороший главврач, фамилия его была Михайлов. Звания я не помню, да и не разбиралась я в этих званиях, но звёздочки у него были на погонах – один просвет. Так он каждый день подходил и говорил: «Сыночек, тебе надо ампутировать ноги!». А тот: «Нет, я лучше умру!». Меня определили около него быть, попить подать или ещё что. Я с ним разговорилась. Его звали Коля. Говорю: «Ты же такой молодой, чего ты не хочешь операцию?» А он отвечает: «А кому я нужен буду? У меня есть девушка, я её очень люблю, но она не сможет, наверное, связать свою жизнь с калекой...» Я говорю: «Почему ты об этом думаешь? Давай ей напишем!» – «Нет, я не хочу ей писать...» И вы знаете, я считаю, что тогда честно поступила: я у него в тумбочке, пока он спал, нашла её письмо и написала ей. И она приехала. И надо было видеть, как она встретилась с ним! Она приехала рано утром, мы, конечно, ждали её. Врачу я всё сказала, он меня похвалил, сказал, что правильно сделала: «Мы, взрослые, не могли шарить у него в тумбочке, а ты вроде как дитё...» И вот приехала эта девушка, мы ей объяснили ситуацию, что ему нужна операция. На одной ноге нужно

было ступню ампутировать, а на другой ноге – выше. И в тот день, когда он проснулся, я ему принесла водичку, он умылся, привёл себя в порядок. Невеста приехала, а он не знает! Я ему говорю: «Давай побреемся, а то ты такой заросший!» Дядечку одного попросила, и он побрил Колю, потому что он вообще не хотел ни вставать, вообще ничего не хотел, его даже кормили с ложечки! Он опустил руки – и всё... И когда вошла эта Людочка – у него полные глаза слёз, и улыбка, и гримаса на лице одновременно. В общем, настроение у него менялось постепенно. Она к нему подошла и говорит: «Что это такое? Как ты мог додумать, что я от тебя откажусь?!» Она его уговорила, и на второй день он согласился на операцию. Ампутировали ему ножки, и он находился на излечении, пока они не зажили, и Люда куда-то не уезжала. Уехали они вместе. Потом они мне прислали письмо, что живут вместе. И мне это запомнилось – что какую-то пользу я принесла, не дала погибнуть этому молодому человеку!

Со своим мужем я познакомилась, когда работала в тылу в сельской школе, он был из этого села. Я жила на квартире у его родственников. И вот как-то мы, девчонки, сидели, смеялись, война – не война, а молодость своё берёт. Смеялись-смеялись, а хозяйка моя говорит, что у неё сын офицер, и я говорю: «Тётя Арина, возьмите меня за него замуж?» Она говорит: «А как я тебя возьму

за него замуж?» – «Хвалите меня, скажите, что я такая хорошая, я же действительно хорошая!» А потом он приехал в отпуск, мы с ним на танцах познакомилась – это само собой вышло. Я сначала не обращала внимания, у меня был молодой человек, которого я очень любила, но он погиб на фронте в 1944 году. Я с мужем прожила 35 лет, а всё равно я первую свою любовь помню до сих пор... Я всё ещё была под впечатлением, ещё не отошла от гибели Вани, моей первой любви. Но он ко мне подошёл, пригласил меня танцевать, я с ним потанцевала. Он проводил меня до дома, сел рядом со мной, слово за слово, и на следующий день мы опять с ним встретились... Потом он уехал, сказал, что будет мне писать – и писал. Два года мы с ним переписывались! Одно время я думала – не буду я ему писать, не буду! Зачем я буду куда-то там ехать? Он же служил в Ленинграде. А потом он приехал, говорит: «Я приехал жениться, ты не против?» Да вроде и нет, да и хозяйка мне говорила – мол, не прогадаешь. Ну и я согласилась, и ездила с ним по всему белому свету. Была и в Венгрии, и в Эстонии. И я не жалею. Семья у нас была очень хорошая, у нас двое детей, дочка и сын. Сын живёт в России, бывший военный, дочка живёт здесь, в Херсоне, уже на пенсии. Имеются внуки, правнуки. А я продолжаю трудиться.

Кузнецова Р.Я.

▶ НА ВОЙНЕ У МЕНЯ БЫЛ КОЛЛЕГА-МЕДИК, ЛЁНЯ, МЫ ДВА ЛЕЙТЕНАНТА. ОН БЫЛ ИЗ ОДЕССЫ. Я техникум закончила, а он должен был пойти на пятый курс в институте. Мне было 18, ему 20, один год не докончил, но тоже лейтенант. Мы вдвоем были в этом батальоне, два медика, коллеги. Всю войну вместе были, с одного котелка ели, в общем, все ухабы вдвоём. Я его уважала и любила как человека. Я девочка была, вокруг одни солдаты, блиндаж один на всех или землянка, или просто под небом, где спать? А Лёнька возле меня ляжет, чтобы никто не приставал, он как пёс сторожевой был мне – надёжный. Что-то помочь надо (ну, сами понимаете – как надо бывает девочкам, бывают такие дни), а тут одни солдаты, так он и плащ-палатку накинёт, и воды где-то мне достанет... Медик же! Он меня знал как облупленную. Чуть что: «Лёня, помоги! Лёня, сапоги намокли!» Он пойдёт, в окопе где-то найдёт новые, не знаю, может с убитого снял, но несёт сухие сапоги. Лёня говорил, что у него в Одессе была девушка, он хотел жениться на ней, но война помешала. Его мать и отец уехали в эвакуацию, девочку с собой эту взяли, и он мечтал, что, когда война кончится, он на ней женится. Вот такой был коллега, помогал он мне, я ему помогала. И ещё был лейтенант Толя, командовал минометом. Я влюбилась в него, он в меня влюбился, ну молодые же! А Лёня был коллега, я даже не замечала, что он мужчина, и он думал, что я хлопец – вот такие отношения. Но Лёня злился, что Толик ко мне ходит. Я мечтала, когда война кончится, мы поженимся, будут дети, будем вспоминать, как мы воевали. Вот я и домечталась... Лёню ранили в лицо, отвезли в медсанбат, он говорит: «Я тебе буду писать». А Толя погиб.

А с мужем я так познакомилась. Стою я как-то на дороге и думаю: «Хоть бы какая-то попутная машина!». Гляжу – едет машина, такая, что начальников возит, как в кино. Думаю: «Увидит, что девушка стоит – обязательно, гад, остановится». Каждый тебе комплимент кинет или «давай выходи за меня замуж» – шутят, я уже привыкла.

фото из архива М. К. Силантьевой

Думаю, сейчас опять начнётся обаятельно, это же начальник, а начальники думают, что им всё можно. Машина останавливается, выбегает какой-то подполковник, бежит ко мне, хватает меня в охапку. А я не поняла – что такое!? Поглядела – а это мой довоенный знакомый, Костя! До войны у нас в Подмоскovie часть воинская стояла, когда мы ещё студентами были. Балы были новогодние, и военные ходили к нам. И этот всё за мной бегал, приставал – мол, замуж за меня выходи! А я ещё сопливая: «Чё ты ко мне лезешь?» Он мне казался уже таким дядькой! А он говорит: «Я тебя полюбил». Ну, мало ли чего ты полюбил? Я ему так и отвечала, вообще была смелая такая. И вот надо же было нам на фронте встретиться! Он говорит: «Вот скажи, что это не судьба?» Я говорю: «Нет, не судьба». Он: «Ты знаешь, я всё равно о тебе думал. Я понимал, что ты техникум закончила, значит, тебя куда-то взяли. Думал, что ты где-то в госпитале, но уж никак не думал, что ты в пехоте». Они здесь были в атаке, и наши тоже. У них гаубичный полк, начал он перечислять: «Такого-то ты знала? Погиб. И тот погиб, и этот... Уже все новые в этой части, и я уже команду этой частью, командир полка, подполковник. Теперь-то ты не скажешь, что сопливая? Выйдешь за меня замуж?» Сказал, что ему 28 лет, жениться надо, его отсылают в академию в Москву, бу-

дет оклад большой, и если будет женатый – дадут комнату отдельную в общежитии для академиков, питание будет хорошее, одеться-обуться будет. Я подумала: «А, ладно! Выйду за тебя, чего я буду одна? Я любила, но тебя не люблю и не полюблю, ты это должен знать». Он однолюб, я тоже однолюбка. А он: «Полюбишь. Дети будут, семья будет. А тому, который погиб, ты ж не изменяешь – его нет...» В общем, убедил меня Костя. И мы провели с ним весь день. Он меня подвёз до посёлка, где стояла наша дивизия, хотел до медпункта довези, я говорю: «Не надо, я пойду пешком». Почему? Потому что все знают, что у меня были близкие два человека, а теперь скажут, что погналась за погонами. Те ж были лейтенанты, а Костя подполковник. Он сказал, что через 5 дней перевод сделает, чтобы я к нему в часть попала. А победа вот-вот будет, поедем вместе в Москву, там в ЗАГС пойдем, я должна его фамилию взять, чтобы в общежитии дали комнату отдельную...

Я иду по этому поселку мимо дивизии, и тут попадается мне какой-то капитан. Как прицепился ко мне – как болячка! Идёт и идёт за мной. Я встала у телефонного столба, а он говорит мне: «Выходи за меня замуж!» Я опешила, говорю: «Да ты что! Я тебя не знаю, ты меня не знаешь. Ты знаешь, какая я? Я военная, может, я со всеми здесь была...» Знаете, как думали

о женщинах-военных... А он говорит: «Я всё о тебе знаю. Знаю, что два у тебя друга было, один погиб. Наши две дивизии в одном корпусе, мы всегда в одном месте воевали. Я тебя видел ещё под Минском зимой, ты на лыжах ехала, где-то лыжи нашла, чтоб пешком не идти...» Я ему говорю, чтоб отцепился, а он как схватил меня – и к столбу жмёт, сильный такой. «Ну, – говорю, – я таких ещё не видела наглецов! Если б меня все жали, то что бы было со мной?» А он: «Скажи «да», тогда я тебя отпущу!» А у меня уже в мыслях про институт, про Москву. Говорю ему: «Да, да!»

– только чтобы отпустил. А он: «Ты учти, я тебя на слове поймаю!» Я говорю: «Лови, лови... Чокнутый какой-то!» И пошла себе.

На следующий день получаю письмо от подполковника. Написал, что санитарный отдел уже пошёл в запас, и через дня-три дня дадут команду меня отозвать, и тогда он за мной заедет. Ну, ладно, думаю, если не по любви, то по уму выйду замуж. На следующий день вызывают меня в штаб полка, дают моё дело (уже запечатанное) и в санотдел вызывают. Выхожу – стоит какой-то попутчик с маленькой машиной, подвёз меня. Начальник санотдела взял моё дело, пошёл куда-то. Я часа два ждала, а потом выносит опять моё дело и даёт мне назначение в какую-то дивизию. А чего мне в дивизию? Я в полк должна. Я думала, что тот подполковник уже всё сделал, как обещал. Нет, в дивизию, я обязана подчиняться. Я даже не знала эту дивизию! Дня

два её догоняли, они далеко уже ушли. Подъезжаем к штабу, выходит этот капитан, который меня возле столба прижимал, и говорит: «Что, я тебя поймал на слове?» А я: «Ничего ты меня не поймал!» Это было где-то 17 апреля 1945 года, мы двигались через всю Восточную Пруссию до Польши, а в Польше ждали эшелоны. Идём мы неделю, две идём, уже май наступает – а капитан меня всё умоляет. Он мне и кушать несёт, и на машину посадит, чтобы пешком не шла, а я всё равно говорю: «Я за тебя не выйду – и всё, до свиданья, не думай даже!»

И вот 9 мая, все сели за столы. И тут комдив объявляет, что, мол, у нас молодая семья сложилась, капитана такого-то и лейтенанта такую-то объявляю мужем и женой... Все начали кричать, поздравлять... Он поцеловать меня хочет, но он же мне чужой совсем! Перевод в эту дивизию мне сделал он же! Всего месяц его знаю, такой обходительный, не такой нахал, как сначала показался.

В Польше весь наш полк по домам поселили, а мы же муж и жена, мы у полячки с ним жили. Я захожу к полячке, комнату она мне показывает, а сама такая довольная, счастливая, хоть готова меня обнять, потому у неё только двое – капитан и лейтенант, а у других по 5-10 солдат в каждый дом, а ей повезло, как она посчитала. Я зашла в комнату, показываю кровать – чего одна? Две надо! А полячка мне: «Пани, пани советка, пани менжатка». Я потом поняла, что это значит «замужняя». Полячка что-то лепечет, что нельзя спать отдельно, а этот капитан стоит улыбается. Я говорю: «Что ты улыбаешься? На полу будешь спать!» – «Ладно, буду на полу». Проходит день, два, месяц, уже август, а мы всё ждем эшелон. За эти полгода капитан уже себя показал положительно, но я всё равно ему говорю, что не будет моим мужем. Он говорит: «Мы ж здесь в одной комнате». Ну и что? А если я жила с десятью солдатами в одном блиндаже или в одной землянке? Я сама себе в уголке. И вот в конце сентября нам подали эшелон и вывезли в Харьков. Поселили по домам, и меня

опять с ним же, думают, что я жена ему. Куда уже в институт? Хотела ехать искать подполковника, а капитан этот говорит: «Он не женится на тебе». И сознался, что потом, когда ездил брать вызов для меня, ему сказали, что меня должны перевести в гаубичный полк, там командир полка хочет на мне жениться. И тогда капитан полевой почтой ему письмо послал – мол, такую-то не беспокоя, она моя жена и уже беременная. А я думаю: «Какой же ты подлец!» Я так обиделась... Ведь тогда, на фронте, не до гульни было. Человек бежит, голова отлетела – а он ещё бежит... Я такой ад видела! Но этот был заботливый, такой внимательный, и когда поглядела я, как в Союзе поселили нас, согласилась. И он меня на следующий день в ЗАГС повёл, уже начало октября было. И вот тогда я его стала женой, а через год у меня сын появился. Вместе прожили до 1992 года. По частям ездили, он командовал частью, я заведовала медпунктом, у меня большой стаж.

Но, знаете, тосковала я только за тем, который погиб, за Толей. А этот мне условия создал, очень внимательный, такой семьянин, я как у Бога за пазухой жила. А медик Лёша... Обещал писать, но куда он писал? Я-то уехала из той части и фамилию поменяла. И вот мы переехали в Херсон в 1970 году, и я получаю от него письмо неожиданно. Тогда как раз коллективы ветеранов войны создавались, искали друг друга, находили, потом ездили на боевые места. И я получаю от него письмо, он в Одессе, и уже институт закончил. Оказывается, он попал в Ташкент, и в День Победы в Ташкенте ещё в челюстном госпитале был. Рассказал, что ему пулю через нёбо удаляли, чтоб лицо не резать, на лице ничего не заметно. Я написала, что у меня сын и дочь. Он как пристал: «Хочу твою семью увидеть, твою дочь увидеть!». Начал звонить, говорил, что пять лет после войны меня искал. А чего ты меня искал? Зачем? Я же помню, что он девушке какой-то писал. Я думала, он на ней уже женат, а он: «Не было никакой девушки. Я эти письма писал, тебе давал читать, а потом их выкидывал, потому что ты кого-то любила, а я был один. Не

было у меня никого, я о тебе мечтал. Я только через пять лет женился». Жил он в Одессе, он в Херсон ездил, мы туда ездили. В 1985-м году он уехал в Соединенные Штаты, живёт в Сан-Франциско. Пишет мне оттуда письма, я их выкинула. Пишет: «Милая Зочка, я не знаю, за что мне такие льготы здесь, я ведь не воевал за Соединенные Штаты, мы только союзники были». Ему дали пенсию богатую, и на жену пенсию дали, и жильё сто метров. Он мне писал, чтобы я продала всё и переезжала со своими детьми к нему, говорил: «Пока у меня поселишься, чего тебе там сидеть?» А я не захотела, могила мужа у меня здесь. Когда здесь деньги не платили, он мне посылки и деньги высылал ежемесячно. Звонит, девять цифр кода называет, я иду в банк с сыном Мишей, мне дают сотню долларов. Мне это подмога была. Все годы он помогал нам, мой сын в институте учился, платно же учился – это всё он...

Гринштейн З.И.

► У НАС САНИСТРУКТОРША АСЬКА БЫЛА, АСЯ, СМЕЛАЯ ТАКАЯ ДЕВЧОНКА. ОНА ЖИЛА С НАЧАЛЬНИКОМ ШТАБА, ОДЕВАЛАСЬ – «КУБАНКА», КОЖАНОЕ ПАЛЬТО, САПОГИ И ПИСТОЛЕТ НА БОКУ. Хорошая девчонка, с нами сидела в бункере, рассказывала про себя всё... Вот раз она улицу собралась переходить, а немец, если засечёт, стреляет. Мы перетащили пулемёт, а немец тоже не дурак. Увидел, что кто-то в кожанке – и секанул. Она только во двор забежала и: «Ой, ранило меня!» Мы её в хату завели, она кожанку расстегнула, штаны собралась снимать, а Сашка (был у меня друг) говорит: «Ой, Аська, не надо!» -- он уже увидел, что раны нет, в пистолет пуля попала, и её только обожгло.

Когда война закончилась, жена начальника штаба спрашивала меня: «Борис, скажи честно – с кем он был-то?» – «Да что вы, Нина Прохоровна!» А она говорит: «Я чувствовала, что кто-то у него есть, потому что у него бельё всё чистое, заштопанное. Я, – говорит, – даже довольна, что за ним кто-то ухаживал...»

Дроботенко Б.Н.

► У НАС ВАНЮШКА БЫЛ В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ «ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ», ЕГО РАНИЛО В ГРУДЬ, НО НИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАДЕЛО, НИ ЛЁГКОЕ, НО ПОТОМ У НЕГО РУКА УСОХЛА, БЫЛИ ПЕРЕБИТЫ СУХОЖИЛИЯ. Я ему заткнула эти дырки, и – в село. В селе мы взяли две подушки, обвязали его, командир связался с Городницей, что раненый у нас. Ваня стонет, а я обнимаю и целую его: «Тихо, тихо...»

Из партизанского отряда я

вернулась в Новоград-Волынский, война ещё шла. Я пошла работать в колхоз. Потом Ваня приехал предложение мне делать. Я посмотрела на Ваню, он же инвалид, рука висит. Мама говорит: «Ты ещё молодая, ещё встретишь человека». И я ему отказала, говорю: «Ваня, я не собираюсь замуж идти». Он уехал. Потом другой приезжал, его звали Мирон, хороший парень, тоже из партизан, из отряда «За Советскую Родину», но на задание ездил в Белоруссию. А когда приехал с задания, мы познакомились. Я у его родственников на квартире жила, просто общалась, но никакой близости не проявляли, нет – раньше ребята не такие были, как сейчас. Когда я уже ранена была, у нас парень был в главной разведке у генерала, звали Серёжа Полищук. Я в повозке ехала, раненая, а он подъехал и спрашивает: «Чего лежишь, дурака валяешь?» Я: «Не валяю дурака, я есть хочу! Принеси мне хоть

кусочек хлеба!» Так и пошло. Где-то наш отряд стоял, он приходит: «Я тебя шукал, привёз тебе хлеба и сала, а тебя не было...» Потом я поехала домой, а он был заброшен самолётом в немецкий тыл, был партизаном. Он был из Москвы, школу настоящую партизанскую проходил. Он мне понравился, и я согласилась. У меня была такая бумажечка от партизанского отряда, там мы и расписались, нам печать поставили.

14 февраля 1945 года я родила дочку, он был начальником, поехал открывать столовые в Западной Украине. Есть такое селение Ходоров, он поехал открывать столовую, и там его бандеровцы убили. Это было в первых числах января, так он дочку и не видел, и она его не видела. Мне один знакомый говорил, что он остановился у батюшки, туда пришли, забрали его – и всё... У него орденов много было, он носил их – Орден Красной звезды, Красного знамени. По орденским книжечкам я получала деньги в то время, когда платили за орден. Вот так я осталась одна...

Шевченко А.М.

► СО СВОИМ МУЖЕМ Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ В 1944 ГОДУ. В нашем полку была годовщина, мы были на Карельском перешейке. Большую палатку натянули, деревьями обсадили, столы накрыли буквой «П», пригласили артистов, они к нам приезжали.

Мы с подружкой Ритой договорились о встрече, чтобы пойти в соседнюю часть на танцы. Я вхожу в дверь, а он сидит напротив, молодой, на четыре года старше меня. И стоит перед ним стакан водки. Я думаю: «Господи, неужели такой молодой – и пьёт столько водки?» Мы вошли, прокрутились пару раз, и нам надо было уходить, нас командир полка всех предупредил, чтобы все были на годовщине полка. Девчонок-то всего 11 человек было, а мужчин много. Подруга говорит: «Уходим». И мы с ней стали пробираться к выходу и слышим – за нами кто-то идёт. Слышу, командир дивизиона кому-то говорит: «Хочешь, я тебя познакомлю? Это у нас две подружки, две Риты». И тот, другой, го-

Важно небо тени осветило
Зарница грохотом гроза
Разбойника больше не стало
Разбитая лишь только сосна.

Валес огарованье

Это он ходит за мной,
Всегда ищет меня
И при встрече со мной
Он падает ко мне,
Это шепчет во мне
Я повесть не могу
И смолчу над лесом
Кто даст право ему.

Только, как ты заблуд
И знаешь все твои дни
Са вью, ночь, как бездумный
Со мной шагаешь.

Слова нем он горюет
Гроби, нос и лице
Но глаза за глаза
Не надеваю его.

Голубые очи
Очень ярко горят
Очень ярко горят
Трудно свести вас пошам.

ворит: «Очень хочу». Они оба оказались капитанами. Комдив говорит: «Ну, знакомься! Это вот большая Рита, а это маленькая Рита». Так мы познакомились, а я и не запомнила, как его зовут. «Извините, мы спешим, нам дежурить надо!» – и мы убежали. А потом проходит какое-то время, вдруг я получаю записку, что очень бы хотелось встретиться, завтра будут танцы – вот там и встретимся, и подписал своё имя – Григорий. Я спросила у всех девочек наших, кто есть такой вот по имени Григорий. Никто не знает. Я так и не обратила внимания. А потом ещё раз получила записку, и опять не обратила внимания. Ну не знаю, кто это! А потом один раз стоим мы, разговариваем, и приходит солдатик, такой симпатичный мальчик-еврейчик, говорит мне: «А почему Вы моему командиру не отвечаете?» Я говорю: «А кто Ваш командир?» – «Савельев». А я не знаю никакого Савельева! Он подписывался именем, не фамилией. Солдат оказался водителем его машины. Потом этот водитель уже лично принёс записку...

В нашей части было какое-то торжество, и Савельев был в числе приглашенных. Ну, тут он пригласил меня танцевать. Танцевал он плохо, мне не интересно было с ним танцевать. Но, во всяком случае, он

мне сказал: «Я Вам несколько записок писал, а Вы мне не отвечали...» Я говорю: «Во-первых, я не поняла, кто это и что это». Так и познакомились. А потом мы долго не общались. Это был 1944 год.

Весной 1945 года мы встретились уже в Прибалтике, в городе Перно, между Таллинном и Тарту. Разговорились про танцы, мол, сегодня будут, придёте? – да, придём. Пришли мы на танцы, потанцевали, он нас проводил. Потом мы пошли в бой, а когда вышли из боя, опять мы редко встречались, части-то разные. Он был командиром отдельного противотанкового истребительного дивизиона, а я в артиллерийском полку. Поэтому у нас разные дороги были, хоть мы и в одной дивизии.

Встретились мы уже перед самой демобилизацией. Он говорит: «Куда ты поедешь?» Я говорю: «Поеду в Ораниенбаум». И он меня нашёл, когда я уехала, демобилизовалась, сдала документы, получила паспорт. Я учиться поступила, в Москву поехала, к бабушке. Приехала, а мама говорит: «Савельев несколько раз приезжал». И как начали они – и мама, и все: «Да что тебе надо, он молодой, не женатый!» А тогда много было случаев обмана: во время войны они все «холостые» были и много девушек

обманывали, а потом оказывалось, что они женатые. Ну, а тут уже война закончилась, молодой да не женатый, да что тебе ещё надо... Как начали долбать! И я вышла замуж – 26 ноября 1945 года. А потом уже пошла жизнь...

Савельева М.Ф.

► **СО СВОЕЙ БУДУЩЕЙ ЖЕНОЙ МАРГАРИТОЙ Я ПОЗНАКОМИЛСЯ В 1944 ГОДУ.** Я был на кораблях Варнинского дивизиона «больших охотников». 10 апреля 1944 года мы освободили Одессу и стояли в городе, и был перерыв. Я получил письмо, что мою мать, которая пробыла всю блокаду в Ленинграде, после прорыва блокады вывели в Торжок.

Конечно, я хотел повидать мать. И тут нас отправили в село Корюковку, в Черниговскую область. Команда поехала большущая – аж 70 человек. У нас было задание: вывезти из Черниговской области заготовленный при немцах лес и дрова. Немцы собирались этот лес вывезти в Германию, но не успели, а мы должны были его вывезти в Одессу. Одесса в это время уже потихоньку отстраивалась. Пока мы доехали, ребята себя ой как вели – и бушлаты продавали за выпивку, и шинели, а я хитрый, я ж непьющий! Поэтому

я следил за всем хозяйством, за всеми продуктами. Наш капитан Дегтярёв сказал сложить всё довольствие в одну комнату – крупа, жиры, мука, – и я за этим следил, меня поставили в виде контроля. И когда Дегтярёв поехал в Москву в Министерство железнодорожного транспорта выбивать вагоны (порожняк), он взял меня с собой. Сам он жил в Москве, у него там осталась жена, и мы поехали сразу к нему домой, в его квартиру. Наварили картошки в мундирах, поставили консервы, водку – это же был пир в военные годы! И тут входит женщина – моя будущая теща Валентина Акимовна Разумовская, бросается в объятия Дегтярёву – они соседями были, и жили хорошо. У неё квартира была рядом, на этой же лестничной площадке. Две дочки у неё – Маргарита и Галина. Когда людей из Москвы увозили в 1941 году в эвакуацию, жена Дегтярёва взяла с собой этих девчонок, увезла на восток. А в 1943-м уже все вернулись.

И вот сели мы за стол, уже вечер. Открыли бутылочку водки, налили всем «за встречу», а жена Дегтярёва говорит: «Подождите, сейчас девчонки с работы придут». И вдруг входят две фифочки, худющие как мой мизинец, дохленькие и похожи так, что различить невозможно. Я сiju скромненько, наблюдаю. Мы покушали, все довольные, даже как-то не повоенному... Потом все встали из-за стола, и жена Дегтярёва говорит: «А Вы будете ночевать у Разумовских, пойдёте там потанцуем». Я вхожу, смотрю – такая чистенькая, аккуратненькая квартирка, всё в белых чехлах (раньше модно было на простые стулья надевать белые полотняные чехлы). Я подумал: «Живут же люди!» Закрутили патефон, довоенная «Рио-Рита»...

А на второй день мы с Дегтярёвым поехали в министерство выбивать вагоны. В военное время получить вагоны было очень сложно. В этой командировке мне Дегтярёв сделал какую-то бумажку, чтобы я мог съездить к матери. Сразу же эти вагоны не дадут, пройдёт недели две. И, когда я уезжал, Акимовна мне сказала: «Если Вам будет нужно – приезжайте,

пожалуйста, останавливайтесь у нас». У них было две комнаты, диван шикарный. Они когда вернулись из эвакуации, у них в буфете стояла сахарница, и в ней было полно сахара – всё целое! И когда они увидели этот сахар... Первый раз пили чай с сахаром.

Я потом вернулся в Москву, мне же надо было всё-таки выбить вагоны. Рита была на работе, но отпросилась – она на меня глаз положила.

Потом из Корюковки я ей написал письмо. Мы отгрузили первую партию, нужно было вторую грузить. А ребята наши по сёлам разошлись, невест себе нашли, нам докладывают – в одном селе беременная, в другом... Руководству я понравился, потому что я трезвый, и меня опять срочно отправили в Москву за вагонами, по проторенной дороге, уже по официальной командировке. Когда я второй раз приехал, я уже влюбился. Сестра моей Маргариты Галина ей говорила: «Ты будешь старой девой, тебе никогда никто не нравится!» И это несмотря на то, что они в госпиталях работали, и там кто-то за ними ухаживал. Моя жена сейчас вспоминает: «Я когда в тот вечер к соседям зашла, смотрю – сидит такой статный, здоровый, загорелый, красивый!..» Она только на меня и смотрела. И когда мы начали танцевать, Галина меня давай кружить. И вдруг подходит Рита, отталкивает Галину, и начинает со мной танцевать...

Из Одессы я ей тоже писал, и меня снова и снова посылали в Москву за вагонами, и я же уже заинтересован был! Последний раз поехал в конце апреля 1945 года, сказали заканчивать погрузку леса. В это время мою Риту посылают на лесозаготовку – это было так страшно! Она же была такая худющая! Помню, мы как-то сидели с ней на диване, любезничали, я её взял за руку – а у неё такие тонкие пальчики и ногти синие... У меня к ней как к девушке, как к женщине даже чувства никакого не было – мне её просто было жалко, она же как цветочек... И её посылают на лесозаготовку! От каждой конторы нужно было послать по человеку, а у них один старый дед и женщины.

А одеты как были! Сейчас рубашка теплее, чем тогда у неё было пальто. Рита страшно расстроилась, она понимала, что едет на смерть. Я говорю: «Я завтра уезжаю», а она: «А я еду с тобой!» И я её увёз в Корюковку. Акимовна нас благословила, сразу отпустила. И начальник у Риты был хороший человек, с интересной фамилией – Миленский. Мы пошли к нему, я наплёл ему с три короба, и он всё понял и Риту уволил. А просто уволиться с работы, чтобы не ехать на лесозаготовки, было нельзя – на работе же хлеб давали, 400 граммов! Только этим же и жили.

У меня кое-какие деньги были, я Риту оставил в селе у хозяйки, оставил им муки и деньги. У хозяйки куры были, они там пекли какие-то блины, делала галушки. Картошка была, Рита два яичка в день съедала, и это для неё было верхом возможностей! А сам я мотнулся в Одессу. Потом, когда мы весь лес вывезли, я за ней приехал и не узнал – смотрю, а у неё такое личико покруглевшее, как будто опухшее. Я думал, что она или опухла от голода, или спала перед тем, как я приехал – а она просто немножко отъелась... Она без меня в селе две недели была. Оказалось, она там всех лечить начала: сначала одну старуху прихватил радикулит, и Рита её вылечила горячим утюгом, и по всей Корюковке слух пошёл, что доктор появился! И ей за это то десяток яиц давали, то ещё что...

Поженились мы в Одессе, после Победы. Ей нужно было возвращаться в Москву, потому что я уже не мог её подкармливать, меня опять на корабль забрали. 8 сентября 1945 года мы расписались. Зашли в ЗАГС возле Оперного театра. Сидит женщина. У Риты паспорт, а у меня паспорта нет, на что расписывать? У военных паспортов не было. Эта женщина намекнула, чтобы я ей заплатил. Пошёл я к начальнику милиции, написал заявление с просьбой расписать, и штамп мне поставили в военный билет. И дали удостоверение, которое у нас есть до сих пор – с 1945 года мы женаты...

Афанасьев И.П.

МИНУТЫ ОТДЫХА

Под музыку можно станцевать, можно закурить и подумать о близких, можно просто помолчать. Покрутил ручку патефона — и вот уже рядом с тобой и Леонид Утесов, и Клавдия Шульженко. Да что там Шульженко — рядом мать, жена, дети — те, за которых сражаешься.

▶ **ЕСЛИ В ОКОПЕ СИДИШЬ, ТО КАК ОТДЫХАЕШЬ? ШИНЕЛЬ, ПРИКОРНЕШЬ... БЫЛ СЛУЧАЙ: ОКОП, ПОДНЯТЬСЯ НЕЛЬЗЯ, НЕМЕЦ КОСИТ И КОСИТ.** Тут пошёл снег, дождик. Вода в окопе, и пока лежишь, вода нагреется, вроде нормально, а как станешь переворачиваться – холодная вода поступает, холодно. А под утро повар приполз, термос принёс с завтраком, по сто грамм, поели мы – и весь отдых... Всё зависит от нервов: когда большое напряжение нервное, болезнь как-то отходит.

Когда меня во взвод назначили, мы во второй линии обороны были. Мне помощник командира взвода говорит: «Дроботенко, сегодня ты дежуришь у пулемёта, смена придёт – замени тебя». Ну, ребята в домах, на квартирах отдыхают, а я стою, смотрю – час, два, три, четыре часа никто не сменяет меня. Приходит помкомвзвода: «Дроботенко, тебя никто не сменил?» Сменили потом уже, через 8 часов... А я, видать, простыл, голова разболелась, прихожу в хату, а там пожилая женщина спрашивает: «Что бледный такой?» Я говорю: «Голова болит». Она: «Сейчас полечим». Дала две таблетки, налила вина полстакана и периной укрыла, меня как потом прошибло! Я говорю: «Мама, спасибо тебе!» Люди нас хорошо принимали...

Дроботенко Б.Н.

▶ **В ГОСПИТАЛЕ У НАС ОСОБЕННО СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ НЕ БЫЛО, ПОТОМУ ЧТО МЫ ВСЁ ВРЕ-**

МЯ СИДЕЛИ И ЖДАЛИ – ВДРУГ РАНЕННЫХ ПРИВЕЗУТ? Утром приходили, а уходили уже поздно вечером. Периодически нас выводили на отдых – в бане помыться. Если зимой, то мы в палатке мылись: палатку натягивали, нарубят еловых веток, на снег настелют, а солдатская кухня нагреет воду – и так мы мылись.

Из госпиталя я пошла в связь и очень быстро изучила аппарат. Во время войны, когда шли в наступление, то связисты в основном сидели у аппарата и слушали, или, если эту связь нарушили снаряды или бомбы, то значит надо было ремонтировать. Но на ремонт солдаты ходили, девушек-связисток не заставляли. Но я за них дежурила. А я тогда очень мучилась бессонницей. Мы дежурили по шесть часов. Допустим, в два часа ночи надо меняться, а я никогда не будила солдата, продолжала дежурить до утра, у меня бессонница, я всё равно не сплю. Они за это меня отпускали на танцы. И если были танцы, то те, кто был свободен, приходили дежурили вместо меня, а я на танцы. Вот такая у нас взаимовыручка была.

На танцы мы в свою часть не ходили. Потому что если ты кому-то из ребят нравишься, то он считает, что как это так – ты в чём-то ему хочешь отказать... В полку у меня была подруга Маргарита, и я тоже Маргарита, но она была выше меня ростом, и нас звали Маленькая и Большая, даже по имени редко называли. Только скажут

«Маленькая» – и всё понятно. И мы с ней ходили на танцы в другие, соседние части. Потанцевали и ушли домой – и всё.

Один раз мы очень хотели выглядеть красиво, решили подкраситься. Нам захотелось, а у нас же ничего не было, да мы и вообще не знали, как это делать. Ну, губы-то мы нашли чем покрасить – пошли в столовую, попросили кусочек свёклы, накрашили губы. Ну, брови накрашить – это вообще проще всего, потому что у нас отопление было только печное, и были чёрные угли – брови ими подкрасили. Ресницы тогда никто не красил, глаза не подкрашивали – не знали, что это такое. А чем же попудриться? Мы думали-думали, а стены у нас были не белёные, под обоями. А потом вспомнили, что у нас зубной порошок был – зубы им чистили. И вот мы губы свёклой накрашили, зубным порошком напудрились, брови углём нарисовали и пошли на танцы. А командир роты у нас был доктор Козей из Харькова. И он любил танцевать только со мной и только вальс бостон. И вот он пришёл и ждал меня. Мы открываем дверь, а он напротив двери стоял. Мы с подругой входим, а он как увидел нас – бегом к нам навстречу и говорит: «Марш домой умываться!!!» А нам было так обидно! Мы ж так старались быть красивыми, понятия не имели, чем надо краситься, как надо краситься... Но хотелось! И вот такая неудачная у нас попытка была. С тех пор я не красилась, и сейчас у

меня и пудры-то нет. Помада есть, меня иногда заставляют губы немножко подкрашивать, потому что уже цвет не тот. После этого мы на танцы не пошли, шли и всю дорогу плакали. А доктор нас потом всё время попрекал: «Как вы могли додуматься!». Ну нам же красивыми хотелось быть...

В 1975 году поехали мы на встречу с фронтовыми друзьями. Я поехала с мужем, и вот ко мне подходит один мужчина и спрашивает: «А ты помнишь меня?» А я помню что-то смутно, и говорю: «Да, ты Володя...» Он говорит: «Да, Володя. Ведь мы же с тобой все танцы открывали!». А я танцевать любила, и говорят, что неплохо танцевала.

Музыку помню. У нас баянист был. У меня есть у меня газета «Киевские вести» – там к 9 мая стали печатать все наши песни, которые мы пели во время войны – там прямо про то, как я на фронте была, в тёмной, тёплой землянке. И я все песни вырезала из газет. Было очень трогательно и приятно, что в газетах напечатали наши песни, потому что уже всё забывается...

Савельева М.Ф.

► **Я ПОПАЛ НА ТАНКЕР «ПЕРЕДОВИК». ДО ВОЙНЫ ТАНКЕР ПЛАВАЛ КАК ОБЫЧНОЕ ТОРГОВОЕ СУДНО, ПЕРЕВОЗИЛ ЖИДКИЕ ГРУЗЫ.** В одном из походов на судно взяли киноаппарат и две кинокартины – один документальный фильм и «Волга-Волга». Война началась, и на судне осталась эта картина. Идёт война, крутят эту картину. И все уже сто раз посмотрели, дошло до того, что плёнку наоборот поставят, крутят задом наперёд и смеются. Сами себе были и киномеханики. А что было делать? На берег нас никто не пустит, в этом строго было. Вот сами себя и развлекали...

Афанасьев М.Е.

► **ЕСЛИ БОЙ ТЯЖЁЛЫЙ, МНОГО ПОГИБЛО ЛЮДЕЙ, ТО ОТВОДЯТ НА ВТОРОЙ ЭШЕЛОН.** Первый эшелон – это передовая, а если долго стоим в обороне, то

окопы уже выкапываем, землянки делаем. Личный состав по землянкам, в окопах несколько бойцов – часовые, их сменяют, они отдыхают, «помойка» идёт. Мы смеялись: «помойка» – это когда моют. Ну, как моют? Зима, снег, в лесу стоит часть, подъезжает какая-то палатка натянутая, такая длинная, потолка нет, под открытым небом. На снег кинут досточки, чтобы не на снег стано-

витья. Над палатками проводят душ, и машина его включает на 20 минут. Зашло 50 солдат, скидают бельё. А мы, медики, отвечаем за то, чтобы вшивости не было. Боялись – тогда тиф был, эпидемия. У медика какая-то мазюка была, но я к этому не прикасалась. Солдат снимает бельё, кидает у входа в эту длинную палатку. Медик – раз! – ему подмышки, волосистые части – хоп-хоп! – помазал. И идут солдаты, маленький кусочек мыла хозяйственного дают каждому, полотенца малюсенькие. Вошли, помылись, идут на выход. Бельё в куче, сушилки стоят тут же, бельё вешают, не моют. Когда выносят оттуда – оно как жжёное, чтобы вшей убить. И опять это же надевают. Вот так мыли. А бывало, месяцами не мылись, когда тяжёлые бои. Нас отводят на пополнение, людей, технику пополняют, автоматы

дают, вот тогда и моют нас. Я своему коллеге-медику говорю: «Как же мне помыться? Всех в 12 часов будут мыть, пойдй скажи, чтобы включили мне один душ, я до них вымоюсь». Пошла я, положила белье, на снегу стою, голову вымыла, вижу – волосы уже превратились сосульки, небо-то открытое, холодина зимой. И ничего – болячек не было. Выхожу, говорю: «Я пойду в землянку, там печка, потому что холодно». Полотенце же маленькое, я только на голову набросила – и оно уже намокло...

Гринштейн З.И.

► **У НАС В ГОСПИТАЛЕ БЫЛ ЗАЛ, ГДЕ СОБИРАЛИСЬ ХОДЯЧИЕ БОЛЬНЫЕ.** А те, кто не мог ходить – мы их на колясочки, на каталочки, и тоже туда привозили. И приезжали к нам артисты. Я помню Александровича; Шульженко была в госпитале. Артисты выступали на сцене, мы им до этого приготавливали цветочки и кого-то готовили из раненных, чтоб вручать. Да и готовить не нужно было! Они были настолько благодарны, что не отпускали, говорили артисту: «Пожалуйста, ещё спойте!» И самодеятельность мы сами готовили, я же в педучилище училась. И мы выступали. Стихотворение Симона только вышло – «Жди меня», и оно было в таком почёте у всех, что только войдёшь в палату, они сразу суют листочек – мол, прочитайте это стихотворение! Потому что у каждого девушка дома, жена, им интересно прочитать это стихотворение, чтобы самому поверить, что их точно так же ждут, как пишет Симон в этом стихотворении, посвящая его своей жене.

Кузнецова Р.Я.

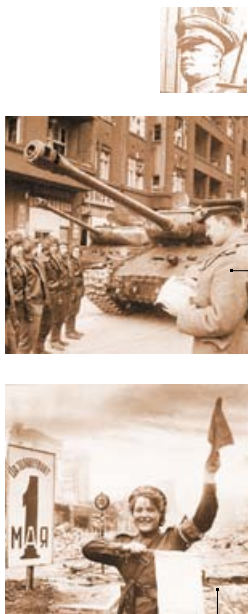
фото из архива Дроботенко

КОНЕЦ ВОЙНЫ

После победы над Германией место былинных героев занимают герои-современники. Георгий Жуков, Иван Кожедуб, Александр Покрышкин – трижды Герои Советского Союза становятся известнее Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алёши Поповича. Но и простые бойцы Красной Армии не уступают им в силе, отваге и сноровке. О них не только пишут романы, повести и стихи – о них слагают настоящие сказки. Особенным вниманием пользуются краснофлотцы – закусил ленточки бескозырки и в бой на гитлеровцев!

► **ЭТО БЫЛО В КУРЛЯНДИИ. МЫ ТАМ БЫЛИ НЕДАЛЕКО. И ВДРУГ ОБЪЯВИЛИ, ЧТО ВОЙНА ЗАКОНЧЕНА.** Что творилось!.. Что было!!! Шапки летели, фуражки летели, пилотки летели вверх. Все кричат, кто плачет, кто смеётся; стреляют и из пистолетов, и из автоматов, и из винтовок вверх. Кто плачет от радости, что война закончилась, и он едет домой к семье. Кто плачет с горя, что никого не осталось, все погибли. Но такое было, что забыть этого нельзя...

Савельева М.Ф.

► **Я ПАМ'ЯТАЮ, ЩО ВСІ ЦІЛУВАЛИСЬ І ПЛАКАЛИ, ЩО ЗАКІНЧИЛАСЬ ЦЯ ВІЙНА.** Я пам'ятаю, що виходили люди, кричали "Ура!", обнімались і плакали. Я запитувала в мами: «Чого це так плачуть всі?» Німців вже ж не було, а мама каже, що ми вже нікуди не підем, ми будемо жити тутечки, ніхто нас уже вигонять не буде, будемо уже ми жити...

Бундуки В.М.

► **ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ... ВОПЕРВЫХ, ВСЕ ОЖИДАЛИ, ЧТО ВОТ-ВОТ ПОБЕДА.** Я был курсантом спецшколы военно-воздушных сил в Одессе. Нас направляли, посылали троих или четырёх человек на обход около училища. Мы ходили с винтовками, как патрули, потому что там случалось воровство, но нам что-то вору не попадалось,

не было такого случая. И вот один раз в патруле, я там сам не был, это ребята рассказывали, что на улице начали стрелять. Так и должно быть, мы поняли, что конец войны. Но всё-таки – кто его знает? Вдруг там какие-то бандиты или ещё что-нибудь? Побежали туда, там говорят: "Конец войны... Всё!" И стреляют. Ребята прибежали, вернулись в училище, разбудили нас, мы все высыпали на улицу. Вот так мы встретили победу.

Врадий Ю.А.

► **Я ВЫШЛА ЗАМУЖ 9 МАЯ, В ДЕНЬ ПОБЕДЫ. СТОЛЫ СБИЛИ, ДЕНЬ ПОБЕДЫ ЖДАЛА ЧАСТЬ.** И вот все садятся за столы, всё командование – человек двести, а солдаты отдельно. И вот комдив объявляет тост за Победу. Потом 5 минут молчания за погибших. А потом комдив объявляет, что война закончилась, а у нас вот молодые – я лейтенант, а он капитан. Мне уже 21 год, а ему на 2 года больше. Комдив говорит: «Вот такого-то и такую-то данной мне властью объявляю мужем и женой!» А я его толком и не знала, этого капитана, месяц как познакомилась. Все сели за столы, а он всё ко мне пристаёт, говорит: «Ну хоть сделай вид, что ты согласна, потому что я своим друзьям сказал, что я женюсь, и что ты согласилась». Вот такая у нас была свадьба.

Гладштейн З.И.

► **ПИШУТ ПРО ТО, СКОЛЬКО РАДОСТИ БЫЛО, А Я НЕ ЗНАЮ...**

У нас радости не было... Мы плакали. Просто у нас все погибли, понимаете? Мой отец погиб, мои три дяди погибли, моих четыре брата двоюродных погибли на фронте... У нас больше слёз было, честно говорю, по родственникам. Мама оставалась одна со мною, плакала, говорила: «Как же я буду одна, без мужа?» Не буду выдумывать про победу...

Фурсенко О.З.

► **БЫЛО ЭТО ГДЕ-ТО В АПРЕЛЕ 1945 ГОДА.**

Был у меня друг по фамилии Половников, 40 с лишним лет ему было. Ну как друг? Просто вместе в запасе были. Когда мы на фронт прибыли, нас разъединили. И мы уже во всю наступаем, у нас сила, видно уже, что немец выдохся. И этот друг увидел меня, подскочил, сел и рассказывает, что у него были мать, жена и дочка – парочка утонул и они погибли. И мне говорит: «Знаешь, Бориска, я не доживу до победы...» Я: «Товарищ Половников, сила-то у нас какая!» А он: «Нет, я чувствую». Только заехали в лесок, остановились там, вроде затишье... И тут прибегают один, говорит: «Половникова убили, осколком в сердце, стрелял немец из миномета вслепую». Вот чувствовал человек...

Победу я встретил в 20 кило-

метрах от Праги. Всё! Стрельба открылась, настоящее зарево! Из пулемётов стреляли, ракеты – всё в небо, в одно время, восьмого мая.

Дроботенко Б.

▶ ДЕНЬ ПОБЕДЫ Я ВСТРЕЧАЛ НА ГОСПИТАЛЬНОЙ КОЙКЕ.

3 июля 1945 года меня выписали, и я попал в запасной полк, там три недели был. Набирали пополнение, майор меня спрашивает: «Ранения есть?» Я: «Есть» – «Не годишься». И идёт дальше. Я побежал дальше в колонне, он: «Ты снова здесь?» Я: «Повреждения кости нету, только мягкой ткани!» Он меня забрал, и я попал в авиаэскадрилью. Это было в 1945 году, после войны, в июле месяце, на территории Австрии. В авиации прослужил пять лет, и только в апреле 1950 года демобилизовался. Попал первый раз в отпуск и женился на той девочке, которая за моей семьёй ухаживала, в хозяйстве помогала.

Перетьяко Д.К.

▶ Я В КОЛХОЗЕ НА КУРСЫ ТРАКТОРИСТОВ ПОШЁЛ, МЕНЯ ОТПРАВИЛИ В КОЛХОЗ, И Я ЕЩЁ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ, КОНЕЦ 1944 И НАЧАЛО 1945 ГОДА РАБОТАЛ ТРАКТОРИСТОМ В КОЛХОЗЕ. И 9 мая я был в поле, загружаю что-то на трактор, у нас вагончик стоит... И вот Володя Скляр, он был моложе меня, несётся на коне – по полям, по всем бригадам! Конь в мыле, он сам хрипит уже, подъезжает к нам: «Война кончилась!» Как мы всполошились! Кончилась, война кончилась, ой боже! Сколько слёз, потом митинг. В сельсовет два колхоза собирались, но какой митинг был – траурный, а не радостный. Слезами все заливались, слёзы о погибших, женщины стояли – вдовы... Но там хорошо организовали, где-то взяли героя Советского Союза, фронтовика, он выступал...

Чуйченко И.С.

▶ ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ НАС ОСВОБОДИЛИ АМЕРИКАНЦЫ В 1945 ГОДУ, В ИЮНЕ МЕСЯЦЕ. Мне было лет шесть. И, считайте, когда я вернулась в 1945 году, мне было

уже 6 с половиной лет, почти семь. Помню, что когда заходили американцы, мимо по городу ехали огромные машины, и мы стояли, стояли... Американцы нам давали

галеты – такие пачечки. Помню, что какой-то девочке дали резиновые большие перчатки чёрные, для чего – не знаю... Приходили какие-то люди, подписывали какие-то бумаги, пошёл слух, что будут нас куда-то везти... Мы ещё боялись: «Куда везти?» Мы уже здесь привыкли. Наверное, будут нас где-то топить или вешать...

Шаварина О.Л.

▶ МЫ, КТО РАБОТАЛ В ГЕРМАНИИ, ПОЧУВСТВОВАЛИ, ЧТО ОТНОШЕНИЕ К НАМ ИЗМЕНИЛОСЬ. Немцы к нам хорошо стали относиться, это уже была весна, март-апрель 1945 года. А мы ж ничего не знали... А потом ребята приходят и говорят: «Русские уже здесь близко!» Мы: «Как русские близко?» А ребята говорят: «Смотрите, как бомбят!» Русские бомбили днём, а американцы и англичане ночью. Русские бомбят – а мы кричим... Они пролетали мимо лагеря, а дальше бомбили. Наша электричка, на которой мы работали, попала под бомбёжку в Потсдаме, все кричат: «Русские! Русские!» А потом нас послали окопы рыть, потому что уже вот-вот русские зайдут сюда, нам уже сказали.

Когда день победы, мы не знали. Мы узнали, только когда уже вошли англичане и американцы. Мы что, календарь имели? Помню только, что тепло было, уже всё зеленое стояло. Уже не было никакой работы, всё было тихо и спокойно. Мы в Потсдаме были, наш поезд

остановили. И всех, кто был в поезде, выгрузили – людей много было с этими нашивочками «OST». И нас начали расспрашивать: «Кто ты? Откуда? Как же ты попал сюда?»

Нас американцы освободили. И моментально разделили территорию, русские здесь, а мы – на другой территории.

Кулик О.Н.

▶ ВЫ ЗНАЕТЕ, ЛИКОВАЛО ВСЁ СЕЛО! НО И СЛЁЗ БЫЛО ОЧЕНЬ МНОГО.

Плакали те, кто до сих пор не получил известий от своих... Может быть, их уже и нет, но пока семьи не получили похоронку, они ликовали – слава Богу, может, остался жив, придёт домой. А у кого погибли – не то что там плачь, вой стоял по селу! И радовались, и плакали. Плакали оттого, что близкие остались на фронте, плакали оттого, что закончился это кошмар. Мне хорошо запомнилось, как мы все шли с флагами по селу, нарядные, с цветами – это что-то невероятное!

Возвращение солдат как-то не очень красиво прошло. Они же не все сразу приходили. Конечно, в больших городах эшелоны встречали, а это село, один-два человека придут, на следующий день ещё один-два человека. Но когда приходили солдаты, то к ним шло всё село. Угощений – пустая картошка в мундире, но для всех. Сажали всех за стол! Вернулся кормилец, вернулся сын или отец с фронта – это ж такое событие... У меня на фронте погиб брат, погибли два дяди. Вернее, я считаю, что они погибли, потому что один под Ржевом погиб, прислали повестку, что пропал без вести, там было такое месиво, что невозможно было найти ничего. А второй дядя мы не знаем где пропал... Папа тоже был на фронте, он был сапёром, но слава Богу, он пришёл домой, был ранен. Но все равно он в 70 лет ушёл из жизни, война сказалась...

Кузнецова Р.Я.

женщина Степана, и снова скала

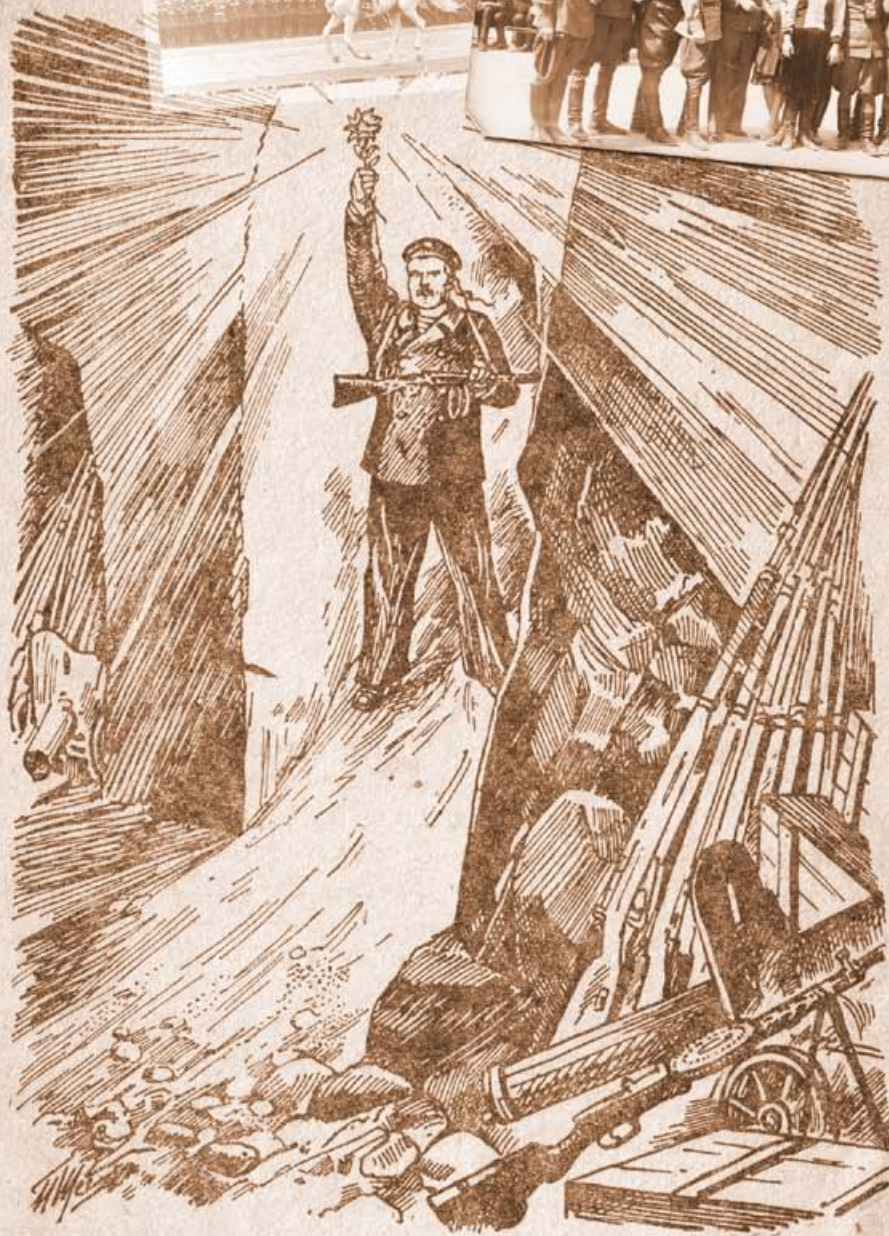
ю галерею, и кажется ему, что
матрос, что попал он в забр

стрел Степа
м и светлом
ему это л
тепан припо

от всего се
анным у п
?!

схватил рука
-то! Сколь
лавного гор
а священно
анова плеча
идёт час—и
валин. Ты
мень да гор
душа Слав
у, и всё во
лена спала
илось его в
вле них бы
там и тут о

к них сидят
енных белы
вку оперши
а иные про
одный метал
по портрет
шие некогда
его дальше,
на свободу с
оря, которых

Идёт Степан час, и два, а пути всё конца не видно.

2 Три матроса

ДОМОЙ!

«Хочу, чтоб к штыку приравняли перо!..» – писал Владимир Маяковский. А гармонь? Гармонь тоже можно было приравнять – если не к штыку, то к полевой кухне. Как без гармонии? Без неё никак. Без песни фронтовой, без пляски удалой. А что уж говорить о долгожданной дороге домой... Порванные гармошки – это последние «жертвы» войны.

ДОМОЙ!

С 9 МАЯ ВЕСЬ ИЮНЬ И ИЮЛЬ НАС ПРОВЕРЯЛИ – ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ВСЕХ НЕ ПЕРЕШЕРСТИЛИ. Но американцы нас хорошо кормили. Один здоровый такой сидит, ногу на стол положил. Нас по одному запускали. Я как зашла, он спрашивает: «Откуда?» Я говорю: «Херсон». Посмотрели американцы карту, говорят: «Херсон – это камни, одни камни. Оставайся здесь! А хочешь, в Америку поедешь?» Я говорю: «Нет» – «В Англию? В Австралию? Во Францию?» Я: «Нет». – «А куда?» – «Домой! Мы с мамой договорились, если когда окончится война...» Он переспрашивает: «Если или когда?» Я: «Когда». Он: «Ты что, знала, что война кончится?» Я: «Да, я знала, что русские здесь будут!» Эти американцы или англичане, а, может, и немцы, – они не хотели, чтобы мы уезжали. Там нужно было восстанавливать города, и нам обещали, что мы потом там останемся жить. И многие остались, не захотели возвращаться.

Нас всех собирали сначала по республикам, потом республики по областям. Домой мы ехали с Николаевцами в одном свиношнике. Но мы рады даже этому рады...

Я уже ничего не боялась тогда. Я знала, что и с мамой мы встретимся, она в селе будет, она от камней уедет в село, и мы встретимся на камнях нашего дома. Камни – это в смысле, что всё разрушено. А вот не было разрушено! Мой дом стоял – единственный на всем квартале! Всё было разбито –

и дизельная электростанция, которая была там, где сейчас ЦУМ, там автобусы ремонтировали, и всё было разбито, и всё горело. Квартал весь горел. А наш дом остался цел! Даже ворота остались, на них остался след от пуля – это, когда немцы вели пленных, я пленным кинула хлеб, а в меня выстрели немец. Я поскользнулась, и очередь

мимо прошла, но остались от пуля следы на воротах – и пока дом не снесли, были эти следы на воротах...

Дома бабушка была, дедушка, тётя, а мамы дома не было. Я в слезы – где мама? А мама живёт теперь у тёти на улице Красностуденческой. Мама одна была с братом, брат на носилках, а дядя был на фронте, и поэтому мама жила там. Мама пришла, бабушка воду

нагрела, чтобы меня выкупать, мама своё платье принесла и всё принесла – сохранила...

Когда нас возвращали, нас всех сначала развозили по лагерям. Я забрала свои вещи, и в лагере всем нам давали наши личные карточки, в которых было написано, что работал и где работал, с какого времени по какое был на работе Германии. Там даже было про то, что я ногу. И с этой карточкой я должна была пойти в КГБ. Когда я приехала и сдала документы, нужно было рассказать, кто нас освободил. Я всё это рассказала, и был там старичок какой-то седой, почти лысый, полное белое лицо, синие глаза. Он взял мою карточку, на меня посмотрел... Вынимает фотографию и говорит: «Деточка, здесь одна фотография приклеена, а эту возьми себе, она тебе пригодится!» И она пригодилась, когда немцы давали деньги. На фотографии номер лагерный был. И справку дали мне в КГБ, что со мной всё в порядке, никаких антисоветских действий я не совершала. Хорошая справка. Я должна была эти документы сдать в фонд немецкий, их отправляли в немецкое посольство в Киеве. Мне тогда заплатили 500 марок, и это были большие деньги.

Кулик О.Н.

В ЛАГЕРЕ В МЮНХЕНЕ МЫ ДРУГ ДРУГА ПОДДЕРЖИВАЛИ, И ВСЁ ДУМАЛИ – РАЗ АМЕРИКА БОМБИТ, ЗНАЧИТ, СКОРО УЖЕ И НАШИ СЮДА ПРИДУТ, НАС ОСВО-

БОДЯТ. Кто живой – крепись, держись, иначе уведут в печку – и уже всё. И вскоре, правда, нагрянули американские войска, негры. А негры – они ж тоже военные, ловили девчат, девчата прятались. Было страшно, но друг друга поддерживали, думали – раз уже и негры тут, значит, скоро наши войска войдут, скоро будут собирать и отправлять нас на территорию, где уже войска наши, русские.

Радости, конечно, было много, когда пришли наши. Нас освободили. Но и тут ещё пришлось много пережить. Тут считали, что мы виноваты, раз мы попали в Германию в плен. Нас везли как пушечное мясо. Не всех фашисты успели уничтожить, и тех, кто ещё оставался в живых, собирали и переправляли уже к нашим, к русским. Тут уже, конечно, другое дело, надежда была. Мы хотели домой, домой! Мы же живые остались, нас не уничтожили! И нас переправили на нашу территорию, но и тут ещё было очень плохо. Везде издевались над нами, говорили – «немецкие подстилки», но мы же ни при чём, нас же забирали и делали с нами, что хотели.

Скиба В.В.

► **КОЛИ МИ ПОВЕРНУЛИСЯ ДО СВОГО СЕЛА, ДО КИНДІЙКИ, ТУТ НИЧОГО НЕ БУЛО.** Тут були крадії. Німців вже прогнали, і нам сказали, що можемо повертатись додому. Як стали повертатись, то ті люди, в кого була хата зруйнована, почали будуватись. А потім як прийшов Дробут Павел Афанасійович, колхозі ж тоді були, почав собірати в колхоз людей – посіяти треба було. Мама моя в колхозі не працювала. Вона працювала на консервном комбінаті, а коли вишла заміж, вона трохи в Антонівці робила, в совхозі...

Бундуки В.М.

► **ЭТО БЫЛО ЧАСА В 4 УТРА.** Мы тогда ещё были на работах в Германии, и вот мы утром вышли, у нас гористое место там было, мы вышли и увидели огоньки – это наши танки шли. Вот такое было освобождение. Дело в том, что у нас не было боёв, уже была капитуляция Германии. Только в 4 часа

утра наши войска прошли – и дальше на Чехословакию. И на второй день нам сказали идти в лагерь Лигниц, и мы шли 70 километров пешком в этот распределительный лагерь. Там нас проверяло МВД, и мы должны были оттуда ехать домой. И там было объявление о том, что кто хочет скот гнать и домой быстрее ехать, становитесь в очередь и записывайтесь. Но нас обманули, и мы пошли вместо дома ещё работать по воинским частям, по госпиталям. Меня поставили работать поваром, я сказала, что не могу, не знаю как. Они сказали: «Научишься. Что, кашу не сварить? Суп не сварить?» И я стала готовить офицерам.

Там я замуж вышла за Серёжу, он старшина, сверхсрочник. Он тоже работал там при части. Серёжа умер уже, я прожила 50 лет с ним.... После этой части (танковая часть была, ремонт танков производили) мы из Германии переехали машинами в Австрию, это был уже конец 1945 года. Новый год, я помню, мы были ещё в Австрии, а потом нашу часть перекидывают из Австрии в Среднюю Азию, и мы едем с мужем. И ещё три года я была в Средней Азии с ним. Здесь, в Херсоне, 1947 год был голодный, я приезжала в отпуск с мужем в Херсон, домой, и мы решили ещё остаться в Средней Азии... Совсем домой я приехала только в 1949 году.

Знахуренко В.Д.

► **ПОЛТОРА ГОДА Я ПРОБЫЛА В ЛАГЕРЕ. ТАКАЯ БЫЛА СТРАШНАЯ, МАЛЕНЬКАЯ.** Я первым делом, когда нас освободили, сильно искала косынку, лысая же была, сильно косынку хотела. Комендант нам сказал жить пока в домиках, которые немцы побросали. Помню, зашла в какой-то пустой дом, открыла шифоньер и нашла косынку. Не помню даже, как я завязала эту косынку, волос же не было! Мы понаходили кто платья, кто юбки и кофточки ихние, подвязывались – сильно же худые были...

Когда уже дорогу открыли, нас посадили на машину и всех отправляли на вокзал. Ехали, конечно, в простых вагонах, пассажирских не было, солома – и всё.

Ехали с нами женщины-солдатки, которые беременные, военные, мы с ними уже ехали домой.

Когда мы уезжали, весь Берлин был разбитый. Через Польшу нас везли, Польша была разбитая, камня на камне не было. Ну, немцы смотрят на нас, а мы на них смотрим. Мы с ними не разговаривали, потому что мы по-немецки не знаем, а они нас уже не трогали, они уже нас боялись. Не мы их, а они нас боялись.

Губарева Л.А.

► **УЖЕ ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ НАША ЧАСТЬ СТАЛА ВОЗВРАЩАТЬСЯ К ЛЕНИНГРАДУ, ПОТОМУ ЧТО НАШ ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОРПУС ТАМ ЧИСЛИЛСЯ, И СЕЙЧАС ОНИ ВСЕ ТАМ.** Вот мы и направились туда. И вот прошли несколько машин по дороге, всё нормально... Люди, полные машины людей... И тут одна машина свернула на полметра с дороги и взлетела вверх – там была мина. И люди, которые прошли всю войну, погибли, уже когда ехали домой. Вот это действительно трудно перенести было...

Савельева М.Ф.

► **ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА, НО В ЧЕХОСЛОВАКИЮ, В ТОТ ГОРОДОК, В КОТОРОМ Я РАБОТАЛА, НАШИ ВОЙСКА ПРИШЛИ ТОЛЬКО 20 МАЯ 1945 ГОДА.** Они взяли на учёт всех нас, кто из Советского Союза, и мне удалось благодаря этой воинской части вернуться домой. 27 мая посадили меня на поезд. В дороге были происшествия, украли у меня чемодан, вещи, но это уже мелочи жизни. Меня волновало одно: как там мои родители. Они знали, что я жива – я через воинскую часть письмо направила домой. Но многие годы уже связи не было – с конца 1943-го года, с тех пор, как меня угнали. Я не знала ничего о родителях, и они обо мне не знали ничего. Я приехала в Херсон 14 июня 1945 года и на вокзале встретила свою двоюродную сестру. Она сказала, что с родителями всё в порядке, и я, уже окрылённая, помчалась домой.

Матвиенко Б.А.

▶ ОТЕЦ УШЁЛ НА ФРОНТ И ВОЕВАЛ ВСЮ ВОЙНУ.

Начал от Москвы, дошёл до Латвии. У него было несколько контузий. В 1945 году мама вдруг нам пишет: «Отец приехал!» Раненых везли эшелонами через Москву в Сибирь. И когда эшелон стоял в Москве, он выскочил в чём был – в пижамах. Мама говорит: вдруг стук в дверь, открываю – отец в пижамах! А ведь ничего о нём не знали, писем не получали. Откуда? Как? С Луны свалился... А он говорит: «Сбежал!»

У него началось сумасшедшее давление, за 360, и началось разложение мозга. То месяц хохотал день и ночь, то плакал. Умер отец в 1950 году. В своё время, когда он лежал в госпитале, ему один раненый напроорочил: «Умрёшь ты в 1950 году». И это его всю жизнь преследовало. Мама говорит: «Алёшка, давай тебе вот эту одёжку купим!» А он: «А мне до 1950-го хватит?» Это я никогда не забуду.

Афанасьева М.А.

▶ Я ДАЖЕ НЕ ПОМНЮ, КАК МЫ ЕХАЛИ В ПОЕЗДЕ, А ВОТ ЧТО САМОЕ ЯРКОЕ ЗАПОМНИЛОСЬ – ЧТО ВСЕ ЦЕЛОВАЛИ ЗЕМЛЮ И ПЛАКАЛИ, ЧТО ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ. ЭТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ПОМНЮ...

Меня повезли в Киев, а мама и папа уже были в Киеве. Тётя нас везла, нас было два мальчика и три девочки, и оттого, что нечего было одеть, мне сшили сарафан. Приехали мы на Украину, пересекли границу, и вот первое, что я помню: все высыпали из вагонов и целовали землю, и благодарили Бога, что вернулись домой. И помню первые слова: «Ряженка, ряженка – три

карбованца», я поняла их.

Потом приехали в Киев. Эта женщина сказала, что сейчас будем встречаться с родителями, а вдали стояли люди, они начали идти к нам, а глаза разбегаются, не знаешь, на кого смотреть... Но я увидела женщину небольшого роста, в голубом платье, таком синем с белыми горошинами, и она протянула руки ко мне и: «Донечка, донечка!» – вот так я узнала маму свою...

Нам не разрешили жить в Киеве сначала, мы же ещё проходили проверку. Пока узнали, кто откуда, мы жили сто километров от Киева. Я тогда всего боялась, потому что мама говорила: «Никому нельзя ни в коем случае рассказывать!» Потом уже мы реабилитировались, я стала вспоминать. Воспоминаний осталось очень много страшных. Первые годы я буквально вскакивала ночью, мне чудились какие-то страшные вещи. Потом начала говорить потихонечку...

Шаварина О.Л.

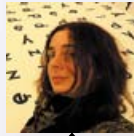
НАД АЛЬМАНАХОМ РАБОТАЛИ:

Александр Юдин

Устин Данчук

Елена Афанасьева

Николай Гоманюк

Людмила Кушнир

Дизайн: Максим Афанасьев

Выражаем благодарность за помощь в сборе материалов альманаха:

Херсонскому городскому
совету ветеранов

Херсонскому областному
краеведческому музею

актёрам и режиссёрам
Херсонского Муниципального
Центра им.Вс. Мейерхольда

Коробову
Владимиру Кузьмичу

Макарову Сергею

Силантьевой
Марии Кузьминичне

Гоманюку
Николаю Анатолиевичу

Особая благодарность:
ВБО «Турбота про літніх в Україні»

→
На обложке:
Свиридко
Надежда Андреевна
фото: Макс Афанасьев

ЦЕНТР МОЛОДЁЖНЫХ
ИНИЦИАТИВ «ТОТЕМ»
ХЕРСОН
2010

тираж: 500 шт.
распространяется бесплатно.

